

К. ЧУКОВСКИЙ.

**ПОЭЗИЯ
ГРЯДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ.**

УОТЬ УИТМЭНЬ.

ИЗД. „П А Р У С Ъ“. ПТГ.
1918.

К. ЧУКОВСКИЙ.

**ПОЭЗИЯ
ГРЯДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ.**

УОТЬ УИТМЭНЬ.

Съ приложеніемъ статьи А. Луначарскаго.

ИЗД. „П А Р У С Ъ“. ПТГ.
1918.

Типографія издательства „ПАРУСЪ“. Петроградъ, Шпалерная, 26.

Отъ автора.

Я много виноватъ передъ Уитмэномъ, и мнѣ хочется въ предлагаемой книжкѣ загладить свою вину. Дѣло въ томъ, что лѣтъ десять назадъ я издалъ объ Уитмэнѣ брошюру, отъ которой далеко не въ восторгѣ. Не хочу, чтобы по этой брошюрѣ судили обо мнѣ или о немъ. Искренне прошу друзей-читателей, у которыхъ эта брошюра имѣется, немедленно уничтожить ее: этого требуетъ уваженіе къ памяти Уитмэна и состраданіе ко мнѣ. Я пробовалъ-было ее исправлять, но увидѣлъ, что она неисправима; и вотъ пишу по-новому, вторично.

Почти всѣ стихотворенія Уитмэна предлагаются здѣсь въ новомъ переводѣ; также и прежняя статья замѣнена другою. Переводъ данъ въ отрывкахъ, въ наиболѣе существенныхъ выдержкахъ. Какъ бы ни отнеслись читатели къ моей работѣ, они должны будутъ признать въ ней одно качество: старательность, — иныя стихотворенія я переводилъ по пяти, по шести разъ, въ разныхъ тонахъ, въ разныхъ стиляхъ, и долженъ сказать, что переводъ произведеній Уитмэна — труднѣйшая литературная работа.

Думаю, что книжка моя своевременна. Мы можемъ не любить Уота Уитмэна, но мы должны его знать. Европа уже давно ввела его въ свой обиходъ. Безъ него была бы неполна исторія міровой литературы. Особенно во Франціи за послѣдніе годы утверждается

культъ его духа. Трудно указать новѣйшаго французскаго поэта, который не былъ бы подъ обаяніемъ Уитмэна. Даже Поль Клодель — уитмэніанецъ; пресловутый унанизмъ Жюля Ромэна весь предуканъ Уитмэномъ. Пьеръ-Жанъ Жувъ, Фернандъ Грэгъ, Жоржъ Дюамель, Вильдракъ, Барзенъ были бы немислимы безъ Уитмэна. Я перелистываю статью Луначарскаго „Молодая Французская Поэзія“ и чуть не на каждой страницѣ нахожу упоминаніе объ Уитмэнѣ! Вся поэзія устремилась по пути, указанному американскимъ поэтомъ. Его пророчество наконецъ-то услышано. „Молодые стихотворцы отказались отъ монотонной гармоніи классиковъ, отъ словеснаго акробатства романтиковъ, отъ мистической оркестровки символистовъ, они ищутъ широкихъ и простыхъ ритмическихъ движеній, звучныхъ и монументальныхъ симфоній“, т.-е. именно того, что дано намъ въ демократической лирикѣ Уитмэна ¹⁾).

Я вѣрю, что американскому барду суждено сыграть и въ нашей поэзіи ту же огромную роль. Къ сожалѣнію, всѣ мои попытки пропагандировать его творенія въ Россіи были до сихъ поръ малоуспѣшны. Я напечаталъ о немъ больше десятка статей — въ „Русскомъ Словѣ“, въ „Рѣчи“, въ „Вѣсахъ“, въ альманахѣ „Маякъ“ и т. д. Мои переводы изъ Уитмэна печатались въ „Русской Мысли“, въ „Новой Жизни“, въ „Народномъ Вѣстникѣ“, въ „Нивѣ“. Но Уитмэнъ остался такъ же чуждъ русскому читателю, какъ и прежде. Быть-можетъ, настоящая книжка наконецъ-то привлечетъ къ нему сердца.

Вотъ англійскія и американскія книги о Уитмэнѣ, которыя были мною прочитаны при ея составленіи:

1) Walt Whitman. A Study by John Addington Symonds. London. (George Routledge & Sons).

1) „Современникъ“ 1913, августъ, 216—217.

Прелестная, изящная характеристика. Мнѣ она нравится больше всѣхъ сочиненій о Уитмэнѣ.

2) *Days with Walt Whitman*, by Edward Carpenter. London. (George Allen, Ruskin House). Э. Карпентеръ, поклонникъ и ученикъ Уота Уитмэна, подробно описаль свои паломничества къ нему въ 1877 и въ 1884 годахъ, всѣ свои встрѣчи и разговоры съ нимъ. Къ книгѣ приложены статьи: „Уитмэнъ какъ пророкъ“, „Поэтическая форма Листьевъ Травы“, „Дѣти Уота Уитмэна“, „Уитмэнъ и Эмерсонъ“.

3) *Whitman. A Study*. By John Burroughs Boston and New-York. (Houghton, Mifflin & Company). Многословная, пухлая, водянистая книга. Непонятно, почему въ ней 400 стр., а не тысяча, не четыреста тысячъ!

4) *Walt Whitman, his Life and Work*, by Bliss Perry. London. (Archibald Constable). Авторъ относится къ Уитмэну чуть-чуть свысока, ему нравится разрушать тѣ легенды, которыми въ послѣднее время окружили имя Уитмэна такіе идолопоклонники, какъ Ричардъ Бёккъ и др. Въ книгѣ множество заново-проверенныхъ фактовъ, мѣткихъ и ёдкихъ словъ, она остроумна, оригинальна, свѣжа, но мнѣ кажется, что Уитмэнъ ускользнулъ отъ нея совершенно.

5) *With Walt Whitman in Camden*, by Horace Traubel. Boston. (Small, Maynard & Co). Огромная книга, дневникъ преданнаго друга Уота Уитмэна, который записываль изо дня въ день всѣ свои бесѣды съ поэтомъ.

6) *Walt Whitman* by Isaak Hull Platt. Boston. (Small, Maynard & Co). Маленькая, дѣльная книжка. Пригодилась бы для Павленковской серіи „Жизнь Замѣчательныхъ Людей“.

7) *Studies in Literature*, by Edward Dowden LL. D. London. (Kegan Paul, Trench, Trübner & Co).

Знаменитый авторъ изслѣдованія о Шекспирѣ посвятилъ Уитмэну большую ученую статью „Поэзія Демократіи“. (Стр. 468—523).

8) Familiar Studies of Men and Books, by R. L. Stevenson. London. (Chatto & Windus), и многое множество другихъ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ.

Уотъ Уитмэнъ.

1819 — 1892.

I.

Въ газетахъ появилось объявленіе:

Вниманію любителей трезвости
„ФРАНКЛИНЪ ИВЕНСЪ, ИЛИ ГОРЬКІЙ
ПЬЯНИЦА“,

современная повѣсть

знаменитаго американскаго автора.

Посвящается всѣмъ Обществамъ Трезвости,
всѣмъ ненавистникамъ пьянства. Читайте,
и восхищайтесь! Талантъ автора и захва-
тывающій сюжетъ ручаются за несомнѣн-
ную сенсацію! Повѣсть написана специально
для журнала „Новый Свѣтъ“ однимъ изъ

ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РОМАНИСТОВЪ,
АМЕРИКИ,

дабы вырвать американское юношество изъ
пасти алкогольнаго дьявола.

Романъ, дѣйствительно, вышелъ хорошъ, тѣмъ бо-
лѣе, что знаменитый авторъ ежеминутно отрывался отъ
рукописи и выбѣгалъ вдохновляться въ сосѣдній питей-
ный домъ подъ вывѣской „Оловянная Кружка“. Глотнувъ

добрую порцію джина, онъ снова садился за письменный столъ и съ новымъ азартомъ вступалъ въ рукопашную съ Дьяволомъ Спиртныхъ Напитковъ.

Романъ вышелъ такъ превосходенъ, что авторъ и передъ смертью краснѣлъ при одномъ упоминаніи о немъ. Это былъ его первый романъ и, слава Богу, послѣдній. Не потому ли во всѣхъ афишахъ онъ и названъ знаменитымъ романистомъ? И кто знаетъ, — не писалъ ли эти афиши онъ самъ?

Деятнадцатилѣтнимъ подросткомъ добылъ гдѣ-то типографскихъ шрифтовъ и сдѣлался въ сосѣднемъ городишкѣ редакторомъ, сотрудникомъ, наборщикомъ изумительной ежедневной газеты „Вѣстникъ Долгаго Острова“, которую на собственной клячѣ самъ же и развозилъ по окрестностямъ — въ поля, въ огороды, на фермы. Это было ему по душѣ, особливо радушныя фермерши и ихъ смазливыя дочки, но когда ежедневная газета стала выходить еженедѣльно и грозила превратиться въ ежемѣсячную, издатель разсвирѣпѣлъ и выбросилъ его прочь, какъ величайшаго тунеядца и лѣнтя.

Впрочемъ, тунеядцемъ и лѣнтяемъ его, кажется, назвалъ другой издатель, когда выбрасывалъ его вонъ изъ редакціи „Ежедневной Авроры“, куда этотъ первоклассный романистъ, не написавшій ни единого романа, являлся въ цилиндрѣ и съ легкою тросточкой, чтобы небрежно просмотрѣть газеты и снова отправиться гулять. Такъ онъ понималъ свои обязанности редактора „Ежедневной Авроры“.

Гулять онъ любилъ до упоенія, — просто шататься по улицамъ, приплюснуться носомъ къ стеклу магазина и разсматривать хотябы мыло и свѣчи или кружить по огромному городу на крышѣ допотопнаго омнибуса. Онъ писалъ стихи и повѣстушки, признаться, довольно безцвѣтные, и единственный былъ у него талантъ: какой-то божественной лѣни. Вы бы ни за что не умѣли

такъ великолѣпно весь день напролетъ проваляться гдѣ-нибудь на берегу, рѣшительно ничего не дѣлая. Нуженъ былъ особенный даръ, чтобы ходить такой медленной поступью въ сногшибательномъ, сумасшедшемъ Нью-Йоркѣ.

Ему какъ-будто даже лѣнь говорить, — такъ онъ былъ скупъ на слова. Это въ немъ, должно-быть, голландская, нидерландская кровь: его мать была родомъ голландка. „Суетитесь, кричите, скачите, сломя голову, а я лучше посижу у Пфаффа въ кабачкѣ-ресторанчикѣ, помолчу, погляжу“, — такая была у него философія.

Даже деньги не прельщали его: онъ царственно бралъ займы у всѣхъ. Его темпераменту было въ высшей степени свойственно непротивленіе злу. Даже комаровъ, которые облѣпляли его, онъ не отгонялъ отъ себя, охотно отдавалъ имъ себя на съѣденіе.

— Мы, остальные, были доведены комарами до бѣшенства, — рассказываетъ одинъ очевидецъ, — а онъ на нихъ — никакого вниманія, словно они не кусали его.

Протестъ, негодованіе, гнѣвъ были чужды его темпераменту.

И вѣчно онъ напѣвалъ, безпрестанно мурлыкалъ какую-нибудь мажорную пѣсню, но говорилъ очень рѣдко, по цѣлымъ недѣлямъ — ни слова, хотя слушателемъ былъ превосходнымъ. Никогда ни на кого не сердился, никогда ни на что не жаловался. Ко всему былъ равнодушно-радушенъ.

И ему уже было за тридцать, и голова у него посѣдѣла, а никто, даже онъ самъ, не догадался, что онъ — геній, великій человѣкъ.

Приближаясь къ четвертому десятку, — такъ неторопливо и мирно, — онъ не создалъ еще ничего, что превысило бы хоть немного посредственность: вялые рассказы въ стилѣ Эдгара По, которому тогда всѣ подражали, съ обычными аллегоріями и Ангелами Слѣзъ,

да уличный романъ противъ пьянства, да гладкія, забываемыя вирши, которыя, впрочемъ, янки редакторъ напечаталъ однажды съ такимъ американскимъ примѣчаніемъ:

„Если бы авторъ еще полчаса поработалъ надъ этими строчками, онѣ вышли бы необыкновенно прекрасны“, — да нескладныя публичныя лекціи, да мелкіе газетные листки, которые онѣ редактировалъ, истощая терпѣніе издателей, — вотъ и всѣ его тогдашнія права на лавровый вѣнокъ отъ современниковъ. Разъ онѣ даже поѣхалъ на гастроли въ провинцію, въ Новый Орлеанъ, редактировать газету „Полумѣсяць“, но съ обычнымъ, должно-быть, успѣхомъ, ибо не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ онѣ снова сидѣлъ у Пфаффа, вспоминая новоорлеанскіе напитки:

— Какой тамъ чудесный кофе! Какія восхитительныя вина! Какой дивный французскій коньякъ!

О, золотая посредственности! Не даромъ же ты золотая: въ тебѣ столько уюта и комфорта; блаженны, кому ты досталась въ удѣлъ! Такъ безъ всякаго плана прожилъ онѣ половину жизни, не гоняясь ни за счастьемъ, ни за славой, довольствуясь только тѣмъ, что само плыло къ нему навстрѣчу, постоянно сохраняя такой видъ, будто у него впереди еще сотни и тысячи лѣтъ, и, должно-быть, его мать не разъ вздыхала: „Хоть бы Вальтеръ женился, что ли, или поступилъ куда-нибудь на мѣсто“, — и обиженно роптали его братья: „Всѣ мы работаемъ, одинъ Вальтеръ бездѣльничаетъ, валяется до полудня въ кровати“, — и суровый отецъ, фермеръ-плотникъ, заставилъ тридцатипятилѣтняго сына взяться за топоръ, за пилу: „это повыгоднѣе стаетекъ и лекцій“ (и дѣйствительно, оказалось выгоднѣе строить и продавать домá, деревянныя фермерскія избы), — когда вдругъ внезапно обнаружилось, что этотъ заурядный сочинитель и едва ли талантливый плотникъ есть геній, пророкъ, возвѣститель новаго евангелія.

II.

Но какъ же это случилось? Гдѣ, на какомъ Оаворѣ произошло его преображеніе? И кто возвѣстилъ изумленному міру, что явился новый Исайя?

Конечно, онъ самъ, — еще бы! — онъ самъ написалъ о себѣ въ разныхъ газетахъ и журналахъ восторженно-хвалебныя статьи. Не ждять же ему, въ самомъ дѣлѣ, чтобы разверзлись всѣ небеса, и ангелы запѣли оттуда, указуя на него перстами. вмѣсто ангеловъ, у современныхъ пророковъ есть газетчики, репортеры, интервьюеры, и если они не являются, нужно (нечего дѣлать!) пѣть осанну себѣ самому.

И вотъ почтенный сѣдой человекъ пишетъ нѣсколько восторженныхъ отзывовъ о своей собственной книгѣ и ходитъ по знакомымъ редакціямъ:

— Будьте добры, напечатайте.

И диво: даже эта почти шулерская продѣлка вышла у него величавой и барственной, безъ юркихъ, унижительныхъ ужимокъ. Даже въ органъ черепослововъ, въ „Американскій Вѣстникъ Френологіи“, онъ всучилъ о себѣ замѣточку, — не замѣточку, а цѣлую статью! — даже въ захолустную газетку „Brooklyn Times“! Конечно, онъ этихъ статей не подписывалъ, чтобы казалось, будто сами газеты встрѣтили его такими единодушными гимнами. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ о себѣ въ одномъ толстомъ ежемѣсячномъ журналѣ:

„Наконецъ-то явился среди насъ настоящій американскій бардъ! Довольно съ насъ жалкихъ подражателей; отнынѣ мы становимся сами собой... Отнынѣ мы сами зачинаемъ гордую и мощную словесность! Ты вовремя явился, поэтъ!“ („Democratic Review“, 1855, IX ¹).

А въ бруклинской газетѣ „Times“ онъ расхвалилъ себя такъ, какъ и сваха не расхвалитъ жениха:

¹) Bliss Perry. „Walt Whitman“, London. 1906, p. 49.

„Дюжій, широкоплечій! Чистѣйшая американская кровь! Тридцати шести лѣтъ отъ рожденія!.. Ни разу не обращался въ аптеку!.. Лицо загорѣлое!.. Во всю щеку румянецъ! Борода кое-гдѣ съ сѣдиной! Пользуется всеобщей любовью!.. Возбуждаетъ большія надежды“.
(„Brooklyn Daily Times“ отъ 29-го сентября 1855 г.).

И, словно приказчикъ, зазывающій въ лавку, расхваливалъ себя, какъ товаръ:

„Настоящій, не имитация! Не заграничный, а нашъ, американскій!“¹⁾

И въ довершеніе всего приложилъ къ этой книгѣ свою дагеротипную карточку: сѣдой мужчина, съ разстегнутымъ воротомъ, руки въ боки, шляпа набекрень, усиленно тщится принять вызывающе-спокойную позу.

Прежняго цилиндра уже нѣтъ. Едва этотъ янки затѣялъ протиснуться въ первые ряды литературы и затмить всѣхъ Теннисоновъ и Лонгфелло, онъ завелъ и соотвѣтственный костюмъ: долой галстукъ, манишка разстегнута, чтобъ была видна волосатая грудь, платье голубое или пепельно-синее. Чтобы всѣ изумленно спрашивали:

— Ради Бога, кто это такой?

Но ни этотъ костюмъ, ни реклама не помогли его книгѣ. Былъ проданъ лишь одинъ экземпляръ. А газеты писали о ней:

„Эта книга — сплошной навозъ“.

„Авторъ столько же смыслить въ поэзіи, сколько свинья въ математикѣ.“

„Дать бы ему тумака!“ — предлагало Westminster Review.

„Здѣсь нужна хорошая плеть!“ — подхватывалъ лондонскій Critic.

То и дѣло почтальонъ приносилъ автору новые экземпляры его книжки. Это тѣ, кому онъ ее посылалъ,

¹⁾ „In Re Walt Whitman“, Philadelphia. 1893.

съ негодованіемъ возвращали ее. Знаменитый писатель Лауэлль даже кинулъ ее въ огонь. Когда же однажды пришло ласковое и любезное письмо отъ другаго знаменитаго писателя, авторъ, конечно, не спросивъ позволенія, взялъ это интимное чужое письмо и полностью

Эта гравюра была приложена къ первому изданію „Листьевъ Травы“. Воспроизводится по дагеротипному портрету, снятому въ іюль 1854 г.

перепечаталъ въ своей книгѣ и даже на переплетѣ оттиснулъ золотыми крупными буквами особенно лестный комплиментъ.

Конечно, онъ тутъ же напечаталъ, что все первое изданіе распродано. А между тѣмъ, повторяемъ, нашелся лишь одинъ такой чудакъ, который прибрѣлъ эту дикую книжку.

III.

И все же эта дикая книжка была гениальная книжка. Сейчас у меня на столѣ десятки тяжелыхъ томовъ, которые написаны о ней. И есть люди, посвятившіе всю жизнь ея истолкованію, изученію.

— Мудростью она выше всего, что доселѣ создавала Америка! — воскликнулъ мудрецъ Эмерсонъ. — Я счастливъ, что читаю ее, ибо великая сила всегда доставляетъ намъ счастье.

— Ни Гёте, ни Платонъ не дѣйствовали на меня такъ, какъ она! — свидѣтельствуемъ изысканный Symonds, а проникновенный Эдвардъ Карпентеръ, котораго такъ чтить нашъ Толстой, написалъ поэту въ умиленіи:

„Вы сказали слово, которое нынѣ у Самого Господа Бога на устахъ!“¹⁾

И подѣ обаяніемъ поэзіи Уитмэна написалъ въ 80-хъ годахъ огромную книгу стиховъ *Навстрѣчу Демократіи* (*Towards Democracy*), въ которой между прочимъ говоритъ: „О вліяніи Уитмэна на мое творчество я здѣсь не упоминаю потому же, почему я не говорю о вліяніи вѣтровъ или солнца. Я не знаю другой такой книги (за исключеніемъ, быть-можетъ, сонатъ Бетховена), которую я могъ бы читать и читать безъ конца. Мнѣ даже трудно представить себѣ, какъ бы я могъ жить безъ нея! Она вошла въ самый составъ моей крови... Мускулистый, плодородный, богатый, полнокровный стиль Уотъ Уитмэна дѣлаетъ его навѣки вѣковъ однимъ изъ вселенскихъ источниковъ нравственного и физическаго здоровья. Ему присуща широкость земли“.

И Свинбернъ, вдохновеннѣйшій изъ британскихъ современныхъ поэтовъ, къ сожалѣнію, столь мало извѣстный въ Россіи, взывалъ къ Уитмэну въ пламенной одѣ:

Хоть пѣсню пришли изъ-за моря,
Ты, сердце свободныхъ сердецъ!

¹⁾ H. Traubel. With. W. W. in Camden. Boston, p. 158.

„Твои пѣсни громче урагана... Твои мысли — какъ громы; твои звуки, словно мечи, пронзають сердца челоѣческія и все же влекутъ ихъ къ себѣ, — о, спой же и для насъ твою пѣсню“... ¹⁾)

Какое же это было слово, которое нашъ удивительный янки подслушалъ у Самого Провидѣнія? Оно еще не было сказано, еще не воплотилось нигдѣ въ нашей челоѣческой жизни, а ужъ онъ подхватилъ его и громко прокричалъ на весь міръ. И пусть его голосъ былъ скрипучій, визгливый (онъ самъ называлъ его варварскимъ визгомъ), — самое слово, которое онъ прокричалъ, оказалось такъ упоительно, такъ давно было ожидаемо всѣми, что лучшіе и благороднѣйшіе въ мірѣ услышали его, какъ благовѣсть.

„Онъ обрадовалъ меня такую радостью, какой не радовалъ уже многіе годы ни одинъ изъ новыхъ людей, — писалъ Бьернстерне-Бьернсонъ. — Я и не надѣялся, чтобы въ Америкѣ еще на моемъ вѣку возникъ такой спасительный духъ! Нѣсколько дней я ходилъ самъ не свой подъ обаяніемъ этой книги, и сейчасъ ея широкіе образы нѣтъ-нѣтъ, да и нагрянуть на меня, словно я въ океанѣ и вижу, какъ мчатся гигантскія льдины, предвѣстницы близкой весны!“ (H. Graebel. With W. W., etc., p. 274).

Это слово, осчастливившее лучшихъ тогдашнихъ людей, и Генри Джорджа, и Алькотта, и Торо, было титаническое слово: демократія. Ихъ очаровало, конечно, не то, что вотъ явился поэтъ-демократъ, — такихъ и безъ него было много, — ихъ увлекъ тотъ широчайшій размахъ его стихійной фантазіи, тотъ почти нечелоѣческой экстазъ, которымъ онъ преобразилъ демократію въ міровую, космическую силу, — въ какое-то новое солнце какихъ-то новыхъ небесъ, — и всю вселенную увидѣлъ по-новому, глазами этихъ новыхъ, грядущихъ людей.

¹⁾ Songs before Sunrise, p. 143, 144.

Еще полвѣка назадъ священникъ-демократъ Фридерикъ Робертсонъ взывалъ къ англійскимъ рабочимъ: „Рабочіе, мы ждемъ отъ васъ поэзіи; вы живете такъ правдиво и смѣло. Поэзія грядущаго должна принадлежать только вамъ. Въ высшихъ слояхъ она давно измелъчала, износилась, стала сентиментальной и болѣзненной. Феодальная аристократія и все, что съ ней связано, разные турниры да замки, — давно уже исчезли и выродились. Послѣдніе звуки феодальной поэзіи прозвучали со струнь Вальтеръ Скотта. Байронъ пропѣлъ ей отходную. Она умерла, но нѣжность, но героизмъ, но рыцарская доблесть живутъ и доселѣ, и нѣтъ для нихъ болѣе пѣсенъ. Пѣсни эти придутъ изъ рабочей среды. Рабочіе! наши предки-воители пѣли намъ о величїи, героизмѣ и преданности, что таились въ дыму ратнаго поля, встаньте же и повѣдайте намъ о томъ „духъ живъ“, что сокрытъ въ дыму фабричныхъ трубъ, — о поэзіи героизма, терпѣнія, труда, о поэзіи рабочихъ людей“.

Уитмэнъ былъ одинъ изъ немногихъ предначертателей этой долгожданной поэзіи. Но, конечно, фабричными трубами не исчерпывается поэзія демократїи. Многіе думаютъ, что стоить только сентиментально воспѣть мозолистыя руки рабочаго, или молотъ, или красное знамя, и ты станешь демократическимъ бардомъ. Тѣмъ-то и значителенъ Уитмэнъ, что онъ первый ощутилъ демократїю, какъ явленіе планетарное, космическое, выходящее далеко за предѣлы политическихъ и соціальныхъ программъ современнаго пролетарскаго класса. Человѣкъ созерцательнаго, „индусскаго“ склада души, онъ видѣлъ паѳосъ демократїи не въ политикѣ, а въ какой-то новой, еще не возникшей религїи.

И второе великое слово сказалъ этотъ неожиданный геній: наука.

Наука и Демократія — двѣ неизбѣжности, двѣ роковыя тропы на будущихъ путяхъ человѣчества! Ослѣпительныя

откровения науки и всемирное торжество демократии, — эти два величайших знаменія современной міровой исторіи, — какую новую создадутъ они душу, какія новыя, небывалыя чувства взлелѣютъ они въ этой новой душѣ!

Теперь всюду въ Европѣ, и у насъ, разные двухвершковые новаторы ежеминутно измышляютъ рецепты какого-то новаго искусства, но истинно новымъ поэтомъ, настоящимъ футуристомъ будетъ, несомнѣнно, лишь тотъ, кто воплотитъ въ своемъ творчествѣ грезы и чаянія, восторги и вѣрованія близкаго неотвратимаго вѣка — вѣка науки и демоса!

Конечно, быть поэтомъ науки — это нисколько не значитъ сочинять сонеты и стансы объ иксъ-лучахъ или радіи, — это значитъ: впитать въ свою кровь, въ самыя нѣдра своего существа то научное достиженіе міра, научное жизнеощущеніе, — безсознательное, почти инстинктивное, — которое незамѣтно, какъ воздухъ, охватываетъ современную душу, и пережить это новое чувство, какъ свою личную радость и горе, превратить его въ эмоціи, въ страсти, въ лирику.

Уже болѣе полувѣка назадъ темный полуневѣжда-янки понялъ это и на дѣлѣ показалъ, какія богатства поэзіи таятся въ современной наукѣ, и съ дерзостью варвара создалъ новыя, небывалыя формы для небывалыхъ своихъ вдохновеній, но лишь немногіе избранные услыхали его тогда, и только въ послѣдніе годы человѣчество начинаетъ догадываться, какого великаго пророка оно чуть не забросало камнями.

Теперь его книгу прочла вся Европа. Его имя стало міровымъ, какъ имя Ибсена или Ницше, и не знать его считается стыдомъ. Возникаютъ спеціальныя журналы для проповѣди его идей, создаются общины, колоніи его учениковъ и послѣдователей, и только у насъ, въ Россіи, онъ и посейчасъ — незнакомецъ. А, между тѣмъ, кому, какъ не намъ, — всемужицкому, многомилліонному царству, — его пѣсни о грядущей демократіи.

IV.

Самое странное въ біографіи Уитмэна — это внезапность его перерожденія. Жилъ человѣкъ, какъ мы всѣ, дожилъ до тридцати пяти лѣтъ, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, оказался мудрецомъ-боговидцемъ. Еще вчера въ зазорной статейкѣ онъ обличалъ городскую управу за непорядки на желѣзныхъ дорогахъ, а сегодня пишетъ Евангеліе для вселенскаго богоносца-демоса! „Это было внезапное рожденіе Титана изъ человѣка“, — говоритъ одинъ изъ его почитателей. — „Еще вчера онъ былъ убогимъ кропателемъ никому не нужныхъ стишковъ, а теперь у него сразу явились страницы, на которыхъ огненными письменами начертана вѣчная жизнь. Всего лишь нѣсколько десятковъ подобныхъ страницъ появилось въ теченіе вѣковъ сознательной жизни человѣчества“. Самъ Уитмэнъ объ этомъ своемъ озареніи свидѣтельствуесть:

Скажи, не приходилъ къ тебѣ ни разу
Божественный, внезапный часъ прозрѣнія,
Когда вдругъ лопнуть эти пузыри
Богатствъ, книгъ, обычаевъ, искусствъ,
Политики, торговыхъ дѣлъ, любви —
И превратятся въ полное ничто? ¹⁾

Къ нему этотъ „часъ прозрѣнія“ пришелъ въ одно іюльское ясное утро въ 1853 или 54 году:

„Я помню, — пишетъ онъ самъ, — было прозрачное лѣтнее утро. Я лежалъ на травѣ, и вдругъ на меня снизошло такое чувство покоя и мира, такое всевѣдѣніе, выше всякой человѣческой мудрости, — и я понялъ, что Богъ мой братъ, и что его душа мнѣ родная, и что ядро всей вселенной — любовь“.

¹⁾ Подробно объ этомъ прозрѣніи см. „Космическое Сознаніе“ д-ра Ричарда Мориса Бѣкка. Петроградъ, Книгоиздательство „Новый Человѣкъ“, стр. 229 — 247.

Но мы не вѣримъ въ такія мгновенныя перерожденія: Савль, чтобы сдѣлаться Павломъ, долженъ быть Павломъ и раньше. Когда этотъ безпечнѣйшій янки по цѣлымъ мѣсяцамъ валялся на пескѣ, кто скажетъ, какія вѣщія чувства, безъ очертаній и формъ, невнятныхъ ему самому, клубились, какъ туманъ, въ его душѣ. Вѣдь въ послѣдствіи онъ самъ говорилъ, что гдѣ-то въ тайной лабораторіи мозга его книга готовилась исподволь, но что онъ и самъ о ней не зналъ ничего и даже весьма удивился, когда изъ своего тайника она нечаянно вышла на свѣтъ. Хотя мы и не можемъ понять, почему изъ мелкихъ зеленыхъ листочковъ вдругъ вырастаетъ огромный пунцовый цвѣтокъ, — такой непохожій на нихъ, — но мы знаемъ, что онъ весь изъ ихъ же сердцевины, созданъ ими, подготовленъ ими, гдѣ-то издавна въ нихъ таился, чтобы вдругъ въ одну ночь возникнуть такимъ великолѣпнымъ сюрпризомъ! Такъ всегда возникаютъ пророчества: огненные языки Святого Духа, сошедшіе внезапно на апостоловъ, незримо горѣли надъ ними и раньше. Это ничего, что Уотъ Уитмэнъ отъ юности скуденъ талантами: таланты только мѣшали бы его внутреннему самоуглубленію. Геній не нуждается въ талантахъ. Или пророки, по-вашему, должны быть блестящи, эффектны, находчивы? Нѣтъ, любой фельетонщикъ, поставщикъ анекдотовъ сразилъ бы Уитмэна своими талантами: пророкамъ именно свойственна такая неповоротливость мысли, банальной и даже прѣсной, безъ юмора, безъ малѣйшей ироніи, чтобы торжественно, молитвенно и строго, какъ нѣкую томительную литургію, воспринимать бытіе. Египетскіе мистики, персидскіе суфиты, китайскіе таоисты, Упанишады и Веды сродни его Листьямъ Травы. Карпентеръ въ оригинальной статьѣ беретъ отдѣльныя строки священныхъ индусскихъ книгъ, Лао-Си и Новаго Завѣта и, сопоставляя съ такими же строками Уитмэна, демонстрируетъ ихъ однородность, тождественность.

Ричардъ Морисъ Бёккъ ставить Уитмэна рядомъ съ такими Боговидцами, какъ Іисусъ Христосъ и Будда. Правда, древніе релігіозные геніи глубже, вдохновеннѣе Уитмэна, но онъ шире ихъ всѣхъ, универсальнѣе: какъ бы тѣ ни воспаряли надъ міромъ, они все же были ограничены кастами, предрасудками, расами, почитали свое племя единственно-богоугоднымъ, единственно-богоизбраннымъ, а всѣхъ остальныхъ гнушались, какъ варваровъ, язычниковъ, невѣрныхъ, и даже Іисусъ изъ Назарета, по домысламъ ученыхъ богослововъ, предназначилъ свое Божье Царство только для еврейскаго народа и вѣрилъ, что самъ онъ ниспосланъ лишь къ агнцамъ дома Израилева. Іисусово Божье Царство было національно-еврейское царство, и язычники были исключены изъ него ¹⁾). Но не напрасно же мы обмотали всю землю стальными нитками рельсовъ, не напрасно всѣ наши касты, сословія, расы стали единымъ демосомъ, единымъ гигантскимъ тѣломъ, разлегшимся на четырехъ континентахъ, съ газетами, телеграфами, биржами: этому гигантскому тѣлу подобаешь такой же духъ, и вотъ, какъ первое знаменіе новаго, небывалаго вѣка, грандіозная поэзія Уитмэна, въ которой такъ полно отпечатлѣлась всеобъемлющая эта широта. Какъ демось вмѣщаетъ въ себѣ, поглощаетъ — всѣ націи, климаты, возрасты, міровоззрѣнія, нравы, релігіи, такъ и демократическій бардъ во всемъ мірѣ не отвергнетъ ничего и никого:

Я никого не оставилъ за дверью, я всѣхъ пригласилъ,
 Воръ, паразитъ и содержанка — это для всѣхъ призывъ,
 Рабъ съ отвислой губой приглашень
 И приглашень сифилитикъ!

Прежніе вѣка и не мечтали о такой безумной широтѣ. „Я и краснокожій, и негръ, и каждая каста —

¹⁾ По словамъ профессора богословія Пфлендерера (см: книгу А. Луначарскаго „Релігія и социализмъ“, т. II, стр. 17).

моя, каждая вѣра — моя, я фермеръ, джентльменъ, механикъ, художникъ, матросъ и квакеръ, преступникъ, мечтатель, буянь, адвокатъ, священникъ и врачъ“... Это ощущеніе своей многоликости, многоименности, своего тождества со всѣмъ и со всѣми доведено у него до восторга, до бреда, здѣсь главная основа его творчества; здѣсь источникъ его вдохновеній.

V.

Его книгой восхищается весь міръ, но, конечно, не министръ Гарланъ.

Когда этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ Вашингтонѣ узналъ, что среди его новыхъ чиновниковъ есть авторъ такой безнравственной книги (а Уитмэнъ послѣ войны опредѣлился въ чиновники), онъ велѣлъ немедленно уволить его.

Чиновника обыскали. Пошарили среди его бумагъ, и, дѣйствительно, нашли эту книгу.

— Прогнать его въ двадцать четыре часа!

Пророкъ величаво ушелъ обычной медлительной поступью и скоро отыскалъ себѣ новое мѣсто — писца въ министерствѣ юстиціи. Оттуда его не прогоняли, но едва онъ затѣялъ издать свою книгу, какъ „Общество для борьбы съ развратомъ“ заявило прокурору штата, что эта книга подрываетъ нравственность, и прокуроръ пригрозилъ издателю скандальнымъ судебнымъ процессомъ. Издатель отказался отъ изданія.

Но авторъ ни минуты не чувствовалъ, что онъ мученикъ, жертва. Въ защиту его оскорбляемой книги писались кипучія статьи; одинъ талантливый ирландецъ, О'Конноръ, сочинилъ даже цѣлую брошюру, гдѣ, проклиная Гарлана, рыдалъ надъ поруганнымъ гениемъ, а поруганный геній въ это самое время сидѣлъ, быть-можетъ на улицѣ, на краю тротуара, и уписывалъ съ товарищемъ арбузъ. Прохожіе смотрѣли и смѣялись.

— Пусть смѣются! — утѣшался онъ. — Намъ арбузь, а имъ только смѣхъ!

Товарищъ генія былъ кондукторъ конки. Всякую свободную минуту они проводили вмѣстѣ, а въ разлукѣ нѣжно переписывались.

— писалъ кондуктору геній въ концѣ одного письма. „Мы сразу полюбились другъ другу, — вспоминалъ потомъ кондукторъ. — Уотъ такъ и не покинулъ вагона, пріѣхавъ на крайнюю станцію, а отправился вмѣстѣ со мною въ обратный конецъ. Съ тѣхъ поръ онъ часто ѣздилъ со мною днемъ — и всегда вечеромъ. Было у насъ въ обычаѣ, чуть я освобожусь, забредать въ одинъ трактирчикъ, на вашингтонскомъ Авеню, и тамъ, утомленный, я часто опускалъ голову на руки и засыпалъ надъ столомъ; а Уотъ сидѣлъ, ждалъ, наблюдалъ, молчалъ, оберегалъ мой сонъ и будилъ меня только тогда, когда заведеніе закрывалось. Передъ вечеромъ я, бывало, приду къ Министерству Финансовъ и жду, пока онъ кончитъ занятія. Тогда мы пускаемся блуждать по городу, часто безъ всякаго плана, куда придется. И такъ изо дня въ день по цѣлымъ мѣсяцамъ“.

У Уитмэна вообще была склонность къ какой-то экзальтированной дружбѣ. Въ этой чрезмѣрной нѣжности ему мерещился новый культъ демократическаго единенія, товарищества. Стоить, бывало, заболѣть какому-нибудь нью-йоркскому кучеру, возницѣ громоздкаго омнибуса, — поэтъ тотчасъ же берется за вожжи, и мѣсяць, и два замѣняетъ товарища въ трудной и опасной работѣ. (Нужно быть виртуозомъ-извозчикомъ, чтобы управиться съ такой колесницей въ суетѣ нью-йоркскаго Бродвея).

А когда, въ 1861 году, началась война за освобождение негровъ, эти его душевныя склонности вылились въ такой изумительной формѣ, что навѣки достойны остаться памятникомъ демократической дружбы. Поэтъ поселился въ томъ городѣ, куда доставляли всѣхъ раненыхъ, — а ихъ были тысячи и тысячи, — и ухаживалъ за ними три года, ночью и днемъ, не боясь ни оспы, ни гангрены, ни тифа, среди ежеминутныхъ смертей, сталъ ихъ сидѣлкой, духовникомъ, исповѣдникомъ, братомъ милосердія, — и жутко читать въ его письмахъ объ отрѣзанныхъ рукахъ и ногахъ, которыя огромными кучами сваливались во дворѣ, подъ деревомъ ¹⁾).

Молчаливый, величавый, медлительный, онъ уже однимъ своимъ видомъ успокаивалъ дрожащихъ умирающихъ, и тѣ, къ кому онъ подходилъ на минуту, чувствовали себя ошастливленными. Было въ немъ что-то магнетическое. Люди такъ и льнули къ нему и съ радостью отдавали ему свои деньги и свои сердца. Вотъ какими словами описываетъ одинъ врачъ-психіатръ свое первое свиданіе съ нимъ:

„Что онъ говорилъ, — я не помню, я просто опьянѣлъ отъ восторга. Я съ несомнѣнностью повѣрилъ, что онъ или божество или сверхчеловѣкъ. Какъ бы то ни было, но одинъ этотъ краткій часъ, проведенный съ поэтомъ, былъ рѣшающимъ, поворотнымъ пунктомъ всей моей жизни“ ²⁾).

„Никогда я не забуду той ночи, — пишетъ одинъ очевидецъ, — когда я сопровождалъ Уота Уитмэна въ его обходѣ нашего госпиталя. Госпиталь состоялъ изъ коекъ, поставленныхъ въ три ряда, и на каждой койкѣ — больной или раненый. Когда появлялся Уотъ Уитмэнъ, на лицахъ у всѣхъ загоралась улыбка, и, казалось, его присутствіе озаряло свѣтомъ то мѣсто, гдѣ онъ находился.

1) The Writings of John Burroughs, vol. X, p. 30.

2) Walt Whitman Fellowship Papers. VI.

„Отъ койки къ койкѣ тихимъ, дрожащимъ голосомъ зазывали его страдальцы. Хватали его за руку, обнимали его, встрѣчали его глазами. Того онъ ободрить словомъ, тому напишетъ подъ диктовку письмо; тому дастъ апельсиновъ, конфетъ, тому щепоть табаку, тому почтовую марку. Отъ иного умирающаго онъ выслушивалъ порученія къ невѣстѣ, къ матери, къ женѣ, иного ободрялъ прощальнымъ поцѣлуемъ. Казалось, онъ оставлялъ какую-то благодать на каждой койкѣ, мимо которой проходилъ. Въ ночь его прихода долго горѣли въ этихъ баракахъ огни, и герои-мученики безпрестанно кричали ему: Уотъ, Уотъ, Уотъ, приходи же непременно опять“. („New-York Herald“, 1876). Конечно, онъ работалъ безвозмездно; онъ вѣдь не принадлежалъ ни къ какой организаціи по оказанію помощи раненымъ. Всѣ деньги, которыя ему удавалось собрать, онъ тотчасъ раздавалъ больнымъ солдатамъ.

Сохранилась связка писемъ, которыя Уитмэнъ въ ту пору писалъ изъ Вашингтона своей матери; инья не могу не привести:

„Мама. Нынче вечеромъ, 22 іюня (1863 года), я все время провелъ у постели одного молодого парня, по имени Оскаръ Уильберъ, 154-го Нью-Йоркскаго полка. У него кровавый поносъ и очень тяжелая рана. Онъ попросилъ меня почитать ему Новый Завѣтъ. Я сказалъ: о чемъ прочитать? Онъ отвѣтилъ: выберите сами. Я прочелъ ему тѣ главы, гдѣ описаны послѣдніе часы Іисуса Христа, и какъ его распинали. Несчастный попросилъ прочитать и о томъ, какъ произошло воскресенье. Я читалъ очень медленно, такъ какъ Оскаръ совсѣмъ ослабѣлъ. Чтеніе утѣшило его, но на глазахъ у него были слѣзы. Онъ спросилъ меня: вѣрю ли я. Я отвѣтилъ: не такъ, какъ ты, а пожалуй — и такъ Онъ отвѣтилъ: вѣра — моя главная опора. Заговорили о смерти, и онъ сказалъ, что не боится ея. — А развѣ ты не надеешься, что ты будешь здоровъ? — спросилъ я его.

Онъ отвѣтилъ: едва ли. Онъ спокойно говорилъ о своемъ положеніи. Раненъ онъ тяжело, потерялъ много крови. Поносъ его доконалъ, и я чувствовалъ, что онъ почти уже мертвъ. Онъ бодрился до послѣдней минуты. Мой поцѣлуй возвратилъ мнѣ четырежды. Онъ далъ мнѣ адресъ своей матери: миссисъ Салли Д. Уильберъ, Алегханская почта, въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Послѣ этого я еще видѣлся съ нимъ два или три раза. Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней“.

Вотъ отрывокъ изъ другого письма:

„Мама!.. Вѣсу во мнѣ двѣсти фунтовъ, а фізіономія моя пунцовая. Шея, борода и лицо въ самомъ невозможномъ состояніи. Не потому ли я и дѣлаю кой-какое добро въ лазаретахъ, что я такой громадный, волосатый, похожій на дикаго буйвола. Здѣсь много солдатъ съ первобытныхъ окраинъ — съ запада, съ далекаго сѣвера, вотъ они и привязались къ человѣку, который не имѣетъ лакированного, бѣлоснѣжнаго вида бритыхъ столичныхъ франтовъ“.

VI.

Издавъ свою первую книгу, Уитмэнъ забросилъ топоръ и навсегда отказался отъ плотничества. „Я боюсь, какъ бы не разбогатѣть!“ — шутилъ онъ. Богатство и вправду пугало его, и на всю жизнь онъ остался пролетаріемъ, вѣрный своей апостольской заповѣди:

Ты не долженъ собирать и громоздить то, что называется
богатствомъ,
Все, что наживешь и заработаешь, разбрасывай, куда ни
пойдешь!

Лѣтомъ 1864 года съ Уитмэномъ случилось несчастье. Перевязывая гангренознаго раненаго, онъ неосторожно прикоснулся порѣзаннымъ пальцемъ къ ранѣ, ядъ заразы проникъ къ нему въ кровь, и вся его рука, до самага плеча, воспалилась.

Вскорѣ воспаленіе прошло, но здоровье осталось надорваннымъ. Въ 1873 году Уитмэна разбилъ параличъ,

у него отнялась лѣвая половина тѣла. Хилый и нищій старикъ, безо всякихъ надеждъ на будущее, страдающій отъ мучительной болѣзни, Уитмэнъ, наперекоръ всему, остался жизнерадостенъ и свѣтель. Старость, нищета и болѣзнь не сокрушили его уитмэнизма. Его поэмы, относящіяся къ этой порѣ, остались такими же праздничными, какъ и созданныя въ ранніе годы:

Здравствуй, неизреченная благодать предсмертныхъ дней! —

привѣтствовалъ онъ свою недужную старость.

Впослѣдствіи онъ неожиданно оправился, и въ 1879 году, въ апрѣлѣ, въ годовщину смерти Линкольна прочиталъ о немъ въ Нью-Йоркѣ, въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ театровъ, публичную лекцію — съ огромнымъ успѣхомъ, а осенью уѣхалъ въ Колорадо, путешествовать по Скалистымъ горамъ, но вскорѣ его здоровье ухудшилось, и послѣднія десять лѣтъ своей жизни онъ провель, прикованный къ инвалидному креслу, все такой же благодостный, источающій изъ себя радость и свѣтъ.

О, съ какимъ благоговѣніемъ женщины штопали ему дырявые носки! Знатныя лэди изъ Англіи присылали ему шарфы и жилеты. Онъ милостиво принималъ подношенія. Со всѣхъ концовъ міра съѣзжались къ нему паломники: то пріѣдетъ Оскаръ Уайльдъ, то анархистъ, то босякъ, — онъ всѣхъ принималъ по-царски: милостиво, равнодушно-радушно. Благоклонно разрѣшалъ онъ фотографамъ щелкать вкругъ себя аппаратами, и улыбкой поощрялъ своихъ сосѣдокъ приносить къ нему на квартиру то спаржу, то сливки, то тарелку жаркого, то розы.

Оскаръ Уайльдъ, пріѣхавъ въ Америку, былъ, какъ извѣстно, возмущенъ аляповатымъ, вульгарнымъ убранствомъ тогдашнихъ американскихъ жилищъ. „Одна лишь комната во всей Америкѣ пришла мнѣ по вкусу, — рассказывалъ онъ. — Это та, въ которой я увидѣлъ Уота Уитмэна. Въ ней было много солнца и воздуха, а на столѣ стояла простая кружка съ водой“.

„Онъ — величайшій американскій поэтъ!“ — писалъ милліардеръ Карнеги, посылая ему въ даръ 700 рублей.

„Мы обязаны лелѣять и холить этого великолѣпнаго старца!“ — писалъ юмористъ Маркъ Твэнъ, посылая щедрую лепту.

Когда же у великолѣпнаго старца собралось достаточно денегъ, онъ истратилъ ихъ изумительнымъ образомъ: при жизни заказалъ себѣ памятникъ, — грандіозный, гранитный, на высокомъ холмѣ, — и на немъ начерталъ свое имя:

Уоть Уитмэнъ,

и сталъ терпѣливо ждать, когда же этотъ монументъ пригодится. Но смерть долго не приходила къ нему. Умиралъ онъ такъ же медленно, какъ жилъ. Ужъ его разбивалъ параличъ — и разъ, и другой, и третій, а все не могъ одолѣть.

Когда наконецъ онъ скончался, большія толпы народу пришли провожать его гробъ. Священниковъ не было, а просто одинъ изъ друзей прочиталъ надъ могилой отрывки изъ разныхъ священныхъ книгъ: изъ Библии, Корана, Зендъ-Авесты, Конфуція, а также изъ книги того великаго барда-пророка, котораго они хоронили.

Что же это за священная книга? Въ чемъ же ея пророчества? Чѣмъ она такъ обрадовала весь современный міръ?

VII.

Эта книга называется „Листья Травы“.

Человѣчество издавна ждало ея, и теперъ, особенно въ Россіи, эта книга насущно нужна.

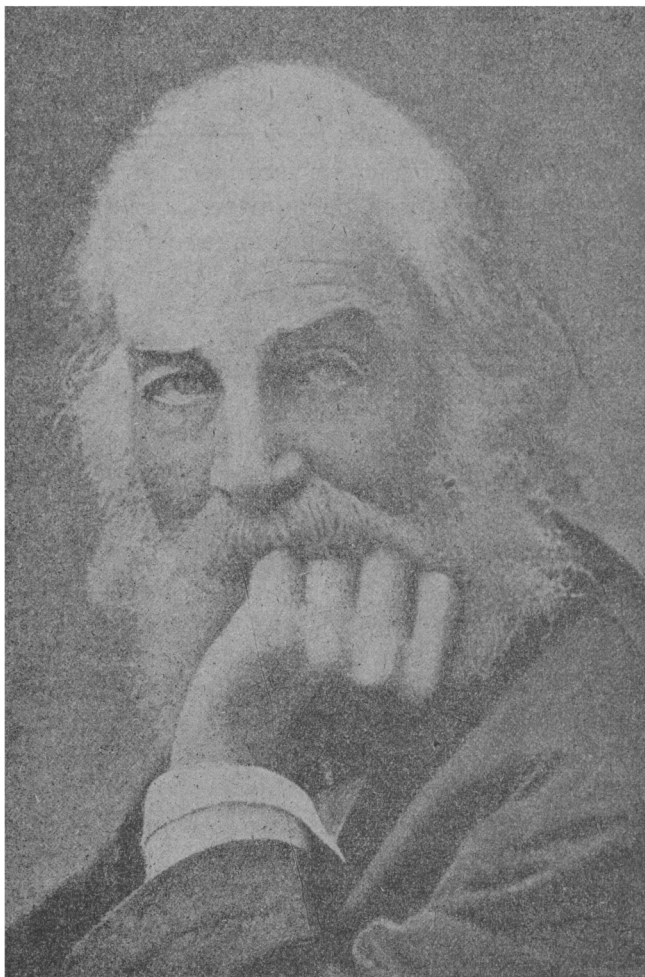
„Хочется намъ или нѣтъ, — читаю въ одной давнишней статьѣ, но на - дняхъ, не сегодня-завтра, намъ предстоитъ неизбежно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ демократіей и принять ее такъ или иначе. Въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ, источники былыхъ вдохновеній изсякли. Классическая древность и средневѣковая

романтика уже не могут служить настоящей пищей для искусства. Искусство и литература, если они хотятъ удержать свое прежнее мѣсто, неизбѣжно должны примѣниться къ этимъ новымъ измѣненнымъ условіямъ. Они должны обрѣсти новую вѣру, — не въ ту или иную эстетику, не въ тотъ или этотъ стиль, тотъ или этотъ ритмъ, а въ свою миссію, въ свое назначеніе: воплотить все могущество новаго вѣка, его религію и его сущность съ тою мощью, какъ нѣкогда эллинскіе скульпторы воплощали язычество, а итальянскіе художники средневѣковый католицизмъ“.

Эту грандіозную задачу взялся исполнить Уитмэнъ. Онъ первый постигъ и высказалъ, что у пробудившейся міровой демократіи долженъ же быть хоть подъ спудомъ какой-то свой религіозный паѳосъ, религіозный экстазъ, и первосвященникомъ этой вселенской религіи дерзостно провозгласилъ себя. Только этой потаенной религіей для него и дорога демократія, и когда порою ему чудилось, что, при громаднхъ успѣхахъ чистовещественнаго благоденствія, она не осуществляетъ своихъ религіозныхъ возможностей, онъ готовъ былъ отвернуться отъ нея. „Похоже, что кто-то надѣлилъ насъ огромнымъ тѣломъ, а души оставилъ чуть-чуть, а то и совсѣмъ не оставилъ“, писалъ онъ въ такія минуты. Героическая борьба трудовой демократіи изъ-за житейскихъ благъ оставляла его равнодушнымъ: митинги, партіи, прокламаціи, стачки никакъ не отразились въ его книгѣ. „По-твоему, милый другъ, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, — демократія это что-то такое, что нужно для выборовъ, для политики, для разныхъ партійныхъ кличекъ и больше ни для чего! А по-моему, настоящая роль демократіи начнется только тогда, когда она пойдетъ дальше и дальше... Подлинное вѣчное ея величіе должно быть въ ея религіи, иначе нѣтъ у нея никакого величія“.

Въ чемъ же религія Уитмэна?

Онъ не забывалъ ни на мигъ, что вокругъ — мириады мировъ, и позади — мириады столѣтій. Наша земля лишь

пылинка въ вѣчно-струящемся Млечномъ Пути. „Я вижу великое круглое чудо катится черезъ пространство“. Въ каждой каплѣ онъ видѣлъ океанъ, въ каждой секундѣ

онъ чувствовалъ вѣчность. Никакихъ подробностей, малостей! У него душа — какъ телескопъ: знаетъ только дали и шири. „Я лишь точка, лишь атомъ въ пловучей пустынь міровъ“, — таково его неизбывное чувство.

Цвѣты у меня на шляпѣ — порожденіе тысячи вѣков!

Самыхъ цвѣтовъ онъ не видитъ, — какіе у нихъ лепестки, завитки, — зато осязательно чувствуетъ тѣ безмѣрности и безпредѣльности, которыя въ нихъ воплотились. „Во мнѣ широта расширяется, во мнѣ долгота удлиняется!“ — говоритъ онъ въ какой-то поэмѣ. Не даромъ у него такъ часты слова: милліоны, триллионы, милліарды.

— Триллионы весень и зимъ мы уже давно истощили, но въ запасѣ у насъ есть еще триллионы и триллионы еще... Милліоны солнць въ запасѣ у насъ.

— Эта минута ко мнѣ добралась послѣ милліарда другихъ. Нѣтъ лучше ея ничего.

Милліонъ — единица его измѣреній. Этой мѣрой мѣрилъ донинѣ лишь Богъ. Вотъ онъ смотритъ на васъ, но видитъ не васъ, а ту цѣпь вашихъ потомковъ и предковъ, въ которой вы — минутное звено. Спросите у него, который часъ, и онъ отвѣтитъ: вѣчность. Я еще не встрѣчалъ никого, кто бы такъ остро ощущалъ измѣнчивость, текучесть, бѣгучесть вещей, кто былъ бы такъ воспріимчивъ къ извѣчной динамикѣ космоса. „Нѣтъ ни на мигъ остановки, и не можетъ быть остановки. Если бы я и вы, и всѣ міры, сколько есть, и все, что на нихъ и подъ ними, снова въ эту минуту свелись къ блѣдной текучей туманности, это была бы бездѣлица при нашемъ долгомъ пути. Мы вернулись бы снова сюда, гдѣ мы стоимъ сейчасъ, и отсюда пошли бы дальше, все дальше и дальше. Нѣсколько квадрильоновъ вѣковъ, немного октильоновъ кубическихъ верствъ не задержать этой минуты, не заставляютъ ее торопиться: оги только часть, и все только часть. Какъ далеко ни

смотри, за твоею далью есть дали. Считай, сколько хочешь, неисчислимы годы“. Такія ощущенія бываютъ у каждаго, но только мгновениями. У него же они были всегда. Нѣтъ ни одной строки въ его книгѣ, которая не была бы написана подъ наитіемъ такихъ ощущеній. Эти головокружительные просторы и дали были фономъ всѣхъ его картинъ, окруженіемъ всѣхъ его образовъ.

Онъ какъ-будто всю жизнь носился въ междупланетныхъ просторахъ, и что ему наши вершочки и дюймовочки! „Вихри міровъ, кружась, носили мою колыбель; сами звѣзды уступали мнѣ мѣсто“. „Я думалъ, что этого міра довольно, пока вокругъ меня не возникли мириады другихъ міровъ. Великія мысли пространства и вѣчности теперь наполняютъ меня, ими я буду себя измѣрять“. Такой космически-грандіозной души еще не знала міровая поэзія. Были поэты-титаны, поэты-гиганты, но и у тѣхъ былъ такой крошечный, игрушечный космосъ. Данте доподлинно зналъ адресъ Люцифера и Христа, онъ могъ бы на картѣ показать, гдѣ находится адъ и рай. Какъ же ему было опьяняться этими просторами и далями, которыхъ онъ не зналъ и не чувствовалъ? Новый космосъ подарила человѣку наука, и Уитмэнъ первый великій поэтъ этого новаго космоса.

Но развѣ только наука внѣдряетъ въ современную душу эту космическую широту ощущеній, какихъ прежде не знала душа? Развѣ безбрежный разливъ демократіи, поистинѣ новый всемірный потопъ, не возвращаетъ въ современной душѣ то же грандіозное чувство безмѣрности, широты, необъятности!

„Вы только подумайте, — пишетъ поэтъ въ послѣсловіи къ своей единственной книгѣ, — вы только вообразите себѣ теперешніе Соединенные Штаты, эти 38 или 40 имперій, спаянныхъ воедино, эти шестьдесятъ или семьдесятъ милліоновъ равныхъ, одинаковыхъ людей, подумайте объ ихъ одинаковыхъ жизняхъ, одинаковыхъ страстяхъ, одинаковой судьбѣ, — объ этихъ

безчисленныхъ нынѣшнихъ толпахъ, которыя клокачуть, бурлятъ вокругъ насъ, и которыхъ мы — неотдѣлимая части! И подумайте для сравненія, какое ограниченно-тѣсное было поприще у прежнихъ поэтовъ, какъ бы гениальны они ни были. Вѣдь до нашей эпохи они и не знали, не видѣли множественности, кипучести, біенія жизни, и похоже на то, что космическая и динамическая поэзія толпы, которая теперь у каждаго въ душѣ, доселѣ и не была возможна“.

Милліоны одинаковыхъ сердець доводятъ его до бреда. Высшаго восторга онъ не знаетъ — ринуться въ этотъ океанъ челоувѣчества, въ немъ потонуть, раствориться... Но равенство всѣхъ со всѣми, всемірное содружество людей, — этого еще недостаточно его щедрой, размахистой душѣ. Онъ хотѣлъ бы и деревья, и звѣзды, и каждую песчинку вовлечь въ этотъ демократическій міръ, всю вселенную преобразить въ демократію!

Нѣтъ ни лучшихъ ни худшихъ, — никакой іерархіи! — всѣ вещи, всѣ дѣянія, всѣ чувства такъ же равны, какъ и люди, — и корова, понуро жующая жвачку, прекрасна, какъ Венера Милосская; и листочекъ травинки не меньше, чѣмъ пути небесныхъ планетъ; и глазомъ увидѣтъ стручокъ гороха превосходить всю мѹдрость вѣковъ; и душа не больше, чѣмъ тѣло, и тѣло не больше, чѣмъ душа; и клопу, и навозу еще не молились какъ нужно; они такъ же достойны молитвъ, какъ самая святая святыня. Всѣ божественны и всѣ равны:

— Корни всего, что растеть, я радъ, я готовъ поливать!

— Или, по-вашему, плохи законы вселенной, и ихъ нужно отдать въ починку?

— Лягушка — шедевръ, выше котораго нѣтъ! И мышъ, это — чудо, которое можетъ одно пошатнуть секстильоны невѣрныхъ!

— Я не зову черепаху негодной только за то, что она черепаха.

Оттого, что ты прыщевать или грязень, или оттого, что
ты воръ,
Или оттого, что у тебя ревматизмъ, или что ты — прости-
тутка,
Или что ты — импотентъ или неучъ и никогда не встрѣчалъ
свое имя въ газетахъ, —
Ты менѣе безсмертенъ, чѣмъ другіе?

Жизнь такъ же хороша, какъ и смерть; счастье —
какъ и несчастье. Побѣда и пораженье — одно. „Ты слы-
халъ, что хорошо побѣдить и одолѣть? Говорю тебѣ,
что пасть — это такъ же хорошо! Это все равно: раз-
бить или быть разбитымъ!“

Вселенское всеравенство, всеожество! И наука,
для которой каждый микробъ, вибрионъ такъ же уча-
ствуетъ въ жизни вселенной, какъ и величайшій изъ
насъ; для которой у меня подъ ногою тѣ же газы,
тѣ же металлы, что и на отдаленнѣйшихъ солнцахъ, и
даже беззаконная комета движется по тѣмъ же зако-
намъ, что и мячикъ играющей дѣвочки, — утверждаетъ,
расширяетъ въ современной душѣ демократическое
чувство всеравенства.

У поэта оно дошло до того, что какую вещь онъ
ни увидитъ, про всякую говорить: это я! — и здѣсь не
схема, не формула, здѣсь живое человѣческое чувство.
Каждымъ нервомъ онъ ощущаетъ свое равенство со
всѣмъ и со всѣми и, увидѣвъ какого-то бѣлаго негра,
за которымъ погоня, тотчасъ же такую же облаву чув-
ствуетъ и за собой:

Я этотъ загнанный рабъ, это я отъ собакъ отбиваюсь
ногами...

Вся преисподняя слѣдомъ за мной!

Щелкають, щелкають выстрѣлы!

Я за плетень ухватился, мои струпья сцарапаны, кровь
сочится и каплетъ...

Лошади тамъ заупрямились, верховые кричатъ, понукають...

Уши мои — какъ двѣ раны отъ этого крика,

И вотъ меня бьютъ съ размаха по головѣ кнутовищами...

„У раненыхъ я не пытаю о ранѣ, я самъ становлюсь тогда раненымъ!“ — этимъ чувствомъ всеравенства, всеождества онъ мечтаетъ заразить и насъ, ибо безъ этого чувства что же такое демократія? Его оно опьяняетъ до галлюцинацій, до трансa. Словно одержимый факирь, въ вакхическомъ какомъ-то вдохновеніи, онъ, захлебываясь, начинаетъ кричать, что и звѣзды — это онъ, и Богъ — это онъ; и всюду его двойники, и весь міръ — продолженіе его самого: „я весь не вмѣщаюсь между башмаками и шляпой!“

— Водопадъ Ніагара — вуаль у меня на лицѣ!

— Мои локти въ морскихъ пучинахъ, я ладонями покрываю всю землю!

— О, я сталъ бредить собою, вокругъ такъ много меня!

И для него не преграда ни времена, ни пространства: сидя въ вашингтонскомъ трамваѣ, онъ, янки, шагаетъ по старымъ холмамъ Іудеи, рядомъ съ юнымъ и стройнымъ красавцемъ-Христомъ...

И потому-то, доведя до послѣдняго края въ своей щедрой и размашистой душѣ это робко-брезжущее чувство, котораго у насъ почти еще нѣтъ, которое все впереди, — чувство равенства и сліянности со всѣми, — онъ такъ порывисто, съ такими объятіями бросается къ каждой вещи, и каждую словно ласкаетъ, словно гладитъ рукою (вѣдь каждая — родная ему!) и сейчасъ же торопится къ другой, чтобы приласкать и другую: вѣдь и эта прекрасна, какъ та, — и громоздить, громоздить на страницахъ хаотическія груды, пирамиды, тысячи различнѣйшихъ образовъ, безконечные перечни, реестры всего, что ни мелькнетъ передъ нимъ, списки, каталоги, прейсъ-куранты вещей (какъ смѣялись его противники), вѣруя въ своемъ энтузіазмѣ, что стоить ему только назвать, безо всякихъ прикрасъ, всѣ эти ежеминутныя видѣнія, — сами собою неизбежно возникнутъ поэзія, красота, пареніе духа, и дѣйствительно, иные его

каталоги вдохновеннѣе и поэтичнѣе многихъ старательно-сладкогласныхъ поэмъ:

Сумасшедшаго везутъ, наконецъ, въ сумасшедшій домъ: не спать ужъ ему никогда, какъ онъ спалъ въ материнской спальнѣ!

Крѣпко привязано тѣло калѣки къ столу у хирурга: то, что отрѣзано, шлепаетъ страшно въ ведро.

Младшая сестра для старшей держитъ распялившіе нитки; старшая мотаетъ клубокъ; изъ-за узловъ у нея всякій разъ остановка.

Карандашъ репортера быстро порхаетъ по записной его книжкѣ,

Маляръ пишетъ вывѣску лазурью и золотомъ,

Проститутка влачитъ свою шаль по землѣ, шляпка виситъ у нея на пьяной, прыщавой шеѣ; толпа хохочетъ надъ ея неприличною бранью; мужчины глумятся, другъ другу подмигивая.

Штукатуры домъ штукатурятъ, кровельщикъ кроетъ крышу, каменщики кричатъ, чтобы имъ дали известки;

Осень за лѣтомъ идетъ, пахарь пашетъ, косить косарь, и озимь сыплется наземь;

Патріархи сидятъ за столомъ съ сынами и сынами сыновъ и сыновнихъ сыновъ сынами.

Въ палаткахъ отдыхаютъ охотники послѣ охоты,

Городъ спитъ, и деревня спитъ,

Живые спятъ, сколько надо, и мертвые спятъ, сколько надо

Старый мужъ спитъ со своею женою, и молодой мужъ спитъ со своею женою,

И всѣ они льются въ меня, и я выливаюсь въ нихъ,

И всѣ они — я,

Изъ нихъ изо всѣхъ и изъ cadaго я тку эту пѣсню о себѣ.

Это грандіозное стихотвореніе я перевелъ слово въ слово, тѣмъ же размѣромъ и съ тѣми же риѣмами, какія нашель и въ подлинникѣ: тамъ нѣтъ ни единой риѣмы и никакого размѣра:

— У меня не любовные стансы для женщинъ, больныхъ несвареніемъ желудка! Прочь эту патоку риѣмъ! — восклицалъ демократическій бардъ и истратилъ нѣсколько лѣтъ, чтобы вытравить, изъять изъ своей книги всѣ фокусы, эффекты, прикрасы и вычурь обычной

расхожей поэзіи, видя въ нихъ отжитыя традиціи былой феодальной культуры, наслѣдіе аристократическаго міра.

„У насъ въ Америкѣ такіе безумныя вѣтры, такіе сильные люди, такія грандіозныя событія, у насъ величайшіе океаны, высочайшія горы, безграничныя преріи, — куда же намъ эти мелкія штучки, сдѣланныя дряблыми пальцами!“...—говорилъ онъ объ американской словесности. — „Пробужденіе народныхъ массъ и разрушеніе общественныхъ перегородокъ, все это слало вызовъ нашей современной поэзіи, и я бессознательно принялъ его“.

Всѣхъ героевъ прежнихъ балладъ, всѣ прежнія темы, всю былую эстетику онъ отвергъ во имя демократіи:

— Муза, бѣги изъ Эллады, покинь Іонію, сказки о Троѣ, объ Ахилловомъ гнѣвѣ забудь, о скитаніяхъ Одиссея, Энея! Къ Парнасу табличку прибей: За отъѣздомъ отдается внаемъ.

„Я пришелъ затѣмъ, чтобы осѣнить сѣрыя массы Америки свѣтомъ величія и героизма, которымъ греческіе и феодальные поэты осѣняли своихъ боговъ и героевъ“.

Старая поэзія заколочена въ гробъ. „У локомотива есть собственный ритмъ, и улица Чикаго звучитъ по-другому, чѣмъ древнія пастбища Аркадіи“. Уитмэнъ является величайшимъ реформаторомъ стиха, „Рихардомъ Вагнеромъ поэзіи“, и замѣчательно, что тонкіе эстеты-старовѣры, блюстители классическихъ завѣтовъ восторженно говорятъ теперь о его дерзостномъ бунтѣ противъ всѣхъ каноновъ былой красоты.

VIII.

Изо всѣхъ свойствъ и качествъ міра онъ усвоилъ лишь одно — его громадность. Онъ поэтъ миллиардовъ, отсюда его слѣпота къ единицамъ. Все особенное,

частное, случайное, индивидуальное, личное ему недоступно. Нельзя же смотрѣть въ телескопъ на микроскопическихъ мошекъ. Странно было бы прочитать въ его книгѣ длинную подробную исторію, какъ какая-нибудь миссисъ Джонсъ или Джонсонъ влюбилась въ зеленоглазого Джона. Къ мелочамъ и суетамъ человѣческой жизни онъ не то, что нелюбопытенъ, а неизмѣнно созерцаетъ ихъ среди широчайшихъ горизонтовъ и далей: если онъ и изобразитъ миссисъ Джонсонъ, то лишь *sub specie aeternitatis*, окруживъ ее пылающими безднами, океанами безпредѣльнаго хаоса. — „Миссисъ Джонсонъ, ты безсмертна, свята и божественна, все, что есть въ тебѣ пошлаго, низменнаго, озарено милліонами солнцъ!“ — а ей это совсѣмъ и не нужно, пожалуйста, не приставайте къ ней съ вѣчностью. Пусть у нея не душа, а душонка, но эта душонка — ея, и какойнибудь Толстой или Флоберъ истратили бы тысячи гениальныхъ страницъ для регистраціи всѣхъ микроскопическихъ чувствъ этой лилипутской душонки, все же единственной, неповторяемой въ мірѣ, а пѣвецъ многомилліонной толпы, гдѣ каждый равенъ каждому, гдѣ всѣ какъ одинъ, и одинъ какъ всѣ, не видитъ, не чувствуетъ отдѣльныхъ человѣческихъ душъ. Человѣчество для него — муравейникъ, въ которомъ всѣ муравьи одинаковы, и онъ не замѣчаетъ, что вотъ этотъ муравей — Наполеонъ, а эта муравыиха — Беатриче.

Если Гамлетъ для него то же, что Чичиковъ, и Шекспиръ двойникъ Смердякова, то нѣтъ ни Шекспира, ни Гамлета, нѣтъ личностей, лицъ, а есть какая-то статистика, алгебра, страшная и угнетающая.

Если поэзія будущаго въ этомъ обезличеніи личности, то мы не хотимъ ни поэзіи, ни будущаго!

Нѣтъ, даже носъ Сирано Бержерака, знаменитый фундаментальный носъ, безъ котораго Бержеракъ — не Бержеракъ, мы не желаемъ уступить никому, даже горбъ Квазимодо, даже запахъ Петрушки, присущій

ему одному, его одного отличающій, — и намъ жутко читать поэмы, посвященныя Первому Встрѣчному.

— Я славлю cadaго, всякаго, любого, кого бы то ни было! — постоянно повторяетъ поэтъ, а самъ и не глядитъ на того, кого славить. Что и глядѣтъ, если всѣ одинаковы. Первый Встрѣчный, какая-то безличная личность, вотъ новый Эней, Одиссей грядущаго демократическаго эпоса, и о немъ мы знаемъ лишь то, что онъ одинъ изъ милліона такихъ же... Но нѣтъ, и одинъ — не одинъ:

Онъ не одинъ!

Онъ отецъ тѣхъ, кто стануть отцами и сами!

Многолюдныя царства таятся въ немъ, гордыя, богатыя республики,

И знаете ли вы, кто придетъ отъ потомковъ потомковъ его!
Даже въ одномъ человѣкѣ — цѣлыя міриады людей!

И женщина, которую онъ воспѣваетъ, есть общезенщина, всякая женщина, а не та или эта, съ такой-то родинкой, съ такой-то походкой, единственной, неповторяемой въ мірѣ. Онъ видитъ въ ней многолюдящія чресла, но не чувствуетъ обаянія личности:

„Въ васъ я себя вливаю! — твердитъ онъ своимъ возлюбленнымъ: — Тысячи, тысячи будущихъ лѣтъ я воплощаю чрезъ васъ!“ — снова тысячи, снова вѣка и вѣка, но еще неизвѣстно, согласится ли Джульетта или самая послѣдняя „мовешка“ служить своему Ромео какимъ-то безыменнымъ воплощеніемъ вѣковъ!

Когда любишь, — какъ сильно, какъ остро ощущаешь единственность своего любимаго, его исключительность, его „ни съ кѣмъ несравнимость“:

Только въ мірѣ и есть этотъ чистый,

Влѣво бѣгущій проборъ,

Только въ мірѣ и есть, что лучистый,

Дѣтски-задумчивый взоръ!

Но развѣ въ этихъ сонмахъ, легіонахъ, міриадахъ поэтъ многоголубья, многолюдства замѣтитъ хоть что-нибудь единственное? Здѣсь онъ слѣпъ и слѣпъ

безнадежно. — „Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго выплеснулась капельная капелька и шепчетъ: тебя я люблю“, — вотъ его ощущеніе любовности.

Съ миромъ вернись въ океанъ, моя милая,
Я вѣдь тоже капля въ океанъ...

Покажите ему плотничій топоръ, самый обыкновенный, простой, и, глядя на этотъ топоръ, онъ немедленно вспомнить тѣ миллионы всевозможныхъ топоровъ, которыми въ теченіе столѣтій отрубали преступникамъ головы, дѣлали кровати новобрачнымъ, гробы покойникамъ, корыта и колыбели младенцамъ, корабли, эшафоты, лѣстницы, стулья, бочки, посохи, обручи, столы, онъ видитъ несмѣтныя толпы древнихъ воителей съ окровавленными боевыми топорами, палачей, опирающихся на страшные свои топоры, калифорнійскихъ, колумбійскихъ дровосѣковъ: всѣ топоры всего міра такъ и сыплются къ нему на страницы, одного лишь топора онъ не видитъ, — того, который лежитъ передъ нимъ. Этотъ топоръ потонулъ въ лавинѣ другихъ топоровъ. Его личность ускользнула отъ Уитмэна ¹⁾.

И характерно: когда Уитмэнъ однажды затѣялъ оплакать смерть президента Линкольна, онъ оплакалъ всякаго покойника, всякую смерть, а личность великаго янки такъ и не нашла себѣ мѣста въ этой грандіозной поэмѣ. Личность ускользнула и здѣсь. Уитмэнъ утверждалъ, что Линкольнъ былъ ему дороже всѣхъ людей (кромѣ покойной матери), и, однако, ни слова не сказалъ о самомъ Линкольнѣ, который вѣдь отличался же чѣмъ-нибудь отъ миріады Не-Линкольниковъ! Гуртовой, оптовый поэтъ! И враги демократіи ликуютъ: чего же другого и ждать отъ поэтовъ стадности, заурядности, дюжинности!

— О, божественный средній человѣкъ! О, святая банальность, шаблонность! — восклицаетъ онъ съ какимъ-то

¹⁾ См. „Пѣснь Плотничьяго Топора“.

вызовомъ, и въ этомъ пограніи личности многимъ чудится крахъ и банкротство грядущаго искусства демократіи.

Но почему же въ такомъ случаѣ Уитмэнъ повторяетъ въ своей книгѣ многократно:

Одного воспѣваю я, — личность простую, отдѣльную, —

почему онъ увѣряетъ на каждомъ шагу, будто поэзія демократіи есть именно поэзія личности? Это не праздный вопросъ: вѣдь отдѣльная душа человѣческая дороже всякихъ самыхъ идеальныхъ фаланстеровъ, и горе демосу, если онъ проглотитъ ее! Тогда убытокъ всему человѣчеству, полное банкротство всего міра. Все есть, до всего дошли, — а нѣтъ души, нѣтъ Сони Мармеладовой, Лермонтова, Врубеля, — и нѣтъ ничего, все пропало, вся планета — зря, ни къ чему. Уитмэнъ не былъ бы демократическимъ бардомъ, если бы въ торжествѣ демократіи ему почудилась эта угроза душѣ. Человѣческая душа — для него — это единственный фондъ, капиталъ, которымъ въ теченіе вѣковъ только и живетъ человѣчество! Онъ бы ни за что не допустилъ, чтобы этотъ фондъ хоть на копейку уменьшился. Онъ въ своей книгѣ многообразно указываетъ, что все, чѣмъ человѣчество богато, — книги, машины, червонцы, — есть только проценты съ этого капитала — души:

Ты думаешь, что библіи и религіи божественны,
Я не говорю, что они не божественны,
Я только говорю, что всѣ они выросли изъ тебя, и
могутъ снова вырасти изъ тебя,
Не они даютъ тебѣ жизнь, это ты даешь имъ жизнь:
Какъ листья изъ деревьевъ, какъ деревья изъ почвы — такъ
они растутъ изъ тебя.
Монументы, письма и статуи — всѣ изъ тебя,
Если бы ты сейчасъ не дышалъ и не ходилъ по землѣ,
Что бы они были такое?

Поэзія Уитмэна тѣмъ-то и значительна, что въ ней явленъ и воплощенъ синтезъ крайняго демократическаго идеала съ самымъ необузданнымъ индивидуализмомъ.

Индивидуализмъ, который дотолѣ считался достояніемъ аристократическихъ геніевъ, впервые въ поэзіи Уитмэна реквизированъ для нуждъ демократіи. Если личности и будетъ гдѣ просторъ, такъ только въ нѣдрахъ демократіи, — для Уитмэна это не теоретическій догматъ, а самая насущная реальность.

Онъ и самъ чувствуетъ, что здѣсь — противорѣчіе, что пѣвцу многоголовой толпы не пристало вырывать изъ муравейника какого-нибудь одного муравья и дѣлать его — хоть на мигъ — средоточіемъ всего мірозданія, но эта непослѣдовательность не пугаетъ его:

Я, кажется, противорѣчу себѣ?

Ну, что же, я настолько вмѣстителенъ,

Что совмѣстить могу въ себѣ противорѣчья! —

величаво заявилъ онъ однажды. Какъ бы то ни было это весьма показательно, что еще задолго до Ницше нашелся такой демократъ, который вопреки своей демократичности, или вѣрнѣе — благодаря своей демократичности создалъ культъ сверхчеловѣка, — и даже объявилъ этимъ сверхчеловѣкомъ себя:

— Я славлю себя, я воспѣваю себя!

— Запахъ моихъ подмышекъ ароматнѣе всякой молитвы.

— Я божество и внутри, и снаружи, гляну въ зеркало, и предо мною — Богъ (хотя въ зеркалѣ — растрепанный мужчина, безъ галстука, съ разстегнутымъ воротомъ).

Это ли не сатанинское возстаніе личности! Поэтъ падаетъ ницъ передъ зеркаломъ и, какъ изображеніе Бога, цѣлуетъ свое отраженіе.

— Я тоже творю чудеса.

— Я не врагъ откровеній и библий: малѣйшій волосокъ у меня на рукѣ есть откровеніе и библия.

Онъ готовъ построить себѣ храмъ и служить себѣ самому литургію и на каждой страницѣ кричить, что

вся вселенная для него одного, что онъ солнце всего мірозданія: ты для меня разметалась, земля, вся въ ароматахъ зацвѣтшихъ яблонь, —

Восходящее солнце, слѣпительно-страшное, какъ скоро ты
убило бы меня,

Если бъ во мнѣ самомъ другое такое же солнце не восхо-
дило навстрѣчу тебѣ!

На каждомъ алтарѣ, предъ которымъ простираются люди, онъ безпардонно разсѣлся самъ, но пусть они не сердятся на него за то, что онъ пролѣзъ въ сверхчеловѣка, а ихъ оставилъ въ пыли и въ грязи: онъ каждому изъ нихъ говоритъ:

— Вы такіе же сверхчеловѣки, какъ и я!

— Вы тоже рядомъ со мною на тронѣ, — всѣ до одинаго, кто бы вы ни были, и если посмотрите въ зеркало, вы тоже тамъ увидите Бога.

— Какъ ты великъ, — ты не знаешь и самъ, проспалъ ты себя самого!

— О, никого, даже Бога, я пѣснями моими не прославлю, если я не прославлю тебя!

— Ни у кого нѣтъ такихъ дарованій, которыхъ бы не было и у тебя, ни такой красоты, ни такой доброты, какія теперь у тебя!

— Эти равнины безмѣрныя! Эти рѣки безбрежныя! Безмѣрень, безбрежень и ты, какъ онѣ! — взываетъ онъ къ каждому первому встрѣчному, къ идиоту, палачу, сифилитику.

Ты думалъ, что надъ тобою только единый Всевышній,
Нѣтъ, Всевышнихъ можетъ быть сколько угодно, одинъ не
мѣшаетъ другому,

Вѣдь этотъ глазъ не мѣшаетъ другому, эта жизнь не мѣ-
шаетъ другой.

И скоро на цѣлой землѣ не осталось ни одного чело-
вѣка: всѣ превратились въ боговъ. Если иконописцы
издревле вѣнчали золотыми вѣнцами только единствен-
ный Ликъ, а всѣ остальные лики были у нихъ темными

и неувѣнчанными, то теперь на иконостасѣ поэта мірады, сонмы головъ, и каждая съ золотымъ ореоломъ. Прежняго Богочеловѣка смѣнили толпы человѣкобоговъ; вонъ они кишать на асфальтѣ, въ магазинахъ, на биржѣ, и каждый изъ нихъ — мессія, каждый сошелъ съ небесъ, чтобы творить чудеса, и самъ — воплощенное чудо. Въ томъ-то и торжество демократіи, что въ ней каждый человѣкъ — Единственный, что личность не только не попрана ею, но именно ею впервые коронована и вознесена. Напрасны были вопли испуганныхъ:

— Гунны! Вандалы! Спасайся, кто можетъ, бѣги. Они насъ раздавятъ, растопчутъ!

Гунны пришли и не только никого не растоптали, но — устами своего поэта — каждому сказали: ты святой. Именно потому-то и Держиморду, и Шиллера, и Смердякова, и Гамлета поэтъ вѣнчаетъ одинаковымъ вѣнцомъ, что онъ чувствуетъ, воочию видитъ, что въ основѣ, въ глубинѣ глубинъ, въ своей мистической сущности — подъ обманчивыми оболочками — ихъ души равны, одинаковы, одинаково святы, одинаково бессмертны, прекрасны, и что это только такъ кажется, это чей-то обманъ, навожденіе, будто Смердяковъ — одно, а Шиллеръ — совсѣмъ другое. Сбросьте съ нихъ эту скорлупу, шелуху, разсыйте миражъ, и только тогда вамъ откроется ихъ подлинная вѣчная личность. И тогда вы внезапно поймете, что пресловутый Берже-раковскій носъ, и запахъ Петрушки, и родинка карамазовской Грушеньки, и гениальность генія, и пошлячество пошляка — это не только не личность, не выраженіе личности, но эта маска, ее закрывающая. Наша индивидуальность начинается тамъ, гдѣ кончаются наши индивидуальныя качества, и сквозь эти пестрые многообразныя покровы поэтъ прозрѣваетъ въ каждомъ единую душу души:

Кто бы ты ни былъ, — я боюсь, ты идешь по дорогѣ сновидѣній,

И въ чемъ ты такъ крѣпко увѣренъ, — я боюсь, то уйдетъ
у тебя изъ-подъ ногъ и подъ руками растаетъ.

И обличье твое, и твой домъ, и слова, и дѣла, и тревоги,
и твое веселье, и твое безумство —

Все ниспадаетъ съ тебя, и твое настоящее тѣло, и твоя
душа настоящая, только они предо мною,

Ты предо мною стоишь въ сторонѣ отъ работы твоей и
заботы, отъ купли-продажи, отъ фермы твоей и отъ лавки,
отъ того, что ты ѣшь, что ты пьешь, какъ ты скорбишь,
умираешь...

Твой пошлый нарядъ, безобразную позу, и пьянство, и по-
хоть, и раннюю смерть — все я отброшу прочь...

Тамъ, подъ спудомъ, внизу затаился ты настоящій,

И я вижу тебя, гдѣ никто не увидитъ тебя!

Въ этихъ великолѣпныхъ словахъ поэтъ даетъ намъ
вѣчную, гранитную основу для утвержденія демократи-
ческаго равенства: вѣру въ мистическую сущность без-
смертнаго человѣческаго я, въ универсальную душу
человѣка, открывающуюся во всѣхъ обличіяхъ, — чтобы
демократія „цвѣткомъ, плодомъ, сіяніемъ, свѣтомъ вошла
въ человѣческіе нравы“ и утвердила новую грядущую
религію всесвятости и человѣкобожества. Но именно
это-то ощущеніе одинаковости всѣхъ человѣческихъ
душъ и сдѣлало его слѣпымъ къ отдѣльнымъ лично-
стямъ. Славить безъ изъятія всякую личность, это значить
не славить ни одной, — и не даромъ во всей книгѣ
Уитмэна ни разу не изображенъ какой-нибудь свое-
образный, самобытный человѣкъ съ особенной, отдѣль-
ной душой. Поэта демократіи интересовало не то, чѣмъ
люди непохожи другъ на друга, а лишь то, чѣмъ они
другъ на друга похожи. Его глазъ улавливаетъ только
типичное, и потому, повторяю, поэзія индивидуальнаго,
личнаго осталась чужда его книгѣ.

Демократія принесла человѣчеству новое слово: то-
варищъ. Чувство, что мы рядовые какой-то Великой
Арміи, которая безъ Наполеоновъ и маршаловъ идетъ
отъ побѣды къ побѣдѣ, проникло уже въ cadaго изъ
тѣхъ, кто заполняетъ сейчасъ площади, театры, банки,

университеты, рестораны, кинематографы, трамваи современныхъ многомилліонныхъ городовъ.

Но это удивительное чувство, которое, какъ мы знаемъ, было такъ могуче въ поэтѣ, что повлекло его къ раненымъ и умирающимъ въ госпитали, въ лазареты, на поля, залитыя кровью, — это чувство во всей современной поэзіи еще не нашло никакихъ выражений. Рыцарское преклоненіе предъ женщиной, свойственное среднимъ вѣкамъ, культъ Прекрасной Дамы, столь облагородившій половую любовь и заповѣдавшій современному обществу какую-то прекрасную изысканность, нынѣ для насъ недостаточенъ: грядущему чело-вѣчеству нуженъ такой же культъ — культъ Товарища, культъ демократической дружбы, ибо все больше и больше накапливается въ сердцахъ у людей эта новая нѣжность, влюбленность въ соратника, сотрудника, попутчика, въ того, кто идетъ съ нами въ ногу, плечо къ плечу, участвуетъ въ общемъ походѣ, и вотъ это неокрѣпшее чувство, зародышъ, зачатокъ чувства поэтъ усилилъ въ своей огромной душѣ, довелъ до воспаления, до той всепоглощающей грандіозной страсти, въ которую, какъ онъ вѣритъ, оно преобразится потомъ при всемірномъ торжествѣ демократіи.

Онъ и здѣсь предвѣщаетъ грядущее. И если теперь его оды товарищу, тому, кого онъ зоветъ *camerado*, кажутся намъ невозможными и напоминаютъ серенады влюбленнаго, — такъ онъ чрезмѣрно-молитвенны, такъ пламенно-нѣжны, — то это потому, что еще не исполнились сроки, чтобы и въ нашихъ сердцахъ возгорѣлась такая великолѣпная страсть.

Въ его книгѣ есть цѣлый альбомъ этихъ неслыханныхъ любовныхъ стиховъ.

Даже слова еще не нашлось для такого грядущаго чувства. Формальное слово дружба нисколько не выражаетъ его. Это скорѣе тревожная, жгучая, бурная влюбленность мужчины въ мужчину, и безъ этого чувства,

какъ вѣрить поэтъ, демократія — только тѣнь, только призракъ:

„Вся сила свободы будетъ въ этихъ влюбленныхъ, весь залогъ равенства будетъ въ этихъ друзьяхъ. Или вы ищете, чтобы васъ связали другъ съ другомъ чиновники? Или какой-нибудь договоръ на бумагѣ? Или оружіе? Нѣтъ, цѣлому міру и никому во вселенной васъ такъ не связать“.

IX.

Итакъ, вотъ главныя черты демократической поэзіи будущаго, какъ онѣ намѣтились въ творествѣ Уитмэна:

Во-первыхъ, это — поэзія счастья. Такого оптимиста, какъ Уитмэнъ, еще не было во всесвѣтной поэзіи. Отчаяніе, уныніе, хандру Уитмэнъ всецѣло предоставилъ поэтамъ обреченныхъ, отживающихъ классовъ; ибо не можетъ не быть оптимистомъ поэтъ, связавшій свою душу съ такой растущей и жизнетворческой силой, какъ демократія, которой обеспечено столь прочное будущее, у которой — по истеченіи положенныхъ сроковъ — будетъ во власти весь міръ! Тотъ, кто говоритъ отъ лица демократіи, не можетъ не почерпнуть у нея ея инстинктивную, триумфальную радость, радость созиданія новаго культа — предчувствіе великолѣпнаго будущаго.

Во-вторыхъ, это поэзія науки, — и главнымъ образомъ, естественныхъ наукъ. Появленіе демократіи на сценѣ современной исторіи не даромъ совпало съ торжествомъ эволюціоннаго ученія о мірѣ, съ дарвинизмомъ, спенсеризмомъ и т. д. Всюду, гдѣ, въ послѣдніе годы, нарождалась на западѣ и у насъ — демократія, она тотчасъ же изгоняла изъ своего обихода ту завѣщанную средними вѣками схоластическую „риторико-филологическую“ ¹⁾ псевдо-науку, которую съ такой охотой культивировали привилегированные феодальные

¹⁾ По выраженію Герцена. Собр. сочин. (Петр. 1917, IV, 378).

классы. Неотъемлемымъ достояніемъ демоса является всегда позитивизмъ, и Уитмэнъ не былъ бы великимъ поэтомъ, если бы это позитивистское ощущеніе міра не внушило ему истинно-религіознаго паѳоса. Онъ, если такъ можно выразиться,— мистикъ позитивизма, онъ претворяетъ ученныя формулы Уоллеса, Геккеля, Спенсера въ религіозныя псалмы, въ Апокалипсисъ:

Встаньте же, время приблизилось мнѣ передъ вами открыться,
Часы отмѣчаютъ мгновенія, но для вѣчности гдѣ часы?

(См. стр. 106).

Въ этомъ хаотическомъ стихотвореніи нѣтъ ни единой строки, подъ которой не подписался бы нашъ К. А. Тимирязевъ или Сѣченовъ.

Въ-третьихъ, какъ мы видѣли, эта поэзія есть поэзія миллионной толпы, всяческихъ широтъ и громадностей, невиданныхъ, неслыханныхъ чиселъ, поэзія, насыщенная чувствомъ міровыхъ просторовъ и далей. Только демократическая наша эпоха, давшая міру газету, съ ежедневными телеграммами, каблеграммами, радіотелеграммами изъ Рио-Жанейро, Сиднея, Баку; биржу, въ которой Москва связана съ Нью-Йоркомъ, Мадридомъ; кинематографъ, гдѣ предъ вами за гривеникъ пляшутъ подъ музыку Альпы, — только эта эпоха, всѣ силы которой устремились на побѣду надъ пространствомъ, могла внушить человѣку такое новое небывалое чувство, и это чувство несомнѣнно усилится, когда, благодаря авіаціи, Лондонъ пододвинется къ Киеву, и Парижъ станетъ близкимъ сосѣдомъ Аеинъ.

Въ-четвертыхъ, въ этой поэзіи чрезвычайно ослаблено вниманіе къ единичнымъ, индивидуальнымъ явленіямъ и лицамъ; она бѣдна психологическими мотивами, анализомъ отдѣльныхъ человѣческихъ душъ. Это характерно, ибо не даромъ у насъ въ Россіи психологическій романъ достигъ своего апогея въ дворянской не-плебейской средѣ. То копаніе въ человѣческихъ

душахъ, виртуозами коего были усадебные наши писатели, не увлекаетъ поэтовъ-плебеевъ.

Въ-пятыхъ, какъ мы видѣли, это поэзія товарищеской, дружеской любви, столь рѣдкостной въ былыя эпохи. Въ-шестыхъ, это поэзія интернаціонала, всемірнаго братства народовъ, которое, впрочемъ, у Уитмэна всегда было связано съ самымъ пламеннымъ патриотическимъ чувствомъ. Въ Америку онъ былъ влюбленъ, какъ въ любовницу, и шумно признавался ей въ любви, часто отождествляя ее съ демократіей, но таково ужъ было его ощущеніе, что безъ крѣпкаго національнаго чувства истинное братство народовъ невозможно. Братство народовъ для него было почти совершившимся фактомъ: онъ зналъ, что, разъ это дѣло въ рукахъ у демократіи, оно будетъ доведено до конца. И въ самые черные для демократіи дни, разбитый параличомъ, умирающій онъ нацарапалъ дрожащей рукою такія пророчески-радостныя каракули:

Стерты рубежи между царствами.

(См. стих. „Годы Современныя“, стр. 123).

X.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ.
И стройный мусикійный шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.

Ө. Тютчевъ.

Одинъ англійскій ученый историкъ сочинилъ объ Уитмэнѣ цѣлую книгу, прекрасную, но въ самомъ концѣ замѣтилъ, что Уитмэнъ все же ускользаетъ отъ него. Книга осталась сама по себѣ, а Уитмэнъ самъ по себѣ. И критикъ въ отчаяніи прибѣгаетъ къ послѣднему средству: къ уподобленіямъ, къ метафорамъ: „Уитмэнъ, — пишетъ онъ, — это чудище-бегемотъ: грозно онъ претъ напроломъ сквозь заросли джунглей, ломая бамбуки и лианы, погружаясь въ могучія рѣки, и сладострастно

реветь въ упоеніи отъ знойнаго дня. Уитмэнь — огромное дерево, сказочное Древо Игдразиль, его корни въ подземномъ царствѣ, а вѣтви его волшебной вершины закрыли собою все небо. Это — лось, это — буйволь, властительно настагающій самку, всюду за нею слѣдующій въ пустынной безмѣрности прерій. Его поэмы словно кольца ствола какого-то кряжистаго дуба. Уитмэнь — это воздухъ, въ которомъ струятся и зыблются неясныя видѣнія, миражи, какія-то башни, какія-то пальмы, но когда мы простираемъ къ нимъ руки, они исчезаютъ опять. Уитмэнь — это земля, это весь земной шаръ: всѣ страны, моря, лѣса, все, что озаряется солнцемъ, все, что орошается дождями. Уитмэнь — это всѣ народы, города, языки, всѣ религіи, искусства, всѣ мысли, эмоціи, вѣрованія. Онъ нашъ лѣкарь, наша нянька, нашъ возлюбленный“, и т. д., и т. д., и т. д. ¹⁾).

Русскій писатель Бальмонтъ подхватываетъ эти безсвязныя рѣчи:

„Уитмэнь самъ Водяной. Онъ морской царь; пляшетъ, корабли опрокидываетъ... Уольтъ Уитмэнь есть Южный Полюсъ... Уольтъ Уитмэнь — размахъ. Онъ — птица въ воздухѣ. Онъ какъ тотъ морской орелъ, который зовется фрегатомъ: остро зрѣніе у этой птицы, и питается она летучими рыбами и вся какъ бы состоитъ изъ стали: она какъ серпъ, какъ коса“, и т. д., и т. д., и т. д. ²⁾).

Уитмэнь только поморщился бы, прочитавъ эти нарядныя строки. Красивость претила ему. Вся эта эффектная риторика не для вселенскаго барда. „Если бъ моя пѣсня была проста, какъ голосъ животныхъ, быстра и ловка, какъ движенія рыбъ, какъ капаніе капель дождя. Будь я гениальнѣе Гомера, Шекспира, умѣй я слагать сладкозвучныя пѣсни, —

¹⁾ Symonds. „Walt Whitman“. A Study, pp. 156—157.

²⁾ „Переваль“ 1907, III; „Уольтъ Уитмэнь. Побѣги Травы“. Предисловіе.

Все это, о, море, я отдалъ бы съ радостью,
 Лишь бы ты мнѣ дало колыханіе твоей волны,
 Единый ея переплескъ,
 Или вдохнуло въ мой стихъ одно твое соленое дыханіе,
 И оставило въ немъ этотъ запахъ.

Все книжное, условно-поэтическое, всѣ тропы, фигуры, метафоры казались ему лживѣе лжи. Онъ увѣрялъ, будто каждую строчку создаетъ на берегу океана, провѣряя ее воздухомъ и солнцемъ. Вѣдь трава растетъ безъ метафоръ; и не ябломъ, не дактилемъ струится рѣка. Развѣ дерево, когда шумить листвою, заботится о какомъ-нибудь ритмѣ? Уподобиться дереву, травѣ, рѣкѣ — таковъ, по Уитмэну, идеаль поэт. „Всѣ поэты изъ силъ выбиваются, чтобы сдѣлать свои книги ароматнѣе, вкуснѣе, пикантнѣе, но у природы, которая одна мнѣ была образцомъ, такого стремленія нѣтъ“, — писалъ Уотъ Уитмэнъ. — „Человѣкъ, имѣя дѣло съ природой, постоянно норовитъ приукрасить ее. Скрещиваніемъ и отборомъ онъ усиливаетъ запахи и колеры цвѣтовъ, сочность плодовъ и т. д. То же самое онъ дѣлаетъ въ поэзіи: добивается сильнѣйшей свѣтотѣни, ярчайшей окраски, острѣйшаго запаха, самаго „ударнаго“ эффекта. Поступая такъ, онъ измѣняетъ природѣ“. Отсюда нарочитая неотесанность, грубость уитмэнскаго языка. Въ поэзію онъ вводитъ такія слова, что не всякій прочтетъ ихъ вслухъ; но вѣдь буйволовъ они не сконфузятъ.

И долго держалась легенда, будто его стихи такъ же необдуманно, внезапно и дико, какъ рычаніе лѣснаго звѣря. Онъ самъ этой легендѣ потворствовалъ. „Тотъ не пойметъ моей книги, кто захочетъ смотрѣть на нее, какъ на литературное явленіе, съ эстетическими или художественными задачами“, — повторялъ онъ на всѣ лады. — „Среди книгъ я лежу дуракомъ, какъ нѣмой, какъ нерожденный, какъ мертвый“. Но вотъ въ 1899 году одинъ душеприказчикъ поэта обнародовалъ его черновики, первоначальные наброски,

варианты, и обнаружилось, что каждый эпитетъ, каждое небрежное слово—плодъ долгихъ исканій и опытовъ ¹⁾. Даже странно читать, сколько правилъ и догматовъ, именно литературныхъ, эстетическихъ, внушалъ себѣ этотъ поэтъ-Бегемотъ. О стилѣ, объ эпитетахъ, о метричѣ у него есть цѣлые трактаты. Въ его безыскусственности такъ много искусства! Столько сложности въ его простотѣ! „Даже въ самомъ отказѣ своемъ отъ художества — онъ оказался художникомъ!“—говорить о немъ Оскаръ Уайльдъ, и блестяще доказываетъ, что пресловутая его первобытность была чисто-литературнымъ явленіемъ ²⁾. Этотъ дикій „морской орелъ“ прекрасный теоретикъ искусства. Но, конечно, всѣ его схемы были бы бесплодны и мертвы, если бы сквозь нихъ не прорывалось шамански-экстатическое вдохновеніе. Полжизни онъ таилъ его отъ всѣхъ, даже отъ себя самого, полжизни ходилъ, какъ нѣмой, именно потому, что тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ его вдохновеніе могло бы излиться, еще не были имъ изобрѣтены. Онъ долженъ былъ стать Эдиссономъ своего собственного слога и стиля, кропотливо искать и обдумывать, чтобы наконецъ-то его „варварскій визгъ“ могъ какъ-нибудь прорваться наружу. И результаты оказались разительные. Неправильный, будто бы пьяный ритмъ его стиха, въ сущности, такъ податливъ, такъ гибокъ, такъ нервно и чутко подчиненъ каждой мимолетной эмоціи, что никакія гладко-размѣрныя строфы не могли бы состязаться съ нимъ. Каждому біенію крови соотвѣтствуетъ свой размѣръ, и въ пульсаціи разнообразныхъ темповъ чувствуешь пульсацію сердца, словно

1) Richard Maurice Bucke: „Notes and Fragments Left by Walt Whitman“.

2) Эта газетная статья Оскара Уайльда на русскій языкъ не переведена. Я ознакомился съ ней по 13-томному изданію Метуэна. Она называется *The Cospel According to Walt Whitman* и напечатана среди его *Reviews*.

ты приложилъ къ нему руку. „Слова моей книги — ничто, порывъ ея — все“. Отсюда это изумительное впечатлѣніе, будто у него не описаніе страсти, а самая страсть, и даже когда онъ пишетъ о своихъ любовныхъ ночахъ, кажется, онъ пишетъ на брачной постели, тутъ же въ объятіяхъ женщины, чтобы каждый ритмъ его буйно-страстныхъ порывовъ былъ переданъ ритмомъ стиха. Потому-то онъ и въ правѣ сказать о своей единственной книгѣ:

Камерадо! это не книга:

Кто коснется ея, тотъ коснется меня.

А если вся книга — онъ самъ, если въ ея слогѣ, въ ея стилѣ отражается его походка, его кровообращеніе, его аппетитъ, то вся эстетика въ немъ же самомъ! Нужно думать не о дактиляхъ или спондеяхъ, не о косметическихъ прикрасахъ стиха, не о фигурахъ и тропахъ, а только о себѣ, о душѣ. Чтобы создать поэму, ты долженъ создать себя. Усовершенствуй свой духъ, и ты усовершенствуешь свой стиль. „Пойми, что въ твоихъ писаніяхъ не можетъ быть ни единой черты, которой не было бы въ тебѣ же самомъ. Если ты злой или пошлый, это не укроется отъ нихъ. Если ты любишь, чтобы во время обѣда за стуломъ у тебя стоялъ лакей, это скажется въ твоихъ писаніяхъ. Если ты брюзга, или завистникъ, или не вѣришь въ загробную жизнь, или низменно смотришь на женщинъ, это скажется даже въ твоихъ умолчаніяхъ, даже въ томъ, чего ты не напишешь. Нѣтъ такой уловки, такого приема, такого рецепта, чтобы скрыть отъ своихъ писаній хоть какой-нибудь свой изъянъ“, — твердилъ поэтъ, обращаясь къ себѣ самому, передъ тѣмъ какъ создать свою книгу. Такимъ образомъ его пѣтика вся преобразуется въ этику, — сказала-таки пуританская кровь! Готовясь служить искусству, онъ приписываетъ себѣ строгую діету; приступая къ поэтическому подвигу,

онъ заповѣдуетъ себѣ самому: вотъ что ты долженъ дѣлать: люби солнце, землю, животныхъ; откажись отъ богатства; отдай свою жизнь ближнему; ненавидь угнетателей; не думай о Богѣ; не кланяйся никому и ничему,—и самое тѣло твое станетъ великой поэмой, и даже молчащія губы будутъ у тебя краснорѣчивы. Въ этихъ суровыхъ канонахъ виденъ великій эстетъ. Онъ знаетъ, что красота не въ отдѣльныхъ деталяхъ, какъ бы онѣ ни были изящны, а въ гармоніи всѣхъ деталей, какъ бы онѣ ни были уродливы. Онъ не хочетъ создавать поэмы: онъ хочетъ вдохнуть въ насъ свой духъ, чтобы вмѣсто него мы сами создали поэмы для себя:

Побудь этотъ день, эту ночь со мною,
И ты самъ станешь источникомъ всѣхъ на свѣтѣ поэмъ.

Онъ жаждетъ заразить насъ собою: не образы создать, а импульсы.

Онъ хотѣлъ бы стать такою динамо-машиной, отъ которой къ каждому шелъ бы могучій электрической токъ. Но чтобы другіе могли заразиться тобою, умѣй и самъ заразиться ихъ душами!

— У раненыхъ я не пытаю о ранѣ, я самъ становлюсь тогда раненымъ,—здѣсь величайшій эстетическій принципъ, который только знаетъ искусство! Не нужно описывать вещи, нужно отождествлять себя съ ними:

Когда ловятъ воришку, то ловятъ и меня, мы оба — на скамьѣ подсудимыхъ, насъ обоихъ сажаютъ въ тюрьму.
Умираетъ холерный больной, я тоже умираю отъ холеры.
Лицо мое стало какъ пепель, у меня корчи и судороги,
люди убѣгаютъ отъ меня.

Нищіе въ меня воплощаются, я воплощаюсь въ нихъ,
Я конфузливо протягиваю шляпу, я сижу и прошу подающія.

Доведи свое сорадование, состраданіе, сочувствіе до полного сліянія съ чужою душою, преобразись, превратись въ того, о комъ ты поешь или плачешь, и все

остальное приложится: ты найдешь и прекрасные образы, и мудрые эпитеты, и тонко-изошренные ритмы. Высшее напряжение любви будет высшим триумфом искусства. Воистину, такая эстетика могла возникнуть только в демократии, которая такъ богато насыщена чувствомъ всяческаго равенства и тождества.

XII.

Я уже упоминалъ о томъ письмѣ, которымъ знаменитый Эмерсонъ привѣтствовалъ невѣдомаго Уитмэна, только-что издавашаго свою первую книгу. Приведу это письмо цѣликомъ:

Конкордь, Массачузетсъ, 21 іюля 1855 года.

Милостивый Государь!

Только слѣпой не увидитъ, какой драгоцѣнный подарокъ ваши Побѣги Травы. Мудростью и талантомъ они выше, самобытнѣе всего, что доселѣ создавала Америка. Я счастливъ, что читаю эту книгу, ибо великая сила всегда доставляетъ намъ счастье. Это именно то, чего я всегда добивался, потому что слишкомъ бесплодны и скудны становятся здѣсь, на Западѣ, души людей, будто они изнурились въ чрезмѣрной работѣ, или у нихъ малокровіе, и они обрюзгли, разжирѣли. Поздравляю васъ съ вашей свободной и дерзкою мыслью. Радуюсь ей безконечно. Для своихъ несравненныхъ образовъ вы нашли несравненные слова, какъ разъ такія, какія нужны. Всюду обаятельная смѣлость манеры, которую можетъ внушить только истинная широта міровоззрѣнія.

У порога великаго поприща привѣтствую васъ! Къ этому поприщу васъ несомнѣнно привелъ какой-то долгій и трудный путь. Я вначалѣ протиралъ глаза: не во снѣ ли вижу этотъ солнечный лучъ, но идеи вашей книги, слава Богу, прочная реальность, дѣйствительность.

Ихъ величайшее достоинство въ томъ, что онѣ бодрятъ и подкрѣпляютъ.

Мнѣ такъ захотѣлось увидѣть моего благодѣтеля, что я чуть было не забросилъ работу и не поѣхалъ въ Нью-Йоркъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ уваженіе.

Р. В. Эмерсонъ.

„Дорого заплатить мистеръ Эмерсонъ своей репутаціей за тотъ пылъ, съ которымъ онъ велъ Уота Уитмэна въ американское общество“, — соображали журналы, когда Уитмэнъ, ко всеобщему скандалу, самовольно напечаталъ въ слѣдующемъ изданіи „Побѣговъ Травы“ это частное, интимное письмо. Американцы были до того смущены, что, по словамъ Платта, предпочитали думать, будто ихъ Эмерсонъ на время сошелъ съ ума. У Эмерсона въ ту пору было вліяніе огромное. Янки звали его своимъ литературнымъ банкиромъ. Они говорили, что бумаги, прошедшія чрезъ его руки, и монеты, прозвенѣвшія у него на столѣ, безъ опаски принимаются всюду всѣми другими конторами. Но и онъ рисковалъ обанкротиться, повышая акціи Уитмэна. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что его энтузіазма хватило только на одно это письмо. Вскорѣ онъ познакомился съ Уитмэномъ лично и — почти охладѣлъ къ его книгѣ. Во всякомъ случаѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, посылая въ Англію „Листья Травы“ своему любимому философу Карлейлю, Эмерсонъ пишетъ о нихъ безъ прежней увѣренности, двусмысленно и даже иронически:

„Въ Нью-Йоркѣ нынѣшнимъ лѣтомъ появилась нѣкая книга, — невообразимое чудище, пугало со страшными глазами и съ силою буйвола, — насквозь американская книга, — я было думалъ послать ее вамъ, но кому я ни давалъ ее прочесть, всѣмъ она внушала такой ужасъ, всѣ видѣли въ ней столько безнравственности, что я, признаюсь, воздержался. Но теперь, быть можетъ, и пошлю. Она называется „Листья Травы“,

была написана и собственноручно набрана однимъ типографскимъ наборщикомъ изъ Бруклина, неподалеку отъ Нью-Йорка, по имени Вальтеръ Уитмэнъ. Пробѣгите ее и, если вамъ покажется, что это не книга, а просто списокъ разныхъ товаровъ, предназначенныхъ для аукціона, раскурите ею свою трубку...“

Главное, что смущало Эмерсона въ книгѣ Уитмэна, — это „Адамовы Дѣти“. Такъ были озаглавлены стихи, посвященные половымъ страстямъ.

Эти стихи, какъ извѣстно, вызвали въ филистерскихъ кругахъ ни съ чѣмъ несравнимую панику, но нужно ли указывать, что великая тайна рожденія, „посѣвъ чело-вѣческихъ душъ“ — для Уитмэна не скабрѣзный секретъ, а неизреченное религіозное таинство. Въ минуты брачныхъ экстазовъ онъ, по словамъ его книги, чувствуетъ себя причастникомъ вѣчности, касается какихъ-то внѣ-мїрныхъ высотъ, выходитъ за грани своего бытія, освобождается отъ призрачныхъ оковъ времени, пространства, причинъ и цѣлей, отъ иллюзіи своего самоцѣннаго я; для него эти мистически-страшныя, испепеляющія душу мгновенія служатъ вѣрнымъ, неопровержимымъ залогомъ божественной сущности міра:

Прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра.

Такое чувство въ его книгѣ всегда, но сильнѣе всего оно именно въ эти минуты, которыя у него такъ экстаичны, что, кажется, продлись онѣ долѣе, его сердце разорвалось бы отъ нихъ:

О, бракъ! О, брачный восторгъ!

Если бы ты продлился долѣе этого краткаго мига,

Ты непременно убилъ бы меня!

Уитмэнъ, какъ индусы, какъ Фетъ или Блэкъ, чувствовалъ всей своей кровью, что отъ звѣзднаго неба до малой былинки все въ мїрѣ воплощеніе божества. Хотя онъ съ такимъ рубенсовскимъ фламандскимъ

никогда ни одного непристойнаго слова. Онъ всюду вносилъ съ собою атмосферу цѣломудренной опрятности ¹⁾).

Темные „гіероглифы пола“ имѣли у насъ въ Россіи своего истолкователя — Розанова. Было бы весьма поучительно сопоставить брачныя пѣснопѣнія Уитмэна съ писаніями русскаго автора. Оказалось бы, что эти два человѣка, ничего другъ о другѣ не знающіе, отрѣзанные другъ отъ друга океаномъ, раздѣленные многими десятками лѣтъ, какъ заговорщики, вѣщали невнемлющему и равнодушному міру одну и ту же — никому, кромѣ нихъ, недоступную — истину о трансцендентной магической Сущности Пола. Всѣ самые прихотливые домыслы Розанова о томъ, что душа это полъ, что всякая религія струится отъ пола, что наша человѣческая многосложная личность есть только модификація, трансформация пола, что геній есть половое цвѣтеніе души, что чадозачатіе есть главный мистическій актъ, гдѣ человѣкъ актомъ участія своего сводитъ душу съ

---

1) Теперь кажутся чрезвычайно забавными тѣ негодующія ханжескія рецензіи, которыми въ Америкѣ и въ Англии были встрѣчены „Адамовы Дѣти“. Недавно перелистывая старый солидный англійскій журналъ „Westminster Review“ за 1860 г., я наткнулся на такую замѣтку:

„Если бы творенія мистера Уитмэна были напечатаны на бумагѣ, столь же грязной, какъ они сами, если бы книга имѣла видъ, обычно присущій литературѣ этого сорта, — литературѣ, недостойной никакой иной критики, чѣмъ критика полицейскаго участка, мы обошли бы эту книгу молчаніемъ, такъ какъ, очевидно, она не имѣетъ никакого касательства къ той публикѣ, съ которой бесѣдуемъ мы. Но когда книжка, содержащая въ себѣ такое количество наглаго безстыдства и грязи, какое можетъ въ ней умѣститься, преподносится намъ во всемъ блескѣ типографскаго искусства, то...“, конечно, отсюда для англійскаго Передонова явствуется, что нравственное разложеніе Соединенныхъ Штатовъ чревато роковыми послѣдствіями.

Кто этотъ писака, неизвѣстно. Его эфемерное имя давно уже кануло въ Лету, а имя Уитмэна, — слава Америки, — гремитъ на четырехъ континентахъ.

домірныхъ высотъ, что вдохновеніе пророка, поэта, ученаго есть вдохновеніе пола, — всѣ эти ощущенія Розанова были предвосхищены Уотомъ Уитмэномъ. Конечно, Розановъ — исхищенный, извилистый, кокетливо-лукавящій писатель, а Уитмэнь — варварски-прямолинеенъ, безъ оттѣнковъ и тонкостей, но тема у нихъ — одинаковая, и даже — въ основномъ и главнѣйшемъ — излагаютъ они ее одинаково, словно списывая одинъ у другого. Правда, Уитмэнь высказываетъ свои ощущенія въ видѣ краткихъ категорическихъ формулъ, словно высѣченныхъ разъ навсегда на гранитѣ, а Розановъ дребезжитъ и хлопочетъ, но если къ лаконическимъ стихамъ Уота Уитмэна пришить такія статьи В. В. Розанова, какъ „Афродита и Гермесь“, „Семья какъ религія“, „Изъ загадокъ человѣческой природы“, „Колѣблющіяся напряженія въ полѣ“, — эти статьи показались бы комментаріями, специально написанными для истолкованія Уитмэнианскаго текста.

Уоть Уитмэнь, наримѣръ, говоритъ:

Мой полъ это кормчій всего моего корабля...
 Бедра, груди, сосцы это не только поэмы тѣла.
 Это поэмы души, и сами они — душа.
 Полъ — вмѣстилище плотей и душъ;
 Если тѣло мое не душа, что же тогда душа?

И Розановъ, словно комментируя эти вѣщанія, пишетъ:

„Центръ души лежитъ въ полѣ. Душа и полъ идентичны. Утрата динамическаго въ полѣ параллельна утратѣ динамическаго въ душѣ. Душа имѣетъ въ себѣ полъ. Полъ въ насъ и есть душа“.

Уоть Уитмэнь повторяетъ многократно:

Нѣтъ на свѣтѣ святыни, если тѣло человѣка не свято...
 Боги исходятъ изъ пола...

И Розановъ твердитъ вслѣдъ за нимъ:

— Самое существо, ткань, жизнебіеніе человѣка есть молитва. Актъ супружеской любви есть актъ религіознаго

культы. Поль и дѣйствительная религія имѣютъ корневое тождество. А-сексуалисты есть въ то же время и а-теисты. Поль это ковчегъ, гдѣ сокровенно сохраняется какая-то вѣщая и неистошима, льющаяся въ міръ святость.

Уитмэнъ говоритъ:

Мои пѣсни омыты Поломъ,
Бедрами моими рождены.

Розановъ:

— Мысль, геній, всякія прозрѣнія философскія лучатся изъ пола. Толстой, Лермонтовъ и Достоевскій — чресленные, беременные писатели, потому-то ихъ творенія геніальны, потому-то имъ и дано мистическое чувство вѣчности, чувство соприкосновенія нашего таинственнымъ мірамъ инымъ ¹⁾.

Неизсякаемость нашихъ рождающихъ нѣдръ, непрерывность нашего многовѣкового отцовства, „вѣтвление и вѣтвление человѣка“ — для нихъ обоихъ религіозная радость. Уитмэнъ о каждомъ мужчинѣ твердитъ:

Онъ не одинъ, онъ отецъ тѣхъ, кто стануть отцами и сами,
Многолюдныя царства таятся въ немъ, гордыя, богатыя
республики,

И знаете ли вы, кто придетъ отъ потомковъ потомковъ его!

А Розановъ вслѣдъ за нимъ слово въ слово:

— Человѣкъ живетъ цѣлой колонійкой черезъ 200 лѣтъ, цѣлымъ селомъ черезъ 400 лѣтъ, цѣлымъ народомъ черезъ 1000 лѣтъ. Я не умираю вовсе, а умираетъ только мое сегодняшнее имя. Тѣло же и кровь продолжаютъ жить — въ дѣтяхъ, въ ихъ дѣтяхъ снова, и затѣмъ опять въ дѣтяхъ — вѣчно!

¹⁾ Но Розановъ весь въ византійской схоластикѣ, въ древнемъ отживающемъ быту, въ цитатахъ изъ Библии, въ Достоевскомъ, въ лампадкахъ, въ тухлой костромской обывательщинѣ. Дерзостно потрясая вселенную своими осаннами фалическому богу-животному, онъ все же ни на мигъ не забываетъ о догматахъ казѣннаго синода.

Любопытно, что распалемый этой мыслью Розановъ начинаетъ писать уитмэнскимъ стилемъ, ничего никогда не слыхавши о Уитмэнѣ:

Я размножился — и живу въ дѣтяхъ, внукахъ, въ сотомъ
поколѣніи —

Я тысячею рукъ работаю въ челоуѣчествѣ,

Я обоняю всѣ запахи міра,

Дѣлаю всѣ профессіи...

Адамъ я, безконечный потомокъ нашъ,

Мѣняющій лица, ремесла и обитаемая страны, учащійся
или хлѣбопашествующій, несчастный или счастливый,
но одинъ.

Но сексуальность Уитмэна идетъ еще дальше, чѣмъ Розановская. Розановъ никогда не сексуализировалъ міръ, а Уитмэну часто все видимое казалось воплощеніемъ пола: стволъ орѣшника, шелуха скорлупы, зрѣющіе и созрѣвшіе орѣхи, запахъ лимоновъ и яблоковъ, безумная лѣтняя голая ночь —

У тебя обнаженные груди,

Крѣпче прижмись ко мнѣ, магнетически пьянящая ночь.

Даже землю онъ любилъ, какъ жену:

Ты далеко разметалась, земля, вся въ ароматахъ зацвѣтшихъ
яблонь,

Улыбнись, потому что пришелъ твой любовникъ.

Въ нашемъ современномъ быту, гдѣ супружество — какая-то рабья повинность, эти пѣсни кажутся столь неумѣстными, словно онѣ спѣты на самой далекой планетѣ для существъ, непохожихъ на людей, но вѣдь Уитмэнъ пѣлъ не для своихъ современниковъ, а для будущихъ — перерожденныхъ свободою душъ. Онъ такъ явственно видѣлъ тотъ празднично радостный бытъ, который рано или поздно будетъ нашимъ, что заранѣе — пророческой мечтою — жилъ въ этомъ вождѣлѣнномъ быту, словно этотъ бытъ давно уже сталъ дѣйствительностью, словно каждый изъ насъ давно — полновластный

хозяинъ вселенной. Женщины, которымъ онъ посвящаетъ поэмы, созданы этимъ будущимъ бытомъ: это не рабыни будуаровъ и обывательскихъ семейныхъ очаговъ, а вольныя матроны-атлетки, взлелѣянные демократическимъ вѣкомъ:

Отъ пламенныхъ солнць и отъ буйныхъ вѣтровъ у нихъ
загорѣлыя лица,
Божественна древняя гибкость ихъ тѣлъ,
Онъ умѣютъ скакать на конѣ, плавать, грести, бороться,
бѣгать, стрѣлять, отступать, нападать, защищаться.
Онъ ясны, гармоничны и спокойны.

На дуалистическомъ противоположеніи плоти и духа жила вса средневѣковая культура, пережитками которой и доселѣ живетъ наше европейское общество. Уитмэнъ, переселившись мечтою въ грядущую эпоху Науки и Демократіи, естественно почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ всякихъ наводненій аскетизма. Онъ не былъ бы поэтомъ науки, если бы въ природѣ человѣка нашелъ хоть что-нибудь ничтожнымъ, нечистымъ, презрѣннымъ: для науки ничто не ничтожно, она не презираетъ ничего. Онъ не былъ бы поэтомъ демократіи, если бы для органовъ тѣла ввелъ какую-то табель о рангахъ, раздѣлилъ ихъ на дворянъ и плебеевъ, на бѣлую и черную кость, если бы они не были для него равноправны, если бы онъ каждому изъ нихъ не предоставилъ свободы — выражать себя наиболѣе полно. Здѣсь для него — ни высшихъ, ни низшихъ, никакой іерархіи, —

Брачная ночь у меня въ такомъ же почетѣ, какъ смерть,
Кожа, веснушки и волосы,
Ребра, животь, позвоночникъ, суставы спинного хребта,
Всѣ очертанія мужского или женскаго тѣла, всѣ позы, всѣ
его части...

для Уитмэна демократически равны между собой, и это для него не доктрина, не голая формула, а живое, тревожное чувство...

Нисколько не странно, что Эмерсонъ, котораго Уитмэнъ звалъ своимъ учителемъ, духовнымъ отцомъ — оказался горячимъ противникомъ этихъ сексуальныхъ поэмъ. Зимой 1860 года, когда Уитмэнъ подготовлялъ къ печати третье изданіе своей книги, Эмерсонъ внезапно явился къ нему и сталъ настойчиво требовать, чтобы онъ изъялъ изъ нея эти непристойныя строки.

„Ровно двадцать одинъ годъ назадъ, — вспоминаетъ въ своихъ мемуарахъ поэтъ, — добрыхъ два часа прошагали мы съ Эмерсономъ по Бостонскому лугу подъ старыми вязами. Былъ морозный ясный февральскій день. Эмерсонъ, тогда въ полномъ расцвѣтѣ всѣхъ силъ, обаятельный духовно и физически, остроумный, язвительный, съ ногъ до головы вооруженный, могъ, по прихоти, свободно властвовать надъ вашимъ чувствомъ и надъ вашимъ разумомъ. Онъ говорилъ, а я слушалъ — всѣ эти два часа. Доказательства, примѣры, убѣжденія, — вылазки, развѣдки, атака (словно войска: артиллерія, кавалерія, инфантерія!), все было направлено противъ моихъ Адамовыхъ Дѣтей. Дороже золота была мнѣ эта диссертація, но странный, парадоксальный урокъ извлѣкъ я тогда же изъ нея: хотя ни на одно ея слово я не нашелъ никакихъ возраженій, хотя никакой судья не выносилъ приговора убѣдительноѣ, хотя всѣ его доводы были подавляюще неотразимы, все же въ глубинѣ души я чувствовалъ твердую рѣшимость не сдаваться ему и пойти своимъ неуклоннымъ путемъ. — Что же вы скажете на это? — спросилъ Эмерсонъ, закончивъ свою рѣчь. — Скажу лишь одно: вы правы во всемъ, у меня нѣтъ никакихъ возраженій, тѣмъ не менѣе послѣ вашихъ рѣчей я еще крѣпче утвердился въ своей вѣрѣ и намѣренъ еще ревностнѣе ее исповѣдывать...“

„Послѣ чего, — прибавляетъ Уитмэнъ, — мы пошли и прекрасно пообѣдали въ ресторанѣ American House“.

Въ исповѣданіи своего символа вѣры онъ вообще былъ гениально упрямъ. Когда разъяренная критика

проклинала его книгу за безнравственность, онъ, издавая эту книгу вторично, не только не исключилъ изъ нея тѣхъ стиховъ, которыми всѣ возмущались, но усугубилъ ея непристойность, включивъ еще болѣе жгучія строки, какъ, напр., „Женщина ждетъ меня“ и т. д. Въ 1881 году его книгу взялась издавать солиднѣйшая американская фирма Озгуда, и, когда книга была отпечатана, издательство, по настоянiю бостонскихъ властей, предложило поэту изъять изъ нея нѣкоторыя неудобныя строки. Поэтъ отвѣтилъ безапелляционнѣмъ отказомъ, хоть это и грозило ему разоренiемъ, ибо онъ зналъ, что издатели не согласятся печатать и распространять его книгу. Мало того, онъ потребовалъ, чтобы послѣ его смерти никто не смѣлъ издавать „Листья Травы“ безъ этихъ „непристойныхъ“ стиховъ.

XIII.

Едва только Уитмэнъ издалъ свою книгу, какъ его, по совѣту Эмерсона, посѣтилъ молодой журналистъ Монкюръ Д. Конвей — въ сентябрѣ 1855 года. Уитмэнъ жилъ тогда вмѣстѣ съ матерью на своемъ родномъ Долгомъ-Островѣ. „Жара стояла страшная, — пишетъ Конвей. — Термометръ показывалъ 35 градусовъ. На выгонѣ хотъ бы деревцо. Нужно быть огнепоклонникомъ, и очень набожнымъ, — думалось мнѣ, — чтобы удержаться подъ этакимъ солнцемъ. Куда ни глянешь, пусто — ни единой души. Я уже готовъ былъ вернуться, какъ вдругъ увидалъ человѣка, котораго я искалъ. Онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ на мучительно-жгучее солнце. Сѣрая рубаха, голубовато-сѣрая брюки, голая шея, загорѣлое, обожженное солнцемъ лицо; на бурой травѣ онъ и самъ часть земли: какъ бы не наступить на него по ошибкѣ. Я подошелъ къ нему, сказалъ ему свое имя, объяснилъ, зачѣмъ я пришелъ, и спросилъ, не находитъ ли онъ, что солнце

жарче, чѣмъ нужно. — Нисколько! — отвѣтствовалъ онъ. Здѣсь, по его словамъ, онъ всего охотнѣе творить свои „поэмы“. Это его любимое мѣсто. Потомъ онъ повелъ меня къ себѣ. Крошечная комнатка, въ пятнадцать квадратныхъ футовъ, глядитъ своимъ единственнымъ окномъ на мертвую пустыню острова ¹⁾); узкая койка; рукомойникъ, зеркальце, прибитое къ стѣнѣ, сосновый письменный столикъ, съ перьями, бумагой и чернильницей. На одной стѣнѣ гравюра Бахусъ, на другой, насупротивъ, Силенъ. Въ комнатѣ ни единой книжки... У него, говорилъ онъ, два рабочихъ кабинета — одинъ на верхушкѣ омнибуса, другой на той небольшой пустынной грудѣ песку, которая зовется Coney Island. Много дней проводитъ онъ на этомъ островѣ въ полномъ одиночествѣ, какъ Робинзонъ. Литературныхъ знакомствъ у него нѣтъ, если не считать той репортерской богемы, съ которой онъ сталкивается иногда въ пивной у Пфаффа.

„Мы пошли съ нимъ купаться, и я, глядя на него, невольно вспомнилъ Бахуса тамъ на гравюрѣ. Жгучее солнце облекло бурой маской его шею и его лицо, но тѣло осталось ослѣпительно-бѣлое, нѣжно-розовое, съ такими благородными очертаніями формъ, замѣчательныхъ своей красотой, съ такою граціей жестовъ... Его лицо — совершенный овалъ; сѣдоватые волосы низко острижены и вмѣстѣ съ сѣдиной бороды такъ красиво нарушаютъ впечатлѣніе умиленной дѣтскости его лица. Первую радостную улыбку замѣтилъ я у него, когда онъ вошелъ въ воду. Если онъ говорить о чемъ-нибудь увлекательномъ, его голосъ, нѣжный и мягкій, замедляется, и вѣки имѣютъ стремленіе закрыться. Невозможно не чувствовать каждую минуту

¹⁾ Уитмэнъ родился въ 30 миляхъ отъ Нью-Йорка, на Долгомъ-Островѣ (Лонгъ-Айлендѣ) близъ города Хентингтона. Это длинная полоса земли, имѣющая форму рыбы. Прежнее индѣйское названіе острова Поманокъ.

истинности всякаго его слова, всякаго его движенія, а также удивительной деликатности того, кто былъ такъ свободенъ со своимъ перомъ“.

Статья Конвея была напечатана въ *Fortnightly Review*, 15 oct. 1866 года. Дальнѣйшихъ ея строкъ не привожу, такъ какъ, по свидѣтельству многихъ ¹⁾, онѣ не вполне достовѣрны. Янки-журналистъ переусердствовалъ и, по репортерскому обычаю, сдѣлалъ изъ Уота Уитмэна такую эффектную фигуру, что потомъ и самъ признавался въ фантастичности своего разсказа. (См. Léon Bazalgette. *Walt Whitman. L'Homme et Son Oeuvre*. Paris. 1908. p. 154—156. Isaak Hull Platt. *Walt Whitman*. Boston 1904, p. 34).

* * *

Генри Торо, этотъ американскій Руссо, которымъ у насъ въ Россіи почему-то не умѣютъ восхищаться, и котораго книга *Вальденъ*, переведенная на русскій языкъ, по какой-то странной причинѣ не составила у насъ эпохи, тоже около этого времени посѣтилъ Уота Уитмэна. Въ письмѣ къ одному знакомому онъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія.

„Быть-можетъ, Уитмэнъ величайшій въ мірѣ демократъ... Замѣчательно могучая, хотя и грубая натура. Онъ въ настоящее время интересуется меня больше всего... Я только-что прочиталъ его книгу, и давно уже никакое чтеніе не дѣлало мнѣ столько добра. Онъ очень смѣлый и очень американскій. Я не думаю, чтобы проповѣди, всѣ до единой, сколько ихъ ни было, могли бы сравняться съ его книгой. Мы должны радоваться, что онъ появился. Порою мнѣ въ немъ чудится сверхчеловѣческое. Его не смѣшаешь съ другими жителями Бруклина или Нью-Йорка. Какъ

¹⁾ Хотя бы О'Коннора — въ письмѣ къ Траубриджу (см. Bliss Perry „*W. W.*“, p. 180).

они должны дрожать и корчиться, читая его. Это-то въ немъ и превосходно. Правда, порою мнѣ кажется, что онъ меня надуваетъ. Онъ такой широкой и щедрый; и только-что моя душа воспарить и расширится, и ждетъ какихъ-то чудесъ, словно возведенная на какой-нибудь холмъ, какъ вдругъ онъ швырнетъ её внизъ,— вдребезги, на тысячу кусковъ! Хотя онъ и грубъ, и бываетъ безсиленъ, онъ великій первобытный поэтъ, его пѣсня трубный гласъ тревоги, зазвучавшій надъ американскимъ лагеремъ. Странно, что онъ такъ похожъ на индусскихъ пророковъ; а когда я спросилъ его, читалъ ли онъ ихъ, онъ отвѣтилъ: нѣтъ; расскажите о нихъ“¹⁾).

* * *

До сихъ поръ еще живъ широкоплечій веселый старикъ, ирландецъ Питеръ Дойль, сынъ кузнеца, кондукторъ, ближайшій пріятель Уитмэна. О немъ я уже говорилъ. Ему не было и двадцати, когда сорокалѣтній поэтъ познакомился съ нимъ въ Вашингтонѣ и привязался къ нему, какъ къ родному.

Это пылкое влеченіе Уитмэна къ мужчинѣ, къ товарищу, особенно ярко сказавшееся въ томъ циклѣ его поэмъ, который называется Тростникъ, всегда смущало его комментаторовъ. „Право, есть какое-то сладострастіе въ мысли Уитмэна о такомъ единеніи мужчинъ“, — пишетъ Симондсъ и не безъ тревоги цитируетъ слишкомъ пламенные строки Тростника:

Кто бы ты ни былъ, держащій теперь меня за руку,
Будетъ все бесполезно, если нѣтъ у тебя одного,
И я говорю б е р е г и с ь, кто хочетъ ближе подойти ко мнѣ,

1) Вліяніе индусовъ на Уитмэна установлено теперь съ полной точностью. Характерно, что знаменитый индусскій поэтъ Рабиндранатъ Тагоръ, нашъ современникъ, разительно сходствуетъ съ Уитмэномъ. (См. сборникъ „Слово“, I, 1913, стр. 131).

Я совсѣмъ не то, чѣмъ ты считаль меня.

Ты хочешь пойти за мною?

Ты хочешь поступить въ кандидаты моей благосклонности?

Знай же, что путь подозрителенъ, исходъ неизвѣстенъ,
 быть-можетъ въ немъ гибель.

Ты долженъ отречься ото всего, я буду твой единственный
 законъ.

Твой искусь будетъ дологъ и труденъ,

Нѣтъ, лучше теперь же разстанься со мною и безъ лишнихъ
 хлопотъ сними съ моего плеча твою руку,

Оттолкни меня прочь и ступай своею дорогой.

А не то проберемся куда-нибудь въ чашу, тамъ я тебя
 испытаю,

Спрячемся за скалою на вольномъ вѣтру!

Или быть-можетъ на высокомъ холмѣ, оглядѣвши на
 милою вокругъ, чтобы никто не явился неожиданно,

Или въ море далеко уплывъ, или на берегъ моря, или на
 островъ пустынный,

Твои губы къ моимъ я позволю тебѣ прижать

Въ долгомъ поцѣлуѣ товарища или новобрачнаго мужа,

Потому что я для тебя и товарищъ и новобрачный мужъ,

Если же ты согласишься и допустишь меня подь одежду,

Я послушаю, какъ сердце стучить у тебя и отдохну у тебя
 на бедрѣ,

И бери меня съ собой, куда хочешь, по землѣ и по морю,

Прижаться къ тебѣ — мнѣ довольно, я счастливъ,

Вѣчно дремалъ бы къ тебѣ прижимаясь, бери же меня
 куда хочешь!

Но вникая въ эти листья, ты можешь погибнуть;

Вначалѣ они обмануть тебя, а потомъ обмануть еще больше,
 я же обману тебя непременно,

Чуть ты помыслишь, что ты меня настигъ, тутъ-то я ускользну
 отъ тебя.

Ибо не ради того, что я вложилъ въ эту книгу, я написалъ
 эту книгу,

И не чтеньемъ познаётся она,

И не тѣ, которые неумѣренно хвалятъ меня, не тѣ, которые
 восхищаются мною, знаютъ меня лучше всего.

И не только добро мои пѣсни творять, онѣ творять столько же
 зла, а можетъ-быть больше,

Потому что все бесполезно, если нѣтъ у тебя одного, о
 чемъ ты могъ бы догадаться, на что я намекалъ тебѣ

не разъ,

Отпусти же меня и ступай своей дорогой.

Критикамъ кажется страннымъ, что „среди священныхъ эмоцій и соціальныхъ добродѣтелей, которымъ суждено пересоздать нашу политическую жизнь и скрѣпить, какъ цементомъ, всѣ народы, Уитмэнъ признаетъ напряженную, ревнивую, бурную, чуткую, тревожную любовь мужчины къ мужчине, любовь, которая томится въ разлукѣ, вянетъ безъ взаимности, оживаетъ при возвращеніи любимаго; находитъ радость въ уединенности, въ касаніи рукъ и губъ, въ объятіяхъ“, — хотя поэтъ и клеймитъ позоромъ всякіе гнусные выводы, которые могутъ быть злонамѣренно сдѣланы изъ его возвышенной доктрины.

Дѣло дошло до того, что одинъ почитатель Уитмэна обратился къ нему съ недвусмысленнымъ вопросомъ: какъ понимать эту чрезмѣрную дружбу, и нѣтъ ли въ ней автобіографическихъ чертъ; Уитмэнъ отвѣтилъ, что у него шестеро дѣтей, и что, значить, его отношенія къ женщинамъ были даже слишкомъ нормальны, такъ что напрасно писатели по половымъ вопросамъ торопятся зачислить его, какъ и многихъ другихъ величайшихъ людей, въ ряды извращенныхъ субъектовъ. Прекрасную отвѣдь этимъ писателямъ далъ нѣмецкій романистъ Іоганнесъ Шляфъ, авторъ монографіи о Уотѣ Уитмэнѣ. Онъ озаглавилъ свою статью: „Правда ли, что Уотъ Уитмэнъ гомосексуалистъ?“ и на-голову разбилъ пресловутаго доктора Бертса, который доказывалъ, что Уитмэнъ, какъ Шекспиръ, какъ Платонъ, былъ данникъ однополой любви. (*Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, 1905).

„Для тѣхъ, кто научился читать Уота Уитмэна, — справедливо говоритъ Базальжетъ, — кто проникъ въ самую суть его личности, ясна вся ребячливость такого толкованія. Какъ хочешь разбирай его творчество, заглядывай во всѣ уголки его жизни, и все же не найдешь ничего, что было бы противно природѣ: все такъ же естественно въ немъ, какъ въ растеніи, въ животномъ,

въ водѣ, въ вѣтрѣ, въ солнечномъ свѣтѣ, и на каждомъ шагу натыкаешься на новыя и новыя свидѣтельства его феноменальнаго душевнаго здоровья“.

„Я увѣренъ, что для нашей молодежи его духъ былъ бы спасителемъ и плодотворенъ“, — пишетъ John Addington Symonds въ извѣстномъ этюдѣ о Уитмэнѣ. — „Позволю себѣ рассказать, какъ много онъ сдѣлалъ для меня. Подобно большинству аристократовъ, я воспитывался въ Гэрроу и Оксфордѣ, гдѣ, по слабости здоровья, больше предавался наукамъ, чѣмъ спорту, и былъ на пути къ тому, чтобы сдѣлаться скучнѣйшимъ педантомъ. Въ 1865 году здоровье мое такъ расшаталось, что казалось, всякое житейское поприще было предо мною закрыто. Осенью того же года мой товарищъ проф. Майерсъ прочиталъ мнѣ вслухъ одну поэму изъ Листьева въ Травы. Предо мной, какъ сейчасъ, звучить его мелодическій голосъ, проникающій электрическимъ токомъ въ самыя нѣдра моего существа. Но не даромъ я двадцать лѣтъ былъ погруженъ въ греко-латинскую культуру: мои академическіе предразсудки, мои литературные вкусы, изысканность и исключительность аристократическаго моего воспитанія, все это возстановило меня противъ закорузлаго, нескладнаго и грубоугловатаго поэта. Его стиль возмущалъ меня, но вскорѣ Уотъ Уитмэнъ вполне излѣчилъ мою душу отъ этихъ постыдныхъ немощей. Онъ научилъ меня понимать всю гармонію демократическаго и научнаго духа — съ той широкой всеобъемлющей религіей, къ которой современное человѣчество направляется идеями всеобщаго братства и научнаго постиженія міра. Онъ придалъ плоть и кровь, конкретную жизненность тому религіозному чувству, которое слагалось во мнѣ подъ вліяніемъ Гёте, римскихъ и греческихъ Астоиковъ, Джордано Бруно и основателей эволюціонной доктрины. Онъ вселилъ въ меня вѣру и заставилъ почувствовать, что оптимизмъ не блажь, не безсмыслица. Онъ радовалъ меня и облегчалъ

въ тѣ черные, злые годы вынужденнаго бездѣлія и умственнаго застоя, на которые обрекъ меня недугъ. И что дороже всего, онъ по́могъ мнѣ избавиться отъ мелочности, узости и многихъ предразсудковъ нашего ученаго сословія. Онъ открылъ мнѣ глаза на то, какъ благодѣна, красива, велика всякая человѣческая личность, въ какомъ бы положеніи она ни была. Благодаря ему я братски породнился со всѣми націями и сословіями, безъ различія вѣры, касты, религіи, образованія. Ему я обязанъ лучшими своими друзьями, — сынами земли, чернорабочими, тѣми „малограмотными силачами“, которыхъ онъ любилъ воспѣвать“.

* * *

Но характерно, что величіе Уитмэна признавали на первыхъ порахъ только великіе люди. Въ широкихъ же литературныхъ кругахъ къ нему и посейчасъ не благоклонны. У англійскихъ и американскихъ критиковъ установился особый тонъ: полунасмѣшливый, полупочтительный, — и предлагаемый отрывокъ, я думаю, вполне опредѣлитъ для читателя, какъ принято писать о Уотѣ Уитмэнѣ въ либерально-филистерскихъ кругахъ. Это — изъ книги мистера Джона Никола „Исторія Американской Словесности“:

„Подстать огромному тѣлу, — пишетъ почтенный авторъ, — у Уитмэна многогородящій мозгъ. И что ни родитъ это тѣло, и что ни родитъ этотъ мозгъ, все онъ пихаетъ сюда, въ свою могучую, дикую книгу. Въ результатъ — хаосъ впечатлѣній, мыслей и чувствованій, смѣшанныхъ въ одно мѣсиво, безо всякихъ созвучій, что, пожалуй, не такъ и плохо; безъ всякаго размѣра, что значительно хуже; порою безъ всякаго смысла, — что ужъ и совсѣмъ нехорошо. Нѣтъ никакихъ принциповъ просодіи для чтенія его стиховъ, а когда и случится напасть, наконецъ, на нѣкоторый едва уловимый ритмъ — вотъ, ужъ лежитъ на дорогѣ какой-то чурбанъ

и сбиваетъ насъ съ рельсовъ“. „Даже пылкій почитатель Уитмэна ¹⁾ долженъ былъ признать, что тотъ — формалистъ демократизма... и что истинная поэзія никогда не была въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ неприкрытой доктриной, никогда еще сухой догматикъ такъ тѣсно не уживался съ возвышеннымъ пророкомъ. Одно дѣло воспѣвать всякій трудъ и всякій промысль, а другое — наворотить въ одну кучу названія всевозможныхъ ремесль и ремесленныхъ принадлежностей; воспѣвать всѣ страны и земли отнюдь не значить забрызгивать страницу именами различныхъ частей свѣта и въ такомъ видѣ оставлять ихъ тамъ.

„Если Шекспиръ, Китсъ и Гёте — поэты, Уитмэнъ не поэтъ. Онъ въ этомъ отношеніи *Athanasius contra mundum*. И, какъ мы ни боимся прослыть прѣсными моралистами, мы не можемъ одобрить въ Уитмэнѣ его дерзкое отрицаніе того, что сдѣлала цивилизація, чтобы поднять человѣка надъ дикаремъ или надъ шимпанзе. Ни одинъ изъ выдающихся писателей не былъ въ такой мѣрѣ лишенъ самомалѣйшаго чувства юмора, какъ Уитмэнъ, и вслѣдствіе этого ни одинъ даже изъ посредственныхъ не доходилъ до такихъ абсурдовъ, какъ онъ“.

* * *

Оригинальнѣйшій американскій писатель, англогрекъ Лафкадіо Гернъ, въ послѣдствіи объяпонившійся, принявшій японскую вѣру и женившійся на японкѣ, былъ въ юности нью-йоркскимъ журналистомъ. Въ письмѣ къ одному другу Уота Уитмэна онъ отзывается о поэтѣ такъ:

„Я всегда по секрету читилъ Уота Уитмэна и порывался не разъ излить свои восторги предъ публикой. Но въ журналистикѣ это не такъ-то легко. Попробуй похвали Уота Уитмэна, если издатель ежеминутно твердитъ: „Нашу газету читаютъ въ порядочныхъ семьяхъ“.

¹⁾ Здѣсь подразумѣвается Робертъ Луи Стивенсонъ.

А будешь ему возражать, онъ скажетъ, что ты порнографъ, любитель клубнички и проч.

„Конечно, я не ставилъ бы Уитмэна на такой высокой пьедесталь, на какой его ставите вы, я не сталъ бы называть его гениемъ, ибо гению, по-моему, мало одного умѣнія творить: нужно, чтобы сотворенное было красиво! Материалъ бываетъ и хорошій, да самое издѣліе — дрянь. Къ чему мнѣ руда или дикіе драгоценные камни, мнѣ нужно чистое золото въ дивныхъ причудливыхъ формахъ, мнѣ нужны лепестковыя грани брилліантовъ! А золото Уитмэна еще смѣшано съ глиной, съ пескомъ, его изумруды и алмазы еще нужно отдать ювелиру. Развѣ былъ бы Гомеръ — Гомеромъ, если бы океанскія волны его могучихъ стиховъ не слѣдовали одна за другой такъ размѣрно, ритмически-правильно? И развѣ всѣ Титаны античной поэзіи не шлифовали своихъ словъ, своихъ стиховъ по строжайшимъ законамъ искусства? Да, голосъ Уитмэна — голосъ Титана, но этотъ Титанъ подъ вулканомъ, его крикъ заглушенъ; потому-то онъ вопить, а не поетъ.

„Красота-то есть у него, да ее нужно искать. Сама она не сверкнетъ на тебя, точно молнія, съ первой же попавшейся страницы. Прочти его книгу внимательно, вдумчиво съ начала и до конца, и только тогда ты постигнешь ее красоту. Въ ней античный какой-то пантеизмъ, но только выше и шире: что-то звѣздное и даже надзвѣздное; хотя мнѣ, признаться, въ немъ любо наиболѣе земное, земляное. Одинъ рецензентъ (о, забавникъ!) писалъ: „Мистеру Уитмэну такъ же доступны красоты природы, какъ онѣ доступны животному“. Ахъ, именно эта животность для меня и драгоценна въ немъ, не звѣриная животность, а человѣческая, та, которую намъ раскрываютъ древніе эллинскіе поэты: несказанная радость бытія, опьяненность своимъ здоровьемъ, невыразимое наслажденіе дышать горнымъ вѣтромъ, смотрѣть въ голубое небо, прыгать

въ чистую, глубокую воду и сонно плыть по течению,— пусть несетъ тебя, куда хочеть!.. Онъ грубый, веселый, безстрашный, простой. Пусть онъ не знаетъ законовъ мелодіи, но голосъ его — голосъ Пана. Въ этомъ буйномъ магнетизмѣ его личности, его твореній, въ его широкихъ и радостныхъ пѣсняхъ, въ его ощущеніи вселенской жизни чувствуешь лѣсного античнаго бога, фавна или сатира, — не карикатурнаго сатира нашихъ нынѣшнихъ дешевыхъ классиковъ, но древняго, священнаго, причастнаго къ культу Діониса, и такъ же, какъ Діонисъ, обладающаго даромъ цѣленія, спасанія, пророчества — наравнѣ съ оргійнымъ сладострастьемъ, которое было въ вѣдѣніи этого двуполога бога.

„Здѣсь я вижу великую красоту Уота Уитмэна, великую силу, великую вселенскую правду, возвѣщенную въ мистическихъ глаголахъ, но самый пѣвецъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ представляется варваромъ. Вы его называете бардомъ; еще бы! его пѣсни какъ импровизаціи какого-то дикаго скальда или лѣсного друида. Бардъ не бываетъ творцомъ, онъ только предтеча, только голосъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь для великаго пѣвца, который идетъ за мною, — и вы, защищая, прославляя, вѣнчая его творенія, служите литературѣ будущаго“.

* * *

Книга Уота Уитмэна переведена частями или цѣликомъ на французскій языкъ Габріелемъ Саразеномъ, Вилье Грифеномъ, Леономъ Базальжетомъ; на нѣмецкій языкъ — Карломъ Кнорцомъ, Фрейлигратомъ, Т. В. Рольстономъ (который извѣстенъ также какъ переводчикъ писателей русскихъ); на голландскій — Морицемъ Вагенвортомъ; на польскій — М. Манчевскимъ; на итальянскій — Луиджи Гамберале; на датскій — Рудольфомъ Шмитомъ; на русскій — К. Д. Бальмонтомъ.

Стихи Уота Уитмэна.

Изъ книги Листья Травы.

Вы, преступники, приведенные въ судъ.

Вы, преступники, приведенные въ судъ,
Вы, острожники, въ тюремѣ за рѣшоткой,
Вы, убійцы, въ цѣпяхъ и желѣзныхъ ручныхъ кандалахъ,
Кто же я, что я не за рѣшоткой?
Почему не судятъ меня?
Я такой же окаянный и дьявольскій,
Отчего же руки мои не въ оковахъ, ноги мои не въ
цѣпяхъ?

Вы, проститутки, пестро-наряженныя, по тротуарамъ
гуляющія,

Или безстыдствующія въ кельяхъ своихъ,
Кто же я, что назову васъ безстыднѣе меня самого?

Я виновень, я самъ сознаюсь!

(Не славословьте меня, почитатели, не пойте мнѣ
льстивыхъ похвалъ,

Похвалы меня разъяряютъ до судорогъ:

Я вижу, чего вы не видите, я знаю, чего вы не знаете).

Внутри, въ этомъ остоѣ костномъ, я загрязненный,
задохшійся.

Подъ этимъ притворно-безпристрастнымъ лицомъ
клопочутъ адскія волны.

Трупъ, который останется послѣ тебя, это не ты, а навозъ.
 Нечаянно засіяло солнце, гдѣ и не ждали его,
 Тебя охватываютъ сильныя мысли, и, довѣрчивый, ты
 улыбаешься,
 Ты позабылъ, что ты боленъ, и я позабылъ, что ты
 боленъ,
 Ты не замѣчаешь лѣкарствъ, тебя не волнуютъ рыданія,
 ты знаешь, что я — близъ тебя,
 Я увожу отъ тебя сокрушающихся, нечего имъ рыдать
 надъ тобою,
 Я вѣдь не рыдаю надъ тобою, я поздравляю тебя.

Городская мертвецкая.

У городской мертвецкой, у входа,
 Праздно бродя, пробираясь подальше отъ шума, —
 Я, любопытствуя, замедлилъ шаги;
 Вижу, — отверженный трупъ, проститутка, —
 Простерлась на мокромъ кирпичномъ полу никому не
 нужна.
 О, святыня, о, женщина! Женское тѣло! Вижу тѣло,
 гляжу на него на одно, ничего другого не вижу,
 Оцѣпенѣлая тишина не смущаетъ меня, ни вода, что
 каплетъ изъ крана,
 Ни трупный смрадъ, —
 О, этотъ домъ, дивный домъ, изящный, прекрасный домъ,
 Развалившійся,
 Этотъ безсмертный домъ, большій, чѣмъ всѣ наши зданія,
 Чѣмъ нашъ Капитолій, съ кулономъ бѣлымъ, съ гордой
 фигурой тамъ наверху ¹⁾, чѣмъ старыя храмы съ
 колокольнями, воздѣтыми кверху, —
 Этотъ прекрасный и страшный развалина-домъ,
 Обитель души, самъ — душа,

¹⁾ Капитолій — зданіе въ Вашингтонѣ, гдѣ происходятъ засѣданія конгресса и верховнаго суда. На куполѣ у него статуя свободы.

Домъ, избѣгаемый всѣми,
 Прими же дыханіе губъ задрожавшихъ моихъ,
 И эту слезу одинокую,
 Какъ поминки отъ меня уходящаго,
 Ты, сокрушенный, разрушенный домъ, домъ грѣха и
 безумія,
 Ты, мертвецкая страсти,
 Домъ жизни, недавно смѣющійся, шумный,
 Но и тогда уже мертвый,
 Звенѣвшій и дивно украшенный домъ,
 Но мертвый, но мертвый, мертвый.

Любовныя игры орловъ.

Иду надъ рѣкою по дорогѣ (это моя предобѣденная
 прогулка),
 Вдругъ задавленный крикъ наверху,
 Любовная ласка орловъ,
 Сліяніе стремительныхъ тѣлъ въ высотѣ,
 Сцѣпленные сжатые когти,
 Круженіе, безуміе, бѣшенство, вихрь живого вверху
 колеса,
 Бьющихъ четыре крыла, два клюва,
 Вертящейся массы комокъ,
 Кувырканіе, бросаніе, увертки, прямое паденіе внизъ,
 Надъ рѣкою повисли, двое — одно, въ оцѣпенѣнны
 истомы,
 Въ воздухѣ томно недвижны,
 И вотъ разстаются, и когти ослабли, и въ небо взды-
 маются вкось, на медленныхъ мощныхъ крылахъ,
 Онъ своимъ, и она своимъ раздѣленнымъ путемъ.

Пѣсня о большой дорогѣ.

1.

Пѣшкомъ налегкѣ выхожу на большую дорогу,
 Здоровый, свободный, — весь міръ предо мною впереди!
 Эта сѣрая большая тропа поведетъ меня, куда я захочу.

Мнѣ счастья не надо, я самъ — свое счастье,
 Ни о чемъ не хнычу, ничего не хочу,
 Жалобы, вопросы и книги остались дома.
 Сильный и радостный я иду по дорогѣ впередъ.

Земля, развѣ этого мало?
 Мнѣ не нужно, чтобы звѣзды спустились ниже,
 Онѣ и тамъ хороши, гдѣ сейчасъ.

Большая дорога никого не отвергнетъ, —
 Негръ, преступникъ, неграмотный, больной, всѣмъ у
 нея пріютъ.
 Роды. Кто-то бѣжить за докторомъ. Нищая ковыляется.
 Шатается пьяный. Рабочіе гурьбою идутъ и смѣются.
 Мебель на дачу везутъ.
 Расфуфыренный франтъ. Погребальныя дроги.
 Влюбленные, убѣжавшіе изъ дому.
 Всѣ проходятъ, и я прохожу, и все проходитъ, и никто
 никому не помѣха.
 Ни одного нелюбимаго, ни одного обойденнаго!

2.

Я думаю, что геройскіе подвиги всѣ рождались на
 вольномъ вѣтру,
 И всѣ вольныя пѣсни — на воздухѣ.

Я думаю, что я могъ бы сейчасъ встать и творить чудеса,
 Я думаю, что кого я ни встрѣчу сейчасъ, тотъ мнѣ съ
 перваго взгляду полюбится,
 И полюбить меня,
 Я думаю, что кого ни увижу сейчасъ, тотъ счастливъ.

3.

Большими глотками я глотаю просторы и дали!
 Западъ и востокъ — они мои, сѣверъ и югъ — они мои!

Я больше, чѣмъ я думалъ, — я лучше, чѣмъ я думалъ,
 Я и не зналъ, до чего я хорошъ,
 Я развѣю себя между всѣми, кого ни встрѣчу,
 Я подарю каждому новую радость и новую силу,
 И кто отвергнетъ меня, не опечалить меня,
 А кто приметъ меня, будетъ благословенъ и блаженъ.

4.

Если бы тысяча прекрасныхъ мужей предстала сейчасъ
 предо мною, это не удивило бы меня,
 Если бы тысяча красивѣйшихъ женъ явилась сейчасъ
 предо мною, это не изумило бы меня.

Теперь я постигъ, какъ создать самыхъ лучшихъ людей:
 Пусть вырастають на вольномъ вѣтру, спятъ и ѣдятъ
 съ землю.

Здѣсь испытаніе мудрости,
 Здѣсь я провѣрю сейчасъ всѣ религіи и философіи,
 Можетъ-быть, онѣ хороши въ духотѣ академій, но ни-
 куда не годятся подъ широкими тучами, предъ
 зелеными далями, у бѣгущихъ ручьевъ.

Питательно только зерно, только ядро всѣхъ вещей,
 Кто же совлечетъ съ нихъ шелуху, кто же для тебя и
 для меня счиститъ съ нихъ скорлупу?

5.

Почему многіе, приближаясь ко мнѣ, зажигаютъ въ
 крови моей солнце?
 Почему, когда они покидаютъ меня, флаги моей
 радости никнутъ?
 Почему подъ иными деревьями меня опьяняютъ всегда
 широкія и мелодичныя мысли?
 Я думаю, и лѣто и зиму онѣ зрѣютъ на этихъ деревьяхъ
 и падаютъ на меня, какъ плоды.

Откуда благоволеніе ко мнѣ проходящихъ мужчинъ и
женщинъ?

6.

Ну же, кто бы ты ни былъ, выходи, и пойдемъ вдвоемъ,
Со мною ты не утомишься въ дорогѣ.

Сначала дорога неласкова, сначала молчалива и не-
радушна земля, непостижна и непривѣтна
природа.

Но иди, не унывая, иди впередъ, и ты узришь
божеское, сокровенное,
Не сказать никакими словами, сколь великую ты
узришь красоту.

Дальше! Впередъ! Не мѣшкай!

Пусть эта гавань защищаетъ отъ бури,

Пусть эти люди гостепріимны, а это жилище уютно,

Намъ нельзя здѣсь бросить якорь, дальше, впередъ!

7.

Мы помчимся по безумному, по бездорожному морю!

Съ нами земля и стихія,

Съ нами здоровье, задоръ, любопытство, гордость,
восторги!

Но не приходите ко мнѣ, кто уже расточилъ свое
лучшее,

Сифилитиковъ и пьяницъ мнѣ не надо!

8.

Идемъ, но предупреждаю тебя, что я потребую многого,

Ты не долженъ собирать и громоздить то, что

называется богатствомъ,

Все, что наживешь и накопишь, разбрасывай, куда ни
пойдешь;

Войдя въ какой-нибудь городъ, не оставайся въ немъ
дольше, чѣмъ нужно, и, вѣрный зовущему голосу,
поскорѣе уходи прочь.

Тѣ, кого ты оставишь тамъ, будутъ издѣваться надъ
 тобою, язвить тебя злыми насмѣшками,
 Любящія руки попытаются тебя удержать, но да будутъ
 твои поцѣлуи прощальными,
 И да не стануть эти руки оковами.

9.

Идемъ! Къ безконечному и безначальному!..
 Мы возьмемъ съ собою въ дорогу всѣ зданія и улицы,
 куда бы мы ни пошли.
 Что же такое вселенная, какъ не дорога, — множество
 дорогъ для блуждающихъ душъ, —
 Онѣ шествуютъ впередъ и впередъ,
 Любящія, больныя, отверженныя,
 Величавыя, могучія, безумныя, слабыя, гордыя,
 отчаянныя.
 Я не знаю, куда онѣ идутъ, но знаю, что къ великому,
 лучшему.

10.

Выходите же, мужчины и женщины!
 Нечего корпѣть въ своихъ домахъ, хотя бы вы ихъ
 сами построили,
 Прочь изъ заточенія и мрака! Выходите прочь изъ
 тайника!
 Никакія мольбы не помогутъ, я знаю каждое укромное
 мѣсто,
 Вы не заслонитесь отъ меня ни одеждой, ни танцами,
 ни обѣдомъ, ни смѣхомъ.
 Я вижу сквозь всѣ покровы ваши скрытые скорби и
 ужасы,
 Вы не скажете ихъ ни женѣ, ни подругѣ, ни мужу,
 Объ этомъ страшномъ своемъ двойникѣ, который
 бродитъ, безсловесный, по улицамъ,
 И въ гостиныхъ прикрывается личиной учтивости,

Все ниспадаетъ съ тебя, и твое настоящее тѣло, и твоя
 душа настоящая, только они предо мною,
 Ты предо мною стоишь въ сторонѣ отъ работы своей
 и заботы, отъ купли-продажи, отъ фермы твоей
 и отъ лавки, отъ того, что ты ѣшь, что ты пьешь,
 какъ ты скорбишь, умираешь.
 Кто бы ты ни былъ, я руку тебѣ на плечо возлагаю,
 о, будь моею поэмой!
 Я близко, такъ близко губами надъ твоимъ ухомъ
 шепчу:
 Много любилъ я мужчинъ и женщинъ, но никого —
 какъ тебя.
 Долго я мѣшкалъ вдали отъ тебя, долго я былъ какъ
 нѣмой,
 Мнѣ бы давно прибѣжать къ тебѣ,
 Мнѣ бы твердить о тебѣ безъ конца, мнѣ бы тебя
 одного воспѣвать,
 Кто бы ты ни былъ.
 О, я покину всѣхъ, я пойду и гимнъ создамъ о тебѣ,
 Никто вѣдь не понималъ тебя, я одинъ понимаю тебя,
 Никто справедливъ къ тебѣ не былъ, ты самъ спра-
 ведливъ къ себѣ не былъ,
 Всѣ находили изъяны въ тебѣ, одинъ только я не вижу
 никакихъ изъяновъ въ тебѣ,
 (Одинъ только я не ставлю надъ тобою ни владыки,
 ни Бога:
 Надъ тобою лишь тотъ, кто таится въ тебѣ же самомъ).
 Иконописцы писали кишашія толпы людей, и межъ
 нихъ Одного посрединѣ,
 И голова Одного посрединѣ была въ золотомъ ореолѣ, —
 Я же икону пишу, и на ней мириады головъ, и всѣ до
 одной — въ золотыхъ ореолахъ,
 Отъ руки моей льется сіяніе, отъ мужскихъ и отъ
 женскихъ головъ вѣчно исходитъ оно.
 О, я могъ бы пропѣть про тебя такіе величавые гимны,
 возславить славу твою.

Кто бы ты ни былъ.

Какъ ты великъ, ты не знаешь и самъ, проспаль ты
себя самого,

Твои вѣки какъ-будто опущены были во всю твою жизнь,
И все, что ты дѣлалъ, къ тебѣ обернулось, словно бы
кто надъ тобой посмѣялся.

(Богатства твои, и молитвы, и знанія, если не въ чью-то
насмѣшку они обернулись, то во что обернулись
они?)

Но посмѣшище это — не ты.

Тамъ, подъ спудомъ, внизу, затаился ты настоящій,

И я вижу тебя, гдѣ никто не увидитъ тебя.

Ни молчаніе твое, ни конторка, ни ночь, ни наглый
твой видъ, ни рутина твоей жизни не скроютъ
тебя отъ меня;

Лицо твое бритое, желтое, и зрачки безпокойные пусть
съ толку сбиваютъ другихъ, но меня не собьютъ,

Твой пошлый нарядъ, безобразную позу, и пьянство, и
похоть, и раннюю смерть, все я отброшу прочь!

Ни у кого нѣтъ такихъ дарованій, которыхъ бы не
было и у тебя,

Ни такой красоты, ни такой доброты, какія теперь у тебя,
Ни дерзанія такого, ни терпѣнія такого, какія есть у
тебя,

И какія другихъ наслажденія ждуть, такія же ждуть и
тебя,

И я никому ничего не дамъ, если столько же не дамъ
и тебѣ,

И никого, даже Бога, я пѣсней моей не прославлю,
если я не прославлю тебя.

Кто бы ты ни былъ! Иди напроломъ и требуй.

Эта пышность Востока и Запада — бездѣлица рядомъ
съ тобою,

Эти равнины безмѣрныя и эти рѣки безбрежныя, —
безмѣрень, безбрежень и ты, какъ онѣ.

Эти бури, вулканы, стихии, иллюзия смерти, ты тотъ,
 кто надъ ними владыка,
 Ты по праву владыка надъ скорбью, надъ страстью,
 надъ смертью!
 Съ ногъ твоихъ пути спадаютъ, и ты видишь: все
 превосходно!
 Молодой или старый, мужчина или женщина, грубый,
 подлый, отверженный всѣми,
 Кто бы ты ни былъ,
 Черезъ печали, утраты, черезъ обиды и скуку проло-
 жило дорогу твое настоящее я.

Изъ „Пѣсни о самомъ себѣ“.

1.

Я славлю себя, я воспѣваю себя,
 И что я принимаю, то примете и вы,
 Ибо все, что во мнѣ, то и въ васъ:
 Языкъ мой и каждый атомъ моей крови созданъ изъ
 этого воздуха, изъ этой земли подъ ногами.
 Рожденный здѣсь отъ родителей, рожденныхъ здѣсь
 отъ родителей, тоже рожденныхъ здѣсь,
 Я тридцати семи лѣтъ, въ полномъ здоровьи, эту пѣсню
 мою начинаю,
 Надѣясь не кончить до смерти.

Побудь этотъ день и эту ночь со мною, и ты самъ
 станешь источникомъ всѣхъ на свѣтѣ поэмъ,
 Всѣ блага земли и солнца станутъ твоими (милліоны
 солнць въ запасѣ у насъ!)
 Ты перестанешь смотрѣть глазами давно умершихъ
 или жить привидѣніями книгъ.

6.

Ребенокъ спросилъ, что такое трава? и принесъ
 ее полною горстью.
 Какъ я отвѣчу ребенку? Я вѣдь знаю не больше его,
 что такое трава.

Можетъ-быть, это флагъ моихъ чувствъ, изъ зеленой
матеріи сотканный — символъ надежды.

Или это платочекъ отъ Бога, надушенный,
Брошенный нарочно на землю, людямъ на память, въ
подарокъ,

Тамъ гдѣ-нибудь есть и мѣтка, имя владѣльца, чтобы,
увидя, мы знали навѣрное, чей.

А можетъ-быть, это пышныя кудри могиль.

Вейтесь же, травы, я буду къ вамъ нѣженъ:

Можетъ-быть, вы возросли прямо изъ груди какихъ-
нибудь юношей, и можетъ-быть, если бы я ихъ
узналъ, я полюбилъ бы ихъ;

Можетъ-быть, вы изъ старцевъ растете, или изъ
младенцевъ, только что вынутыхъ изъ материнскаго
чрева;

Можетъ-быть, вы материнское чрево.

Но эта трава такъ темна, она не могла взрасти изъ
сѣдыхъ старушечьихъ головъ, она темнѣе, чѣмъ
сѣрыя бороды старцевъ, также она не возросла
изъ блѣдно-румяныхъ ртовъ.

Я хотѣлъ бы передать ея рѣчь о молодыхъ мужчинахъ
и о младенцахъ, едва только взятыхъ отъ чресель.

Что по-вашему случилось со стариками и молодыми? И
во что обратились теперь дѣти и женщины тамъ
подъ землей?

Они живы, и имъ хорошо, и малѣйшій ростокъ указываетъ,
что смерти на дѣлѣ нѣтъ, а если она и есть, она
ведетъ за собою жизнь, она не подстерегаетъ
жизнь, чтобы ее погубить; она гибнетъ сама, лишь
только появится жизнь.

Умереть это вовсе не то, что ты думалъ, но лучше.

8.

Младенецъ спитъ въ колыбели,

Я поднимаю кисею, долго смотрю на него и мухъ
отгоняю тихонько.

Юноша съ покраснѣвшей дѣвушкой юркнулъ въ
 кусты на холмѣ,
 Я съ вершины внимательно наблюдаю за ними.
 Самоубійца простерся въ спальнѣ на обгавленномъ полу,—
 Я изучаю, какъ волосы обрызганы кровью и куда
 упалъ пистолетъ.
 Грохоть мостовой, шарканіе подошвъ, разговоры
 прохожихъ,
 Омнибусъ тяжеловѣсный и кучеръ съ пригласительно-
 поднятымъ пальцемъ, звяканіе копытъ по граниту.
 Сани, бубенчики, шутливые крики, снѣжки,
 Ура народнымъ любимцамъ, ярость разгнѣванной черни,
 Шуршаніе шторъ на закрытыхъ носилкахъ, — большого
 несутъ въ лазаретъ,
 Схватка враговъ, внезапная ругань, удары, чье-то
 паденіе,
 Толпа взбудоражена, полицейскій спѣшить со своею
 звѣздою, въ середину толпы пролагаетъ дорогу,
 Безстрастные камни, которые получаютъ и возвращаютъ
 назадъ такое огромное множество эхо.
 Стоны пресыщенныхъ и умирающихъ съ голоду,
 упавшихъ отъ солнечнаго удара или въ истерикѣ.
 Вопли женщинъ, застигнутыхъ родами, спѣшащихъ
 скорѣе домой, чтобы родить ребенка,
 Какія слова здѣсь живутъ, и умираютъ здѣсь, и вѣчно
 витаютъ здѣсь, какіе визги, укрошенные приличіями,
 Аресты преступниковъ, предложенія продажной любви,
 принятіе ея и отверженіе (презрительнымъ
 выгибомъ губъ),
 Все это я замѣчаю, или отголоски, отраженія всего
 этого, я прихожу и опять ухожу.

10.

Въ горы далеко, въ пустыню я забрелъ одинъ и стрѣляю,
 Бѣгаю, самъ удивленный проворствомъ своимъ и
 весельемъ;

Къ вечеру выбралъ себѣ удобное мѣсто для ночлега,
 И развожу костерь, и готовлю свѣже-убитую дичь,
 А потомъ упалъ и заснулъ на собранныхъ листьяхъ,
 рядомъ со мною мой песь и винтовка.

Клипперъ-янки несется на раздутыхъ марселяхъ, мечеть
 искры и брызги,
 Я вонзился глазами въ берегъ, уперся на руль или съ
 палубы лихо кричу.
 Лодочки и собиратели раковинъ вставали чуть свѣтъ
 и поджидали меня,
 Я запихивалъ штаны въ голенища, шелъ вмѣстѣ съ
 ними, и время проходило отлично, —
 Побывали бы вы вмѣстѣ съ нами у котла, гдѣ варилась
 уха!

На дальнемъ западѣ я видѣлъ охотничью свадьбу,
 невѣста была краснокожая,
 И отецъ ея вмѣстѣ со своими товарищами сидѣлъ не-
 вдали, скрестивъ ноги, безмолвно куря, и были у
 нихъ на ногахъ мокасины, и плотныя широкія
 одѣяла были у нихъ на плечахъ.

По берегу, по песку, бродилъ женихъ-охотникъ, шкурами
 весь увѣшанный, пышнобородый, шея у него была
 закрыта кудрями, онъ за руку водилъ свою невѣсту;
 У нея же рѣсницы были длинныя и голова обнаженная,
 и жесткіе волосы прямо свисали на сладострастное
 тѣло и достигали до ногъ.

Бѣглый рабъ во дворѣ у меня затаился,
 Я услышалъ, что онъ шевелится, потому что заскри-
 пѣли дрова,

Въ полуоткрытую кухонную дверь я увидѣлъ его
 истомленного,

И вышелъ къ нему, онъ сидѣлъ на полѣнѣ, и я ввелъ
 его въ домъ и успокоилъ его,

И воды натаскалъ и наполнилъ лохань, пусть онъ
 вымоетъ вспотѣвшее тѣло, свои изъязвленные ноги,

Молодые мужчины плывутъ на спинѣ, и бѣлѣютъ ихъ
животы противъ солнца, и ни одинъ не спросить,
кто такъ крѣпко прижимается къ нимъ;
И ни одинъ не знаетъ, кто это такъ, задыхаясь,
склонился впередъ, изогнулся,
И въ кого они брызгаютъ брызгами.

13.

Я не зову черепаху негодной только за то, что она
черепаха;
Сойка въ лѣсахъ никогда не играла гаммы, но по-мнѣ
поеть хорошо,
И когда на меня глядитъ гнѣдая кобыла, мнѣ становится
стыдно своей глупости.

14.

Что зауряднѣе, дешевле, что доступнѣе и ближе всего,
это Я;
Я трачу себя всегда, ради большихъ барышей,
Я подарю себя первому, кто меня только захочетъ взять...

15.

Чистое контральто поетъ въ церковномъ хорѣ,
Сумасшедшаго везутъ, наконецъ, въ сумасшедшій домъ
(не спать ужъ ему никогда, какъ онъ спалъ въ
материнской спальнѣ);
Наборщикъ съ сѣдою головой, изсохшій, наклонился
надъ кассой, во рту онъ шевелить табакъ, а глаза
установилъ въ рукопись.
Крѣпко привязано тѣло калѣнки къ столу у хирурга, то,
что отрѣзано, шлепаетъ страшно въ ведро;
Машинистъ закачалъ рукава, полицейскій обходить
участокъ, привратникъ глядитъ, кто идетъ;
Парень ѣдетъ въ фургонъ (я влюбленъ въ него, хоть
и не знаю его).

Рогъ трубить, призываетъ въ залу, кавалеры бѣгутъ
 къ своимъ дамамъ, танцоры отпускаютъ другъ
 другу поклоны,
 Мальчикъ не спитъ у себя на чердакѣ подъ кедровою
 крышей и слушаетъ музыкальный дождь;
 Пароходикъ присталъ и — недвиженъ, матросы бросили
 на берегъ доску, чтобы пассажирамъ сойти,
 Младшая сестра для старшей держитъ клубокъ, —
 изъ-за узловъ у нея всякій разъ остановка;
 Карандашъ репортера быстро порхааетъ по записной
 его книжкѣ;
 Маляръ пишетъ вывѣску лазурью и золотомъ;
 Проститутка влачить свою шаль по землѣ, шляпка
 виситъ у нея на пьяной прыщавой шеѣ, толпа
 хохочетъ надъ ея неприличною бранью, мужчины
 глумятся, другъ другу подмигивая (жалкая! я не
 смѣюсь надъ твоей неприличною бранью и не
 глумлюсь надъ тобой);
 Штукатуры домъ штукатурять, кровельщикъ кроетъ
 крышу, каменщики кричатъ, чтобы имъ дали
 известки;
 По площади, дружно обнявшись, чинно шествуютъ три
 величавыхъ матроны;
 Осень за лѣтомъ идетъ, пахарь пашетъ, косить косарь,
 и озимь сыплется наземь;
 Патриархи сидятъ за столомъ съ сынами и сынами
 сыновъ и сыновнихъ сыновъ сынами;
 Въ палаткахъ отдыхаютъ охотники послѣ охоты,
 Городъ спитъ и деревня спитъ,
 Живые спятъ, сколько надо, и мертвые спятъ, сколько
 надо,
 Старый мужъ спитъ со своею женою, и молодой мужъ
 спитъ со своею женою,
 И всѣ они льются въ меня, и я выливаюсь въ нихъ,
 И всѣ они — я,
 Изъ нихъ изо всѣхъ и изъ каждаго я тку эту пѣснь о себѣ.

Я стучу и барабаню, прославляю мертвецов!
 О, трубите, мои трубы, веселѣе и побѣднѣе!

Слава тѣмъ, кто сдался!

Слава тѣмъ, у кого боевыя суда потонули, тому, кто и
 самъ потонуль.

И всѣмъ полководцамъ, проигравшимъ сраженіе, и
 всѣмъ побѣжденнымъ героямъ,

И несмѣтнымъ безславнымъ героямъ, какъ и просла-
 вленнымъ — слава!

19.

Это столъ, накрытый для всѣхъ, для тѣхъ, кто по-
 настоящему голодень,

Для злыхъ и для добрыхъ равно;

Я никого не оставилъ за дверью, я всѣхъ пригласилъ;

Воръ, паразитъ и содержанка — это для всѣхъ призывъ;

Рабъ съ отвислой губой приглашень и сифилитикъ
 приглашень;

Не будетъ различья межъ ними и всѣми другими.

Это — пожатіе робкой руки, это — развѣваніе и запахъ
 волосъ.

Это — прикосновеніе моихъ губъ къ твоимъ, это —
 страстный призывающій шопоть...

По-твоему, я — притворщикъ, и у меня затаенныя
 цѣли;

Онъ есть у меня, если онъ есть у апрѣльскихъ дождей
 и у слюды на откосѣ скалы.

Или ты думаешь, что я хотѣлъ бы тебя удивить?

Удивляетъ ли свѣтъ дневной или трель горихвостки въ
 лѣсу спозаранку?

Я предъ тобою теперь откровенень; этого я никому не
 сказалъ бы, — только тебѣ одному.

21.

Ближе прижмись ко мнѣ, ночь, у тебя обнаженные
 груди, крѣпче прижмись ко мнѣ, магнетически-
 пьянящая ночь!
 Ночь, у тебя южные вѣтры, ночь, у тебя рѣдкія,
 крупныя звѣзды,
 Вся ты колышешься, ночь, безумная, лѣтняя, голая
 ночь!

Улыбнись же и ты, похотливая, съ холоднымъ
 дыханьемъ, земля.
 Земля, у тебя такъ мокры сонныя вѣтви деревьевъ!
 Земля въ синеватомъ стеклянномъ сіяніи полной луны!
 Земля, твои тѣни и свѣты пестрятъ бѣгущую рѣку!
 Земля, твои сѣрыя тучи посвѣтлѣли ради меня,
 Ты далеко разметалась, земля, вся въ ароматахъ
 зацвѣтшихъ яблонь!
 Улыбнись, потому что пришелъ твой любовникъ.

22.

Море! я и тебѣ отдаюсь, я знаю, чего тебѣ хочется!
 Съ берега я вижу твои призывно-манящіе пальцы,
 Вижу, что ты безъ меня ни за что не отхлынешь назадъ,
 Идемъ же вдвоемъ, я раздѣлся, только уведи меня
 дальше, чтобы не подсмотрѣла земля,
 Мягко стели мнѣ постелю, укачай меня волнистой
 дремотой, облей любовною влагой, я вѣдь могу
 отплатить тебѣ.

Море, какъ конвульсивно и какъ широко ты дышишь!
 Море, ты бытіе, въ тебѣ соль бытія, но ты вѣчно-
 разверстая наша могила.
 Ты завываешь бурями, капризное, изящное море.
 Море! я похожъ на тебя, я тоже одно и все, во мнѣ и
 приливъ и отливъ, я пѣвецъ злобы и мира,

Я воспѣваю друзей и тѣхъ, что спятъ другъ у друга въ
объятяхъ.

Что это тамъ за толки о добрѣ и о злѣ?

Зло меня движетъ впередъ, и противленье злу меня
движетъ впередъ, я могу оставаться спокоенъ,

Поступь моя не такая, какъ у того, кто находитъ изъяны,
или отвергаетъ хоть что-нибудь въ мірѣ.

Корни всего, что растетъ, я готовъ поливать.

Или очумѣть вы боитесь отъ этихъ неустанныхъ родовъ?

Или, по-вашему, плохи законы вселенной, и ихъ
надобно сдать въ починку?

Я же думаю: здѣсь все въ равновѣсіи...

Эта минута ко мнѣ добралась послѣ миллиарда другихъ,
нѣтъ лучше ея ничего!

И это не чудо, что все среди насъ было и есть

прекрасно,

Гораздо чудеснѣе было бы чудо, если бы межъ нами
явился хоть одинъ злодѣй или невѣрный.

24.

Я Уоть Уитмэнь, я космосъ, я сынъ манхатанца ¹⁾, я
буйный, дородный, чувственный, пьющій, ядущій,
рождающій.

Я не такой, чтобы ставить себя выше другихъ мужчинъ
или женщинъ, или чтобы отъ нихъ сторониться.

Я безчинный и чинный равно.

Прочь же затворы дверей!

И самыя двери долой съ косяковъ!

Кто унижаетъ другого, тотъ унижаетъ меня! И всякое
слово, и всякое дѣянье подъ конецъ возвращается
ко мнѣ!

---

¹⁾ Манхатанецъ — житель острова Манхатана, на которомъ
расположенъ Нью-Йоркъ. Уитмэнь называлъ любимый городъ
стариннымъ индѣйскимъ именемъ.

Проходя, я говорю мой пароль: демократія, и клянусь, что я не приму ничего, что досталось бы не всякому поровну.

Черезъ меня безъ конца голоса глухіе проходятъ, —
Голоса поколѣній несмѣтныхъ, голоса рабовъ и колодниковъ,
Голоса больныхъ, и отчаявшихся, и воровъ, и уродовъ,
и нитей, связующихъ звѣзды, и женскихъ чреселъ,
и влаги мужской,
Голоса дураковъ, калѣкъ, плоскодушныхъ, презрѣнныхъ, пошлыхъ,
Во мнѣ и воздушная мгла и жучки, катящіе навозные шарики,
Сквозь меня голоса запретные, голоса вождельній и похотей (съ нихъ я снимаю покровъ),
И голоса разврата, мною просвѣтленные, преобразенные;
Супружество у меня не въ большемъ почетѣ, чѣмъ смерть.

Вѣрую въ плоть и въ ея вождельнія;
Слушаніе, зрѣніе, чувствованіе — вотъ чудеса, и чудо — каждый отбрось отъ меня;
Я божество и внутри и снаружи, все становится свято, чего ни коснусь,
Запахъ пота у меня подъ мышками ароматнѣе всякой молитвы,
И моя голова превыше всѣхъ библій, церквей и вѣрѣ.

Если и чтить одно больше другого, такъ пусть это будетъ мое тѣло!..

Ты, моя богатая кровь, пусть это будешь ты!

Грудь, которая тянется къ другимъ грудямъ, пусть это будешь ты!

Мозгъ, у котораго такъ непостижны извины, пусть это будешь ты!

Солнце такое щедрое, пусть это будешь ты!
 Мускулистая ширь полей, вѣтки живого дуба; руки, что
 я пожималъ; лица, что я цѣловалъ, всякій смертный,
 кого я только коснулся, пусть это будете вы...
 О, я сталъ бредить собою, вокругъ такъ много меня,
 и какъ это сладостно!..

31.

Я вѣрю, что былинка травы не меньше движенія звѣздъ,
 И что не хуже ихъ муравей, и песчинка, и яйцо ко-
 ролька ¹⁾,
 И что древесная жаба — шедевръ, выше котораго нѣтъ,
 И что черника достойна быть на небѣ украшеніемъ
 гостиной,
 И что тончайшая жилка у меня на рукѣ есть насмѣшка
 надъ всѣми машинами;
 И что корова, понуро жующая жвачку, превосходить
 всякую статую,
 И что мышь это — чудо, которое можетъ одно пошат-
 нуть секстильоны невѣрныхъ.

Во мнѣ и гранить, и уголь, и съ долгими волокнами
 мохъ, и плоды, и зерна, и корни, годныя въ
 пищу,
 Четвероногими весь я доверху набить, птицами весь я
 начинень,
 И хоть я неспроста отдалился отъ нихъ,
 Но стоитъ мнѣ захотѣть, и я могу позвать ихъ обратно.

Пускай они таятся или убѣгаютъ,
 Пускай огнедышщія горы въ лицо мнѣ пышатъ по-
 жаромъ;
 Пускай мастодонтъ укрывается своими истлѣвшими
 костями;

---

¹⁾ Одна изъ самыхъ малыхъ пташекъ въ мірѣ.

И когда я блуждалъ по побережью подъ блѣднѣющими
звѣздами утра.

Ваши тяготы и цѣпи спадаютъ съ меня,
Локтями я упираюсь въ морскія пучины, я обнимаю
сѣрры,

Я ладонями покрываю сушу,
Я смотрю предъ собою впередъ.

У городскихъ четырехугольныхъ домовъ, въ деревянныхъ
лачугахъ, поселившись вмѣстѣ съ дровосѣками;
Копая лукъ въ огородѣ, или пастернакъ, или морковь,
Пересѣкая саванны, гоняясь въ лѣсу за дичью; изслѣдуя
землю, роя золото,
Измѣряя веревкой стволы гдѣ-нибудь на новыхъ мѣстахъ,
по колѣно въ горячемъ пескѣ, таща свою лодку
бичевой,

Гдѣ пантера надъ головою снуетъ по сучьямъ,
Гдѣ выдра глотаетъ рыбу,
Гдѣ, нѣжась на солнцѣ, гремучая змѣя вытягиваетъ
вялое тѣло,

Гдѣ бобръ стучитъ по болоту хвостомъ, какъ весломъ,
Гдѣ пароходъ развѣваетъ вслѣдъ за собой длинное
знамя дыма,

Гдѣ плавникъ акулы торчитъ изъ воды словно черная
щепка,

Гдѣ мечется обугленный бригъ по незнакомымъ волнамъ,
и ракушки уже растутъ на тинистой палубѣ, и въ
трюмѣ гниютъ мертвецы,

Гдѣ Ніагара, свергаясь, лежитъ, какъ вуаль, у меня на
лицѣ;

На холостыхъ попойкахъ, съ вольными шутками, съ
крѣпкимъ словомъ, со смѣхомъ и пьяными плясками;

На сборѣ плодовъ, гдѣ за каждое спѣлое яблоко мнѣ
надлежитъ поцѣлуй;

Гдѣ скирды стоятъ передъ ригой, гдѣ разостлано сѣно
для сушки,

Гдѣ корова ждетъ подѣ навѣсомъ, а быкъ ужъ идетъ
 совершить свою мужскую работу, и жеребецъ къ
 кобылѣ, и за курицей вослѣдъ пѣтухъ;
 Гдѣ телки пасутся, гдѣ гуси хватаютъ короткими
 хватками пищу,
 Гдѣ отъ закатнаго солнца тянутся, тянутся тѣни по
 всей безграничной преріи,
 Гдѣ стадо буйволовъ покрываетъ собою землю на
 квадратныя мили вокругъ;
 Гдѣ пташка колибри сверкаетъ, гдѣ шея долговѣчнаго
 лебедя изгибается и извивается,
 Гдѣ улья стоятъ въ саду, какъ солдаты, на бурой
 скамейкѣ, полузаросшіе буйной травой,
 Гдѣ огурцы на грядкахъ съ серебряными жилками
 листьевъ,
 Довольный роднымъ и довольный чужимъ, довольный
 новымъ и старымъ,
 Радуюсь встрѣчѣ съ красивою женщиной и съ некрасивою
 женщиной,
 Радуюсь, что вотъ вижу квакершу, какъ она шляпку
 сняла и говоритъ мелодично;
 Проводя все утро на улицѣ у магазинныхъ витринъ,
 носомъ прижимаясь къ оконному стеклу;
 Блуждая по старымъ холмамъ Іудеи бокъ-о-бокъ съ
 прекраснымъ и нѣжнымъ Богомъ;
 Носясь по просторамъ,носясь въ небесахъ между звѣздъ,
 Носясь между хвостатыхъ кометъ,носясь съ собою ребенка,
 который во чревѣ несетъ свою мать ¹⁾;
 Бушуя, любя и радуясь, исчезая и вновь появляясь,
 день и ночь я блуждаю такими тропами.
 Я посѣщаю сады планетъ и смотрю, хорошо ли растутъ;
 я смотрю квинтильоны созрѣвшихъ и квинтильоны
 еще недозрѣлыхъ...

1) Высшее освобожденіе отъ иллюзіи времени: вслѣдъ за
 будущимъ наступаетъ прошедшее. *Прилѣтѣ. Перев.*

Я гоню изъ постели мужа, я самъ остаюсь съ ново-
 брачною и всю ночь прижимаю ее къ моимъ
 бедрамъ и къ моимъ губамъ;
 Мой голосъ есть голосъ жены, ея крикъ у периль на
 лѣстницѣ:
 Трупъ моего мужа несутъ ко мнѣ, съ него каплетъ вода,
 онъ утопленникъ.
 Я понимаю широкія сердца героевъ, какъ шкиперъ
 увидѣлъ разбитое судно, въ немъ людей, оно
 безъ руля,
 Смерть во всю бурю гналась за нимъ, какъ охотникъ, —
 И шкиперъ пустился за судномъ, не отставая на шагъ,
 днемъ и ночью вѣрный ему,
 И мѣломъ написалъ на борту: Крѣпитесь, мы васъ
 не покинемъ. Какъ онъ носился за ними, не
 покидалъ ихъ три дня и три ночи,
 Какъ онъ спасъ, наконецъ, полумертвыхъ, что за видъ
 былъ у дряблыхъ женщинъ, въ обвислыхъ платьяхъ,
 когда ихъ увозили прочь отъ разверстыхъ передъ
 ними могилъ,
 Что за видъ у молчаливыхъ младенцевъ, со стариков-
 скими лицами, и у небритыхъ, обросшихъ мужчинъ!
 Я это глотаю, мнѣ это по вкусу, мнѣ нравится это, я
 это впиталъ въ себя,
 Я человѣкъ, я страдалъ вмѣстѣ съ ними.

Надменное спокойствіе мучениковъ,
 Женщина, уличенная вѣдьма, горитъ на сухомъ кострѣ,
 а дѣти ея стоятъ и глядятъ на нее,
 Загнанный рабъ, изнемогшій отъ бѣга, въ поту, паль
 на плетень отдышаться, они — это я,
 Я этотъ загнанный негръ, это я отъ собакъ отбиваюсь
 ногами,
 Вся преисподняя слѣдомъ за мною,
 Щелкаютъ, щелкаютъ выстрѣлы, я за плетень ухва-
 тился,

Мои струпья сцарапаны, кровь каплетъ, сочится,
 Лошади тамъ заупрямились, верховые ихъ понукають,
 Уши мои, какъ двѣ раны отъ этого крику,
 И вотъ меня бьютъ съ размаху по головѣ кнутами.
 У раненыхъ я не пытаю о ранѣ, я самъ становлюсь
 тогда раненымъ.

Я не отвергаю васъ, священники, никого и нигдѣ во
 вѣки вѣковъ,

Величайшая вѣра — моя, и самая малая — тоже моя,
 Я вмѣщаю древнюю религію и новую, и ту, что между
 древней и новой,

Я вѣрю, что снова приду на землю черезъ пять тысячъ лѣтъ,
 Я ожидаю отвѣта оракуловъ, я чту боговъ, я кланяюсь
 солнцу,

Я дѣлаю себѣ фетиша изъ перваго камня или пня,
 Я помогаю ламѣ или брамину, когда тотъ поправляетъ
 передъ кумиромъ свѣтильники,

Въ фаллическомъ шествіи я пляшу на улицѣ, я одержимый
 гимнософистъ, суровый, въ дебряхъ лѣсовъ,

Я изъ черепа пью дикій медъ, какъ изъ чаши, чту
 Веды, держусь Корана, я бью въ барабанъ изъ
 змѣиной кожи,

Я принимаю Евангеліе, я принимаю того, кто былъ
 распятъ, я навѣрное знаю, что онъ былъ Богъ;

Я католикъ, всю мессу стою на колѣняхъ; я пуританинъ,
 пою псалмы и сижу неподвижно на церковной
 скамьѣ,

Я изъ тѣхъ, что вращаютъ колеса колесъ.

Вы же, упавшіе духомъ, одинокіе и мрачные скептики,
 легкомысленные, унылые, злые безбожники, я
 знаю каждого изъ васъ, я знаю море сомнѣнія,
 тоски, невѣрія, отчаянія, муки.

Какъ плещутся камбалы,

Какъ они бьются, корчатся, быстро, какъ молнія,
 спазмами и приboями крови.

Будьте спокойны, окровавленные маловѣрные камбалы,
я вашъ, я съ вами, такъ же, какъ и со всѣми
другими.

44.

Встаньте же, время приблизилось мнѣ передъ вами
открыться.

Все, что извѣдано, я отвергаю. Риньтесь, мужчины и
женщины, вмѣстѣ со мною въ Неизвѣстное.

Часы отмѣчаютъ мгновения, гдѣ же часы для вѣчности?
Мы уже давно истощили триллионы весень и зимъ, но
въ запасѣ у насъ есть еще триллионы и еще и
еще триллионы.

Тѣ, кто прежде рождались, принесли намъ столько
богатствъ,

И тѣ, кто родятся потомъ, принесутъ намъ новыя
богатства.

Всѣ вещи равны между собою: ни одна не больше и
не меньше;

То, что заняло свое мѣсто и время, таково же, какъ
и все остальное.

Люди были жестоки къ тебѣ, о, мой братъ, о, моя сестра?
Я очень жалѣю тебя, но ко мнѣ никто не былъ ни
жестокъ, ни завистливъ.

Все вокругъ было нѣжно ко мнѣ, мнѣ не на что
жаловаться,

(Поистинѣ, на что же мнѣ жаловаться?)

Я — завершение всего, что уже свершено, я начало
всего грядущаго,

Я взошелъ на верхнюю ступень,

На каждой ступени вѣка и между ступенями тоже вѣка.

Пройдя всѣ, не пропустивъ ни одной, я карабкаюсь
выше и выше.

Внизу, въ глубинѣ, я вижу большое Ничто, я знаю,
что я былъ и тамъ,

Невидимый, я долго тамъ таился и спалъ въ летарги-
ческомъ туманѣ.

Долго готовилась вселенная, чтобы создать меня,
Ласковы и преданны были тѣ руки, которыя направляли
меня.

Вихри міровъ кружась носили мою колыбель, они
гребли и гребли, какъ лихіе гребцы,
Сами звѣзды уступали мнѣ мѣсто;
И покуда я не вышелъ изъ матери, поколѣнія направляли
мой путь,

Мой зародышъ въ вѣкахъ не лѣнился, и что его могло бы
задержать!

Для него сгустились въ планету міровые туманы,
Пласты наслоялись, чтобы дать ему твердую почву,
И гиганты-растенья давали ему себя въ пищу,
И чудище-ящеръ лелѣялъ его въ своей пасти и бережно
несъ его дальше.

Всѣ міровыя силы трудились надо мною отъ вѣка,
И вотъ я стою на этомъ мѣстѣ со своею крѣпкой душой.

45.

Ночью я открываю окно и смотрю, какъ далеко
разбрызганы въ небѣ міры,
И все, что я вижу, умножьте, сколько хотите, есть
только граница новыхъ и новыхъ вселенныхъ,
Дальше и дальше уходятъ они, расширяясь, вѣчно
расширяясь.

Нѣтъ ни на мигъ остановки, и не можетъ быть остановки;
Если бы я и вы, и всѣ міры, сколько есть, и все, что
на нихъ и подъ ними, снова въ эту минуту свелись
къ блѣдной текучей туманности, это была бы
бездѣлица при нашемъ долгомъ пути.

Мы вернулись бы снова сюда, гдѣ мы стоимъ сейчасъ,
и отсюда пошли бы дальше, все дальше и дальше.

Нѣсколько квадрильоновъ вѣковъ, немного октильоновъ
кубическихъ верстъ не задержать этой минуты,
не заставятъ ее торопиться: они только часть и
все только часть.

Какъ далеко ни смотри, за твоею далью есть дали.
Считай, сколько хочешь, неисчислимы года.

Мое rendez-vous назначено, сомнѣнія нѣтъ: Богъ не-
премѣнно придетъ и меня подождетъ, мы съ нимъ
такіе друзья!
Великій товарищъ, вѣрный Возлюбленный, о комъ я
томлюсь и мечтаю, онъ будетъ тамъ непремѣнно.

48.

Я сказалъ, что душа не больше, чѣмъ тѣло, и я сказалъ,
что тѣло не больше, чѣмъ душа,
И никто, даже Богъ, не выше, чѣмъ каждый изъ насъ
для себя,
И тотъ, кто прошелъ безъ любви ко всему хоть минуту, на
погребеніе къ себѣ прошелъ, завернутый въ саванъ,
И я или ты, безъ полушки въ карманѣ, можемъ купить
всю землю,
И глазомъ увидѣть; стручокъ гороху превосходить всю
мудрость вѣковъ,
И въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой работѣ юношамъ
открыты пути для геройства,
И о пылинку ничтожную могутъ запнуться колеса
вселенной,
И всякому я говорю: будь безмятеженъ и твердъ передъ
милліономъ вселенныхъ.
И я говорю всѣмъ людямъ: не пытайте о Богѣ!
Даже мнѣ, кому все любопытно, не любопытенъ Богъ.
(Не сказать никакими словами, какъ мнѣ мало дѣла
до Бога!)
Въ каждой вещи я вижу Бога, но совсѣмъ не понимаю
Бога,
Не могу я также понять, кто чудеснѣе меня самого.
На лицахъ мужчинъ и женщинъ я вижу Бога, и въ
зеркалѣ на моемъ лицѣ,
Я нахожу письма отъ Бога на улицѣ, и въ каждомъ
есть Его подпись,

Но пусть они останутся, гдѣ они были, ибо я знаю,
 что, куда ни пойду,
 Мнѣ попадутся такія же во вѣки вѣковъ.

ДѢТИ АДАМА.

Запружены рѣки мои.

Запружены рѣки мои, и это причиняетъ мнѣ боль,
 Нѣчто есть у меня, безъ чего я былъ бы ничто, это
 хочу я прославить, хотя бы я стоялъ межъ людей
 одиноко.

Голосомъ зычнымъ моимъ я воспѣваю фаллосъ,
 Я пою пѣснь зачатій,
 Намъ нужны наилучшія дѣти и въ нихъ наилучшіе люди,
 Я пою возбужденіе мышць и сліяніе тѣлъ,
 Я пою пѣснь для тѣхъ, кто спитъ на одной кровати,
 (о, неодолимая похоть,
 О, взаимное притяженіе тѣлъ — у каждого тѣла свое
 влекущее, манящее тѣло, вселяющее высшій
 восторгъ),

Ради того, что ночью и днемъ, голодное, гложетъ меня,
 Ради мгновений, когда я зарождаю ребенка, ради этихъ
 застѣнчивыхъ болей (я воспѣваю и ихъ,
 Въ нихъ я надѣюсь найти то, чего не нашель я нигдѣ,
 хотя ревностно искалъ много лѣтъ),

Я пою чистую пѣснь души, вспыхивающей яркими
 вспышками,

Я возрождаюсь, съ животными вмѣстѣ, съ грубѣйшей
 природой,

Этимъ я пѣсни свои насыщаю, а также тѣмъ, что
 сопутствуетъ этому,

Запахомъ лимоновъ и яблоковъ, весенней влюбленностью
 птицъ,

Лѣсною рососою, набѣганіемъ волнъ,
 Дикимъ набѣганіемъ волнъ на сушу (я воспѣваю и ихъ),
 Желанною близостью, видомъ прекраснаго тѣла, —

Пловецъ обнаженный, плывущій въ водѣ, или на спинѣ
на волнѣ неподвижно лежащій,
Близится женское тѣло, я потупляюсь, а любовная
плоть у меня и дрожить и болить,
Загадочный бредъ, безумство страсти, о, отдаться тебѣ
до конца

(Ближе прижмись и слушай, что я тебѣ прошепчу:
Я люблю тебя, я принадлежу тебѣ весь,
О, только бы намъ ускользнуть ото всѣхъ, убѣжать
беззаконными и вольными,
Два ястреба въ небѣ, двѣ рыбы въ волнахъ не такъ
беззаконны, какъ мы!).

О, дикая буря, черезъ меня проходящая, и я, отъ страсти
дрожащій,
О, клятва о томъ, что мы слиты навѣки — я и женщина,
которая любитъ меня и которую я люблю больше,
чѣмъ жизнь мою,

(О, я охотно сейчасъ отдалъ бы все за тебя,
И если нужно, да сгину,
Только бы ты и я! И что намъ до того, что дѣлають
и думаютъ другіе!

Что намъ до всего остального! Только бы намъ насла-
диться другъ-другомъ, и исчерпать другъ-друга
совсѣмъ до конца, если иначе нельзя!)

Ради того капитана, которому я уступаю все судно,
Ради того генерала, который командуетъ мною, коман-
дуетъ всѣми,

Ради нашего пола, основы всего,
Ради того, что въ тиши я такъ часто томился въ
сторонѣ ото всѣхъ, когда множество близкихъ
вокругъ, а та, кого хочешь, не близко,

Ради долгаго задержаннаго поцѣлуя въ грудь или въ губы,
Ради тѣсныхъ объятій, которыя дѣлають пьянымъ меня
и всякаго другого мужчину,

Ради того, что знаетъ хорошій супругъ, ради этой
работы отцовства,

Ради безумства, побѣды и отдыха (податливое одѣяло
отброшено прочь!),
Ради того, что она такъ не хочетъ, чтобы я отъ нея
оторвался, и я не хочу оторваться,
(Но, нѣжная, помедли мгновеніе, и я снова возвращусь
къ тебѣ!),
Ради этого часа, когда звѣзды сіяютъ и падаютъ росы,
Я славлю тебя, о, священное дѣло, и васъ, о, дѣти,
уготованныя къ нему,
И васъ, о, могучія чресла.

* * *

Если тебя окружаетъ живая прекрасная плоть, которая
дышитъ, смѣется, — чего тебѣ болѣе!
Проходитъ среди людей, и касаться ихъ тѣла, и руками
обнимать то мужскую, то женскую шею, — чего
мнѣ еще!
Большаго счастія я не прошу, я плаваю въ немъ, какъ
въ морѣ.

* * *

Это — женское тѣло!
Съ головы до ногъ отъ него исходитъ божественный
свѣтъ,
Оно влечетъ къ себѣ ярымъ и неодолимымъ притяже-
ніемъ,
Подъ его дыханіемъ я какъ беспомощный парь; все съ
меня упадетъ тогда, остаемся только я да оно;
Книги, искусства, религія, время, и то, чего я ждалъ
отъ небесъ, и то, что меня ужасало въ аду, все
исчезаетъ тогда;
Какія-то нити безумныя, какія-то дикія вѣтви властно
изъ него пробиваются,
Приливъ и отливъ любви, сладкія муки вздымаемой,
крѣпнущей плоти.
Бьющая влага любви, горячія брызги, обильныя, —
бѣлый, густой, изступляющій сокъ,

Новобрачная ночь любви, вѣрно и нѣжно входящая въ
распростертый разсвѣтъ.

Женщина — это зерно: ребенокъ рождается женщиной,
мужчина рождается женщиной,
Это баня, купель родовъ, изъ которой исходятъ всѣ
вещи, большія и малыя, это вѣчный, неустанный
исходъ.

Женщины! Что вамъ стыдиться! Вы ворота тѣла, вы же
ворота души.

Тѣло мужчины свято, и женское тѣло свято.

* * *

Мужское тѣло въ продажѣ!

(Я часто ходилъ до войны побродить на невольничьемъ
рынкѣ!)

Глупый купецъ! Не умѣетъ совсѣмъ торговать, я охотно
ему помогу!

Джентльмены! Предъ вами чудо!

Какой бы цѣной ни цѣнили его, какую бы цѣну за
него ни просили, цѣны этой мало.

Чтобы создать это чудо, наша земля готовилась мил-
ліарды вѣковъ,

Для него безъ остановки, безъ запинки кружились,
вертѣлись міры.

Взгляните на эту голову. Въ ней всеокрушающій мозгъ.
Посмотрите на эти руки, какъ мудры въ нихъ жилы и
нервы, а эти зажженные жизнью глаза!

А какія чудеса внутри!

Тамъ кровь пробѣгаетъ, эта древняя кровь, эта вѣчная,
красная кровь!

Тамъ набухаетъ и мечется сердце, тамъ всѣ желанія,
стремленія, страсти;

Онъ не одинъ, онъ отецъ тѣхъ, кто станутъ отцами и сами,
Многолюдныя царства таятся въ немъ, гордыя, богатыя
республики.

И знаете ли вы, кто придетъ отъ потомковъ потомковъ его!

* * *

Нѣтъ на свѣтѣ святыни, если тѣло человѣка не свято.
Мужское и женское — чистое, крѣпкое тѣло красивѣе,
чѣмъ самое красивое лицо.

Женщина ждетъ меня.

Женщина ждетъ не дождется меня,
У нея нѣтъ недостатка ни въ чемъ, она вмѣщаетъ въ
себѣ все безъ изъяна,
Но не было бы у нея ничего, если бы у нея не было
пола,
Если бы у истиннаго мужа не было влаги для нея.
Поль вмѣщаетъ все: и тѣло, и душу.
Все въ нашемъ полѣ, — надежды и страсти, красоты и
улады земли.
Власти, боги и судьи, доброта, здоровье, гордость,
Все это поль и отъ пола; здѣсь его оправданіе.
Тотъ мужчина, который мнѣ любь, безъ стыда исповѣ-
дуетъ, что его поль ему сладокъ,
И женщина, которая мнѣ по душѣ, безъ стыда испо-
вѣдуетъ, что сладокъ ея поль для нея.
Я уйду отъ безстрастныхъ женщинъ,
Я пойду и побуду съ той, которая ждетъ не дождется
меня, съ тѣми, у которыхъ горячая кровь, которыя
меня утолятъ,
Я вижу, что онѣ достойны меня, и я буду имъ крѣпкой
супругъ.
Онѣ мнѣ подь стать:
Отъ пламенныхъ солнць и отъ буйныхъ вѣтровъ у нихъ
загорѣлыя лица,
Божественна древняя гибкость ихъ тѣлъ,
Онѣ умѣютъ скакать на конѣ, плавать, грести, бороться,
бѣгать, стрѣлять, отступать, нападать, защищаться.
Онѣ горды своимъ бытіемъ, онѣ ясны, гармоничны и
спокойны,

Я прижимаю васъ къ себѣ, женщины, я не въ правѣ
 отпустить васъ, я хочу вамъ добра,
 Вы — для меня, я — для васъ, но мы служимъ кому-то
 Иному:
 Въ вашихъ нѣдрахъ таятся герои и барды, которые
 могучѣе меня,
 Они дремлютъ въ вашихъ тѣлахъ и не желаютъ про-
 снуться отъ прикосновенія другого мужчины,
 Только я могу ихъ разбудить.
 Это я, это я, о, женщины,
 Грубый, нещадный, большой, непреклонный,
 Но васъ я люблю, я больно не сдѣлаю вамъ больше,
 чѣмъ вамъ это надо.
 Я вливаю въ васъ свое вещество: тысячи будущихъ
 лѣтъ я воплощаю чрезъ васъ.
 Я не смѣю оторваться отъ васъ, покуда я не дамъ
 вамъ на храненіе того, что скопилось во мнѣ,
 Я долго былъ запруженной рѣкою, теперь мою запруду
 прорвало, и вотъ я вливаюсь въ васъ,
 Капли, которыя въ васъ я вливаю, да станутъ могучими,
 ярыми дѣвушками, новыми пѣвцами, музыкантами,
 Любимыми Америкой и мною;
 За эту затрату любви я потребую, чтобы вы родили
 наилучшихъ мужчинъ и женщинъ,
 Я захочу, чтобы они такъ же сплетались-сливались,
 какъ сливаемся мы сейчасъ, —
 Да вырастутъ сѣвомъ богатымъ у нихъ и рожденіе, и
 смерть, и безсмертье, и жизнь,
 Которыя нынѣ я сѣю любовью моей.

Чась изступленія и радости.

Чась изступленія и радости! О, безумная! Дай же мнѣ
 волю!
 (Что это въ вихряхъ, въ буряхъ такъ освобождаетъ меня?
 О чемъ, отчего я кричу среди молній и лютыхъ вѣтровъ?)

О, испить эти тайные бреды глубже всякаго другого
мужчины!

О, дикія и нѣжныя боли! (я завѣщаю ихъ вамъ, мои дѣти,
Я возвѣщаю ихъ вамъ, о, новобрачные мужъ и жена!)

О, отдаться тебѣ, кто бы ни была ты, а ты, чтобы
мнѣ отдалась,

Наперекоръ всей вселенной.

О, вернуться обратно въ рай! О, женственная и за-
стѣнчивая!

О, притянуть тебя близко къ себѣ и впервые за все
это время прижать къ тебѣ настойчивыя губы
мужчины.

О, загадка, о, трижды завязанный узелъ, о, темный,
глубокій омутъ, — сразу распуталось все и озари-
лось огнемъ!

О, наконецъ-то умчаться туда, гдѣ достаточно простора
и воздуха!

О, вырваться на волю отъ прежнихъ цѣпей и условно-
стей — ты отъ твоихъ и я отъ моихъ!

Снять, наконецъ-то, замокъ, замыкавшій уста,
Почувствовать, что, наконецъ-то, сегодня я совершенно
доволенъ, и больше мнѣ не надо ничего,

Сорваться со всѣхъ якорей и зацѣпокъ! Кинуться куда-
то стремглавъ!

То насмѣшкой, то ласкою звать, призывать къ себѣ
гибель,

Если нужно, пропасть, затеряться,
Напитать всю остальную жизнь этимъ часомъ полноты
и свободы,

Короткимъ часомъ безумства и радости.

* * *

Мы снова природа, долго насъ не было дома, теперь
мы вернулись домой,

Мы два дуба, мы рядомъ возрастаемъ въ расщелинѣ
 скаль,
 Мы на пастбищѣ, въ дикомъ стадѣ, вольные, щиплёмъ
 траву,
 Клыкастые, четвероногіе, въ чащѣ лѣсной мы бросаемся
 однимъ прыжкомъ на добычу,
 Мы два моря, смѣшавшія, слившія воду въ одно,
 Мы веселыя волны — налетаемъ одна на другую, и
 обливаемъ другъ дружку,
 Мы снѣгъ, ливень, морозъ и тьма, — мы все, что только
 создано землею,
 Мы кружились и кружились въ просторахъ, и вотъ,
 наконецъ, мы дома,
 Мы исчерпали все, намъ осталась лишь воля да радость.

А И Р Ъ ¹⁾.

О жуткомъ сомнѣніи во всѣхъ обличіяхъ.

Жуткое сомнѣніе во всѣхъ обличіяхъ,
 Тревога: а что если насъ надувають?
 Что если наша довѣрчивость и наши надежды напрасны,
 И загробная жизнь есть лишь красивая сказка,
 И можетъ-быть, то, что я вижу: животныя, травы, холмы
 и люди, бѣгушія, блистающія воды,
 Ночное, дневное небо, краски и формы, можетъ-быть,
 это (и даже навѣрное!)
 Только одни привидѣнія, а настоящая истина еще не
 открылась для насъ;
 Какъ часто всѣ вещи встають предо мной безъ по-
 крова, будто затѣмъ и встають, чтобы надо мною
 посмѣяться, чтобы меня подразнить,
 Какъ часто мнѣ кажется, что ни я, ни другіе не знаютъ
 о нихъ подлинной правды;

¹⁾ Тростниковое болотное растеніе съ прянымъ и горькимъ
 корнемъ, *Scorus Calamus*.

Но эти сомнѣнія исчезаютъ (такъ странно) предъ лицомъ
 моихъ милыхъ, моихъ друзей.
 Если тотъ, кого я люблю, пойдетъ побродить со мною,
 или сядетъ рядомъ со мною, держа мою руку въ
 своей,
 Что-то неуловимо-неясное, какое-то знаніе безъ словъ
 и мыслей, охватить насъ и проникнетъ въ насъ,
 Незыяснимой, незыясняемой мудростью тогда я испол-
 нень, тихо сижу и молчу, ни о чемъ уже больше
 не спрашиваю:
 Я все же не въ силахъ отвѣтить на свои вопросы о
 смерти и о будущей жизни за гробомъ,
 Но что мнѣ за дѣло тогда, сижу или хожу, я спокоенъ, —
 Кто за руку держитъ меня, тотъ мои тревоги утолилъ.

Лѣтописцы грядущихъ вѣковъ.

Лѣтописцы грядущихъ вѣковъ,
 Ступайте сюда, я хочу вамъ сказать, что написать обо мнѣ:
 Обнародуйте мое имя, и мой портретъ повѣсьте по-
 выше, ибо имя мое — это имя того, кто умѣлъ
 такъ нѣжно любить,
 И мой портретъ — портретъ друга, любимаго другомъ.
 Того, кто не пѣснями своими гордился, а безграничнымъ
 въ душѣ океаномъ любви, кто изъ себя изливалъ
 его щедро на всѣхъ,
 Кто часто блуждалъ на путяхъ одинокихъ, о друзьяхъ,
 о желанныхъ мечтая,
 Кто часто въ разлукѣ съ другомъ скорбный лежалъ по
 ночамъ безъ сна,
 Кто хорошо испыталъ, какъ это страшно, какъ страшно,
 что тотъ, кого любишь, можетъ-быть, втайнѣ къ
 тебѣ равнодушенъ,
 Чье счастье бывало по холмамъ, по полямъ, чрезъ
 лѣса пробираться, обнявшись, вдвоемъ, въ сторонѣ
 отъ другихъ;

Кто часто, блуждая по улицамъ съ другомъ, клалъ себѣ
на плечо его руку и свою — къ нему на плечо.

Когда я услыхалъ къ концу дня.

Когда я услыхалъ къ концу дня, какъ имя мое въ
Капитоліи встрѣтили рукоплесканіями, та ночь, что
пришла вослѣдъ, все же не была самой счастливой,
И когда мнѣ случалось пировать, или желанія мои
исполнялись, не былъ я счастливъ,
Но день, когда я всталъ на разсвѣтѣ съ постели, освѣ-
женный, очень здоровый, и вдохнулъ созрѣвшую
осень,
И, глянувъ на западъ, увидѣлъ луну, какъ она блѣднѣла,
исчезая при утреннемъ свѣтѣ,
И на берегъ вышелъ, одинъ и, раздѣвшись, пошелъ
купаться, смѣясь отъ холодной воды, и увидѣлъ,
что солнце восходитъ,
И вспомнилъ, что мой милый, мой другъ, мой любимый
теперь по пути ко мнѣ, — о, счастливъ я былъ
тогда,
И воздухъ сталъ слаще, и пища вкуснѣе, и день хорошо
пошелъ,
И съ такимъ же весельемъ пришелъ другой, а на третій
подъ вечеръ пришелъ мой любимый,
И ночь наступила, и все было тихо, и я слушалъ, какъ
волны катились къ землѣ неустанно,
Я слушалъ, какъ вода шуршала пескомъ, какъ-будто
шептала, меня поздравляя,
Потому что кого я любилъ, тотъ лежалъ со мною ря-
домъ, спалъ подъ однимъ одеяломъ со мною въ
эту прохладную ночь,
И въ тихихъ лунныхъ осеннихъ лучахъ его ликъ былъ
обращень ко мнѣ,
И рука его тихо, легко лежала у меня на груди, обни-
мая, — счастливъ я былъ въ эту ночь.

Незнакомому.

Незнакомый прохожий! Ты не знаешь, какъ жадно,
какъ страстно я смотрю на тебя!
Ты тотъ, кого я повсюду искалъ (это меня осѣняетъ
какъ сонъ),
Съ тобою, съ тобою когда-то мы жили веселою жизнью, —
Все припомнилось мнѣ въ эту минуту, когда мы сколь-
зимъ мимоходомъ, возмужалые, цѣломудренные,
любящіе, —
Вмѣстѣ съ тобою я росъ, мальчишками мы вмѣстѣ
играли,
Съ тобою я ѣлъ, съ тобою спалъ, и вотъ твое тѣло —
не только твое, и мое — не только мое,
Проходя мимо, ты даришь мнѣ усладу своихъ глазъ,
своего лица, своего тѣла, и за то ты берешь мою
бороду, руки и грудь въ обмѣнъ,
Мнѣ съ тобою не обмѣняться ни словомъ, мнѣ только
думать о тебѣ на моемъ одинокомъ пути или
ночью, когда проснусь,
Мнѣ только ждать, — я увѣренъ, что встрѣчу тебя снова,
Мнѣ только стараться, какъ бы не лишиться тебя.

Мы двое мальчишекъ.

Мы двое мальчишекъ, мы вѣчно вдвоемъ!
За руки взявшись, мы всюду снуемъ!
Направо, налево, на югъ и на сѣверы!
Локтями пробьемся, захватимъ руками, въ восторгъ отъ
силы своей!
Вездѣ намъ и столъ, и квартира, и всюду мы пьяны,
во всѣхъ влюблены,
Законовъ не знаемъ, мы сами законы, воруемъ, деремъ,
пускаемся въ море, —
Дрожите, скупцы, и рабы, и попы!
Мы воздухомъ дышимъ, мы пляшемъ у моря,

Города осаждая, презирая покой, попирая уставы,
издѣваясь надъ слабымъ,
Мы всюду, что нужно, беремъ!

Если кого я люблю.

Если кого я люблю, я бѣшусь порою отъ тревоги, что
люблю напрасной любовью,
Но теперь мнѣ сдается, что нѣтъ напрасной любви, что
отплата здѣсь вѣрная, та или иная,
(Я любилъ одного человѣка, который меня не любилъ,
Но вотъ оттого — я создалъ эту пѣсню).

Ты, за кѣмъ, безсловесный.

Ты, за кѣмъ, безсловесный, такъ часто ходилъ я по-
всюду, чтобы только побыть близъ тебя,
Когда я шель съ тобою рядомъ, или сидѣлъ невдали,
или въ комнатѣ вмѣстѣ съ тобою оставался,
Ты и не думалъ тогда, какой тонкій электрической
огонь играетъ во мнѣ изъ-за тебя.

Разныя стихотворенія.

Е в р о п а.

Изъ душнаго рабьяго логова
Она молніей прынула и сама на себя удивляется,
Ногами она топчетъ золу и лохмотья,
А руками сжимаетъ глотки королей.

О, надежда и вѣра!
О, страданія патріотовъ - изгнанниковъ, испускающихъ
духъ на чужбинѣ!
О, сколько болѣвшихъ печалью сердецъ!

Вернитесь сегодня на родину, да будетъ вамъ новая
жизнь!

А вы, получавшіе золото за то, что чернили Народъ,
Узнайте, лжецы и стяжатели, что за всѣ ваши пытки,
за судороги,

За то, что вы, какъ черви, сосали простодушно-довѣр-
чивыхъ нищихъ,

За то, что лгали, обѣщая, королевскія уста

И, обѣты нарушая, хохотали, —

Народъ отмщаетъ прощениемъ, ему не нужны ваши
голова,

Ему омерзительна свирѣлая лютость царей!

Но нѣжная милость взрастила жестокою гибель, и
запуганные короли пришли назадъ,

Идутъ величаво и гордо, и каждого окружаетъ свита:
попъ, вымогатель, палачъ,

Тюремщикъ, законникъ, баринъ, солдатъ и шпіонъ.

А сзади всѣхъ — смотри! — какой-то призракъ ползеть
и крадется, мгlistый, какъ ночь,

Весь въ багряницу закутанъ, лобъ, голова и тѣло
обмотаны кроваво-красными складками,

Не видно ни глазъ, ни лица,

Но изъ-подъ этихъ алыхъ одеждъ, приподнятыхъ невидимой рукою,

Одинъ-единственный скрюченный палецъ, указующій
ввысь, въ небеса,

Появляется, какъ головка змѣи.

А въ свѣжихъ могилахъ лежатъ окровавленные молодые
трупы,

И натянуты веревки у висѣлицъ, и носятся пули владыкъ,

И деспоты громко смѣются, —

Но все это дастъ плоды, и плоды эти будутъ хорошіе.

Прочь отъ невѣсты, женихъ, не время теперь женихаться!
Пахаря съ пашни прочь! Не время пахать и косить!
Бѣшено гремятъ барабаны! Яростно трубы трубятъ!

Громче, барабаны и трубы!

Гряньте надъ грохотомъ города, надъ громаханьемъ
колесъ!

Что? для спящихъ готовы постели? кто же заснетъ въ
эту ночь?

Не торговать, торгоши! барышники, сегодня не барыш-
ничать!

Смѣютъ ли говоруны говорить? пѣвецъ, прекрати твою
пѣсню!

Что? адвокатъ попрежнему мямлитъ свою рѣчь на
судѣ?

Громче же, барабанная дробь! кричи, надрывайся, труба!
Заглушите младенческой крикъ и материнскіе вопли!

Что за дѣло до молящихъ и плачущихъ! до стариковъ
перепуганныхъ!

Пусть даже мертвецы задрожать, непогребенные,
ждушіе гроба!

Вопите, кричите, трубы! греми, роковой барабанъ!

Годы современные.

Стерты рубежи между царствами, проведенные въ
Европѣ царями,

Нынѣ возведетъ самъ народъ свои рубежи на землѣ; —
Никогда еще не былъ простой человекъ болѣе подо-
бенъ Богу,

Онъ вездѣсущъ на землѣ и на водѣ,

Онъ спаялъ, онъ связалъ воедино всѣ страны, всю
географію міра пароходомъ, телеграфомъ, газетой,
фабриками, всюду разбросанными:

Что это за шопоть, о, страны, бѣжить между вами,
проносится въ пучинѣ морской?

Всѣ народы бесѣду ведутъ? Не создается ли у шара
земного единое сердце?

Человѣчество стало единое тѣло, сплотилось въ единый
народъ, тираны дрожатъ, ихъ короны, какъ при-
зраки, таютъ.

Кто предскажетъ, что завтра случится, дни и ночи
исполнены знаменьями,

О, вѣщіе, пророческіе годы!

Дѣянья, еще не содѣянные, вещи, еще не созданные,
нагрянули на меня, я ихъ чувствую въ экстаиче-
скомъ лихорадочномъ снѣ,

Они нахлынули на меня, они давятъ меня, они насквозь
проницаютъ меня,

И вотъ у меня передъ взоромъ ни Америки нѣтъ, ни
Европы,

Все прошлое, завершенное, отступаетъ куда-то во
мракъ,

Надвигается огромное будущее, идетъ и идетъ на меня.

Я вижу, горизонтъ разступается,

Я вижу свободу въ полномъ вооруженіи, надменную,
какъ триумфаторъ,

А съ нею плечо къ плечу шествуютъ Миръ и Законъ.

Ты мальчишка изъ прерій.

Ты, загорѣлый мальчишка изъ прерій,

И до тебя приходило въ нашъ лагерь много желаннаго,
жданнаго,

Хвалы и дары приходили, и сытная пища, пока наконецъ
съ новобранцами

Не прибылъ и ты, безсловесный; въ рукахъ у тебя
ничего, но мы глянули одинъ на другого,

И больше, чѣмъ всѣми дарами вселенной, ты одарилъ
меня.

Когда я читаю книгу.

Когда я читаю книгу, гдѣ описана знаменитая жизнь,
Я говорю: развѣ въ этомъ была вся жизнь человѣческая?
Такъ, если я умру, и мою вы опишите жизнь?
Будто кто-нибудь знаетъ, въ чемъ моя жизнь была?
Нѣтъ, я и самъ ничего не знаю о моей настоящей
жизни:
Нѣсколько темныхъ слѣдовъ, разбросанные знаки,
намечи,
Которые я самъ для себя пытаюсь здѣсь начертать.

Одной пѣвицѣ.

Прими этотъ даръ,
Я его берегъ для героя, для вождя, для трибуна,
Для того, кто послужить великому дѣлу,
Старому дѣлу свободы и преуспѣянiя народовъ;
Кто съ вызовомъ глянетъ въ глаза деспотамъ;
Кто подыметъ мятежъ.
Но я вижу теперь, что мой долго-хранимый подарокъ,
Какъ имъ, принадлежитъ и тебѣ.

Я знаю, что лучшее время — мое.

Я знаю, что лучшее время — мое, и лучшее мѣсто — мое.
Я всегда налегкѣ въ дорогѣ, придите всѣ и послушайте, —
Мои знаменья: дождевой плащъ и добрая обувь, и
палка, срѣзанная въ лѣсу.

Изъ Пѣсни о Выставкѣ.

1.

Муза, бѣги изъ Эллады, покинь Юнiю,
Сказки о Троѣ, объ Ахилловомъ гнѣвѣ забудь,

О скитаніяхъ Одиссея, Энея.
 Къ Парнасу табличку припей:
 „За отъѣздомъ сдается внаемъ“.
 И такое же повѣсь объявленіе
 На всѣхъ Итальянскихъ музеяхъ, на замкахъ Испанскихъ,
 Германскихъ,
 И на Яффскихъ вратахъ, на Сіонской стѣнѣ и на горѣ
 Моріа,
 Ибо новое царство, — пошире, вольнѣе! — ждетъ, какъ
 царицу, тебя!

2.

Наши призывы услышаны!
 Смотрите: она идетъ!
 Я слышу шелестъ ея одежды, я вдыхаю ароматъ ея
 дыханія.
 О, царица царицы! О, смѣю ли вѣрить,
 Что изваянія боговъ и древніе храмы не властны тебя
 удержать,
 И Виргилій, и Данте, и мириады преданій, поэмъ, —
 Неужели ты кинула все — и прибѣжала сюда?

3.

Да, ей уже не о чемъ пѣть — тамъ, надъ изсякшимъ
 Кастальскимъ ключомъ,
 Ибо нѣмъ египетскій Сфинксъ: у него перебита губа,
 Калліопа навѣки замолкла, и Мельпомена, и Талія
 мертвы,
 Иерусалимъ — горсть золы, развѣянной всѣми вѣтрами,
 Крестоносцы, полночные призраки, растаяли вмѣстѣ съ
 разсвѣтомъ.
 Гдѣ людоѣдъ Пальмеринъ? Гдѣ башни и замки, отра-
 женные водами Уска?
 Гдѣ Рыцари Круглаго Стола, гдѣ Артуръ, Мерлинъ,
 Ланселотъ?

5.

Но, кажется, я позабылъ приличье!

Позвольте же представить незнакомку! (Я вѣдь только
для того и живу, только для того и пою).

Колумбія! ¹⁾ Во имя свободы, привѣтствуй безсмертную
дѣву.

Подайте другъ другу руки, — и будьте отнынѣ какъ
сестры.

Ты же, о, Муза, не бойся! новые дни осѣнили тебя,
Вкругъ тебя какіе-то новые, какіе-то странные люди,
небывалая порода людей,

Но сердца все тѣ же, и страсти тѣ же,

Люди внутри и снаружи все тѣ же,

Не лучше, не хуже, — все тѣ же лица людей!

И та же любовь, и красота, и обычаи тѣ же.

6.

Прочь эти надоѣвшія басни,

Прочь эти вымыслы, эти романсы, драмы дворовъ
чужестранныхъ,

Эти любовныя стансы, облитыя патокой риѣмы, эти
интриги и страсти бездѣльниковъ,

Годныя лишь для баловъ, гдѣ танцоры кружатся всю
ночь, —

Пустая забава, нездоровый досугъ ничтожнѣйшей кучки
людей,

Съ духами, виномъ и въ теплѣ, при освѣщеніи свѣчекъ.

7.

Муза! я тебѣ принесу наше здѣсь и наше сегодня!

Парь, керосинъ и газъ, великіе желѣзные пути!

Трофеи нынѣшнихъ дней: нѣжный кабель Атлантика,

¹⁾ Такъ Уитмэнъ называлъ Америку.

И Суэцкій каналъ, и Готардскій туннель, и Бруклинскій
 мость! ¹⁾
 Всю землю тебѣ принесу, какъ клубокъ обмотанную
 рельсами,
 Нашъ вертящійся шаръ принесу ²⁾.

1) Мость длиною въ $1\frac{1}{2}$ версты, соединяющій Нью-Йоркъ съ городомъ Бруклиномъ.

2) Замѣчательно, что въ томъ же 1855 году, когда вышла книжка Уитмэна, подобныя идеи развивалъ во Франціи поэтъ Максимъ Дюканъ (Maxime Du Camp) въ своихъ „Современныхъ Пѣснопѣніяхъ“. Въ старомъ Некрасовскомъ „Современникѣ“ (1855 г. т. III) мы нашли о немъ такія строки: „Поэтъ увѣряетъ насъ, что Діана давно перестала ожидать въ роцѣ Эндиміона, что Аполлонъ умеръ уже отъ дряхлости, на своемъ Парнасѣ, что Пегасъ устарѣлъ... Что же воспѣваетъ онъ самъ? Желѣзныя дороги, локомотивы, паръ, газъ, электричество, хлороформъ и т. д. Все это прекрасно, даже, можетъ-быть, очень умно и остроумно, и стихотворенія Дюкана, по крайней мѣрѣ — предметы его пѣснопѣній, дѣйствительно, современны, но мы сомнѣваемся, чтобы во всемъ этомъ было много поэзіи“. Интересующіеся Дюканомъ могутъ прочесть о немъ въ превосходной книжкѣ Я. Тугендхольда „Городъ во французской поэзіи“. Тамъ между прочимъ приводится такой отрывокъ изъ знаменитаго манифеста Дюкана: „Открываютъ паръ, а мы воспѣваемъ Венеру! Открываютъ электричество, а мы воспѣваемъ Вакха! Это абсурды! Сколько разъ описывали жерло вулкана, отчего намъ не воспѣть горнь завода въ Creuzot!“

Русское о Уитмэнѣ.

Эти строки предназначены для тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ американскимъ поэтомъ исключительно по русскимъ источникамъ. Источники попадаются цѣнные, а если я черезчуръ педантично отмѣчаю ихъ мельчайшія погрѣшности, то это потому, что мнѣ хочется дать въ руки читателю прочный и надежный матеріаль.

Первыя статьи и замѣтки о Уитмэнѣ.

Въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ В. Корша въ 1882 году (юль, томъ III) была переведена лекція американскаго журналиста Джона Свинтона о литературѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ этой лекціи Уитмэну посвящены слѣдующія строки:

„Уолтъ Гуитманъ — космическій бардъ Листьевъ Травы. О немъ существуетъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія: одни утверждаютъ, что онъ безумный шарлатанъ, другіе — что онъ оригинальнѣйшій геній. Онъ принадлежитъ къ старому типу американскихъ рабочихъ. Для него жизнь безконечное торжество, и самъ онъ представляется гигантскимъ упоеннымъ Бахусомъ. Для него всѣ виды живописны, всѣ звуки мелодичны, всѣ люди друзья. Въ Англіи въ числѣ поклонниковъ Гуитмана есть величайшіе современные умы. Въ Германіи онъ извѣстенъ ученымъ литераторамъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ американскихъ поэтовъ“.

Кажется, эти строки — первое, что появилось о Уитмэнѣ въ Россіи. John Swinton былъ старинный пріятель поэта и благоговѣлъ предъ его дарованіемъ.

* * *

Годъ спустя въ томъ же „Заграничномъ Вѣстникѣ“ (1883 г., мартъ, VI) появилась о Уитмэнѣ болѣе подробная статья. Называется „Уолтъ Гуитманъ“, принадлежитъ Н. Попову. Написанная весьма старательно, эта статья испещрена варварски-переведенными цитатами:

Многіе потѣютъ, пашутъ и жнутъ, и потомъ мякину получаютъ въ награду,

И не много бездѣльниковъ постоянно заявляютъ претензію на пшеницу и получаютъ ее, —

таковъ образчикъ этихъ переводовъ. Попадаются и неточности: Уитмэнъ, напр., говоритъ, обращаясь къ умершему Линкольну:

Нѣтъ, это сонъ, что ты умеръ! —

а у г. Попова онъ какъ-будто сообщаетъ покойнику:

Мнѣ снилось, что тебя убили!

Плотничій топоръ, восхваляемый Уитмэнномъ, упорно называется широкимъ топоромъ, и т. д. Тонъ у статьи восторженный: „Кто этотъ Уолтъ Гуитманъ? Это духъ возмущенія и гордости, Сатана Мильтона. Это Фаустъ Гёте, но болѣе счастливый, — ему кажется, что онъ разгадалъ тайну жизни; онъ упивается жизнью, какова она есть; онъ прославляетъ рожденіе наравнѣ со смертію, потому что онъ видитъ, знаетъ, осязаетъ безсмертіе. Это всеиспытующій натуралистъ, приходящій въ восторгъ при изученіи разлагающагося трупа настолько же, насколько при видѣ благоухающихъ цвѣтовъ. — Каждая жизнь слагается изъ тысячи смертей! — восклицаетъ онъ“.

Статья замѣтно испорчена цензурой.

* * *

Въ Энциклопедическомъ Словарѣ (Брокгауза и Эфрона) замѣтка о Уитмэнѣ принадлежитъ г-жѣ Зинаидѣ Венгеровой. Здѣсь онъ называется Вальтомъ Витманомъ, и въ его поэмахъ, по мнѣнію критика, — „при всей глубинѣ отдѣльныхъ частей, общая хаотическая непонятность замысла и антихудожественные приемы мало соотвѣтствуютъ репутаціи гениальности, признаваемой за авторомъ“. Даты и указанія г-жи Зин.

Венгеровой не всегда вѣрны. У Вильяма О'Коннора нѣтъ книги *The Good Gray Buske*, какъ сказано въ словарѣ; книга эта (скорѣе, брошюрка, памфлетъ) называется *The Good Gray Poet*. Неточно также указаніе на „обстоятельную статью о Витманѣ“ въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ за 1882 г. Тамъ этой статьи не имѣется.

* * *

Въ 1898 г. въ „Русскомъ Богатствѣ“ появилась статья г. Діонео „Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитмэнъ“, въ послѣдствіи перепечатанная въ прекрасной книгѣ этого автора „Очерки современной Англій“. Г. Діонео указываетъ, что Уитмэнъ „несомнѣнно самый популярный теперь поэтъ англійской, американской и австралійской демократіи“. Сборникъ стихотвореній поэта, по словамъ г. Діонео, разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Вы его найдете въ каждомъ коттеджѣ, въ каждой безплатной читальнѣ. Сущность этой книги авторъ видитъ въ томъ, что, „исходя изъ эгоизма, Уитмэнъ проповѣдуетъ самый широкій, всеобъемлющій альтруизмъ“, и что носителницей этого альтруизма является демократія. „Для Уитмэна Америка и демократія одно и то же“, говоритъ г. Діонео.

Къ сожалѣнію, интересная эта статья не свободна отъ мелкихъ неточностей.

Въ 1855 г. Уитмэнъ основалъ газету „*Freeman*“, — говоритъ, напр., г. Діонео. Это невѣрно. Газета была основана въ 1850 году.

Въ 1858 году вышелъ сборникъ Уитмэна „*Leaves of Grass*“, — утверждаетъ г. Діонео. Это тоже невѣрно. Сборникъ вышелъ въ 1855 году.

Статья Конвея о Уитмэнѣ появилась въ 1866 году, а не въ 1886 году, (*Fortnightly Review*, X). На службу въ Министерство Внутр. дѣлъ Уитмэнъ поступилъ въ 1865 г., а не въ 1866 г., и т. д. Впрочемъ, эти мелкіе промахи можно отнести къ опечаткамъ; но напрасно г. Діонео утверждаетъ, будто Уитмэнъ записался въ лазаретъ изъ ненависти къ убійству. Въ лазаретъ онъ записался, чтобы ухаживать за больнымъ братомъ, а ненависти къ убійству не могло быть у человѣка, который писалъ:

Я славилъ миръ во время мира, но теперь у меня боевой барабанъ,
Алая, алая битва — ей мои гимны теперы!

Точно такъ же невѣрно указаніе, будто во время войны Уитмэнъ познакомился съ Линкольномъ. Встрѣчая президента на улицѣ, Уитмэнъ, какъ и всѣ другіе, кланялся главѣ государства, а тотъ отвѣчалъ. Едва ли это можно назвать знакомствомъ ¹⁾. Существуетъ легенда, врядъ ли, къ тому же, достовѣрная, будто однажды, когда Линкольнъ стоялъ у окна, по улицѣ проходилъ Уитмэнъ, и будто Линкольнъ сказалъ: „Это настоящій мужчина“. Но и отсюда далеко до знакомства.

Ю. Айхенвальдъ о Уотѣ Уитмэнѣ

Въ „Русской Мысли“ за 1907 годъ (кн. VIII) Уитмэну посвящена небольшая статья Ю. Айхенвальда. Критикъ называетъ творчество поэта художественной Ніагарой и находитъ у него „буйство ошеломляющихъ словъ“.

„Уитмэнъ — самый нестѣсняющійся челоѡкъ въ мірѣ, — говоритъ г. Айхенвальдъ. — Онъ выражается такъ, что всѣ мы и даже другіе поэты должны устыдиться своего робкаго, приличнаго, тепличнаго языка. Онъ имѣетъ смѣлость называть вещи ихъ именами, и вещи отъ этого загораются радостью и блескомъ. Уитмэнъ опьяненъ дѣйствительностью, и, пьяный хозяинъ вселенной, онъ идетъ по міру, какъ по улицѣ, идетъ и гениально горланить... Соленое дыханіе океана, раскаты приближающагося гула дѣйствуютъ грозно и освѣжительно на робкаго слушателя, стоящаго на берегу. Всѣхъ насъ, изнуренныхъ сомнѣніями, измельчавшихъ въ маленькой работѣ и заботѣ, всѣхъ насъ, -лилипотовъ духа, бодритъ гениальная самоувѣренность великана. И когда находишься около него, хочется и самому говорить не своимъ обычнымъ тихимъ голосомъ, а громче и громче, хочется перенять его энергичную рѣчь безъ лишнихъ словъ и союзовъ, безъ опостылѣвшей мягкости. И становится радостно и удивленно: неужели все такъ просто и просторно, какъ рисуетъ и поетъ Уитмэнъ? Неужели вся мудрость въ томъ, чтобы ненасытимо ощущать жизнь? Неужели для того, чтобы быть поэтомъ, надо только позволить себѣ быть челоѡкомъ?“

¹⁾ См. „W. W.“ by Isaac Hull Platt, p.p. 52, 53.

Интересно указаніе г. Айхенвальда, что въ Уитмэнѣ мы ощущаемъ не сына, а отца. „Огромный, громкій, титаническій, онъ тѣмъ отличается отъ насъ, что мы всѣ чувствуемъ себя дѣтьми, что міросозерцаніе у насъ — дѣтское, послушное, а Уитмэнъ — отецъ. Онъ забылъ, что самъ рожденъ; онъ не оборачивается назадъ и, отецъ, pater, державно примѣняетъ къ дочери жизни свою patria potestas“. „Уитмэнъ, многорождающій, идетъ по землѣ, и отъ широкой поступи его поднимаются роскошные побѣги жизни, побѣги человѣческой травы“.

Уитмэнъ, какъ поэтъ будущаго.

Въ статьѣ г. М. Невѣдомскаго „Объ искусствѣ нашихъ дней“ („Соврем. Міръ“, 1909, IV) есть страницы, посвященныя Уитмэну.

Авторъ хотѣлъ дознаться, какіе элементы будущаго искусства имѣются въ искусствѣ современномъ. Для этого онъ разсмотрѣлъ произведенія Леонида Андреева, Ибсена, Рихарда Дэмеля, Эмиля Верхана и Уота Уитмэна. У всѣхъ этихъ писателей авторъ отыскалъ нѣчто общее: всѣ они замѣняютъ мораль эстетико-философскимъ пониманіемъ жизни, выше всего они ставятъ человѣческую личность; и всѣ они стремятся къ сліянію съ космосомъ, къ универсальному міросозерцанію.

Эти три черты особенно выдаются у Уитмэна. Книга Уитмэна, по словамъ критика, „наиболѣе богатое элементами будущаго поэтическое произведеніе, какія только писаны до сихъ поръ“.

Жаль, что и въ этой содержательной статьѣ попадаютъ иногда неточности. Уитмэнъ умеръ не въ 1898 г., а въ 1892 году. Онъ не былъ анархо-соціалистомъ, какъ утверждаетъ г. Невѣдомскій. Въ отрывкахъ, которые при этомъ приводятся, очень странной кажется строчка:

И фигуру центральнѣе всѣхъ.

Центральность есть понятіе абсолютное и сравнительныхъ степеней не допускаетъ.

Уотъ Уитмэнъ въ романѣ.

Прекрасныя строки о Уитмэнѣ мы встрѣтили въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1909 годъ въ романѣ Юганна

Иенсена „Колесо“ (VII—XII, переводъ Т. А. Богдановичъ). Одинъ изъ персонажей романа говоритъ:

„Вещи, которыя мы считали скучными и низменными, теперь поютъ, холодная проза дѣйствительной жизни превратилась въ музыку. Разговаривая, люди не подбираютъ вѣдь риѣмъ, — это дѣлали дикіе пастушескіе народы древнихъ временъ и сумасшедшіе люди въ наши дни, и если кто хочетъ превратить въ музыку наше время, ему не-зачѣмъ пользоваться стихотворными размѣрами, которые соотвѣтствовали танцамъ въ древности. Нужно разбить эту форму. Локомотивъ обладаетъ собственнымъ ритмомъ, и улица Чикаго звучитъ другимъ темпомъ, чѣмъ пастбища въ Аркадіи. Но намъ свѣтитъ прежнее солнце, и когда намъ становится достаточно тепло, мы ощущаемъ все окружающее какъ поэзію, и пытаемся слиться со всѣмъ, что звучитъ вокругъ. Въ этомъ задача Уитмэна. Развѣ вы не слышите, что онъ влюбленъ во все въ Америкѣ, и что онъ не можетъ не пѣть?.. О, это только современный чело-вѣкъ въ пиджакѣ и воротничкѣ, онъ стоитъ на городскомъ трамваѣ и испускаетъ радостные крики, потому что онъ тутъ. А вы непременно хотите, чтобы у него былъ козій мѣхъ на плечахъ и колчанъ со стрѣлами, иначе вы не можете повѣрить ему“... („Русск. Богатство“, июль, 1909 г.).

Кнутъ Гамсунъ о Уотѣ Уитмэнѣ.

Кнутъ Гамсунъ въ своей книгѣ „Духовная жизнь Америки“ (Собр. сочин. изд. „Шиповника“, т. I) удѣлилъ Уитмэну очень много страницъ, — и такъ какъ это единственная (покуда) на русскомъ языкѣ отрицательная характеристика нашего поэта, то на ней мы остановимся подольше.

Уитмэнъ, по словамъ Гамсуна, лирически настроенный американецъ. Онъ мало или даже, пожалуй, ничего не читаль (!) и почти совсѣмъ ничего не пережилъ (!). Языкъ его поэзіи далеко не самый дерзновенный, не самый страстный въ міровой литературѣ, онъ только самый безвкусный и наивный изъ всѣхъ. Въ этой поэзіи не видно ни искры поэтического таланта. Стихи Уитмэна авторъ зоветъ каталогами, реестрами, таблицами умноженія. Они восхитительны по

своей неудобочитаемости. Требуется, по крайней мѣрѣ, вдвое больше вдохновенія для чтенія этихъ стиховъ, нежели для ихъ написанія. Въ Уитмэнѣ хотѣли видѣть перваго американскаго народнаго поэта. Это можно принять за насмѣшку.

Статья написана въ миломъ, ироническомъ тонѣ. Авторъ относится къ Уитмэну съ веселымъ какимъ-то презрѣніемъ. „Если бъ какой-нибудь изъ нашихъ пѣвцовъ демократіи создалъ подобную поэму, и принесъ бы ее въ газету, я очень склоненъ предполагать, что въ редакціи попросили бы разрѣшенія пощупать у пѣвца пульсъ и предложили бы ему стаканъ воды“... — но въ Америкѣ и этотъ смѣшной старикашка можетъ сойти за поэта, — добрый потѣшный дикарь!

Русскій читатель, знакомый съ отзывами Кнута Гамсуна о Толстомъ и о Достоевскомъ, знаетъ уже, какъ относиться къ подобнымъ выступленіямъ даровитаго новеллиста. Гамсунъ едва ли освѣдомленъ даже въ біографіи Уота Уитмэна. По его, напр., сообщенію, Уитмэнъ „почти совсѣмъ ничего не пережилъ“. Если можно быть три года среди умирающихъ, перевязать десятки тысячъ ранъ, и при этомъ не пережить ничего, Кнутъ Гамсунъ дѣйствительно правъ, — но не забудемъ, что, кромѣ того, Уитмэнъ былъ чиновникомъ, плотникомъ, репортеромъ, романистомъ, фермеромъ, учителемъ, и что обо всемъ этомъ Гамсунъ тоже не сказалъ намъ ни слова, — и мы вполне оцѣнимъ его утвержденіе, будто „въ жизни Уитмэна очень мало событій“.

Уитмэнъ, пожалуй, ничего не читалъ, — продолжаетъ Кнутъ Гамсунъ. Но мы знаемъ, что Уитмэнъ зачитывался у себя на островѣ Гомеромъ, Эхиломъ, Софокломъ, Нибелунгами, Оссианомъ, Шекспиромъ, Божественной Комедіей. Уитмэнъ съ восторгомъ вспоминалъ изъ дѣтскихъ временъ Вальтеръ-Скотта, Тысячу и одну ночь. Въ его бібліотекѣ былъ Эпиктетъ, Омаръ Хайамъ, Фельтонъ, Тикноръ, Жоржъ-Зандъ. Онъ въ юности подражалъ Эдгару По, называлъ своимъ учителемъ Эмерсона, полемизировалъ съ Карлейлемъ, писалъ о Диккенсѣ, о Теннисонѣ, говорилъ о Львѣ Толстомъ и Шиллерѣ, — все это было бы нѣсколько трудно, если бъ онъ ничего не читалъ.

Поступивъ чиновникомъ въ Министерство Финансовъ, Уитмэнъ даже ночи сталъ проводить за чтеніемъ;

частенько пробирался онъ съ вечера въ министерскую бібліотеку и, пользуясь казеннымъ освѣщеніемъ, зачитывался тамъ рѣдкими книгами, о которыхъ до того времени могъ только мечтать (W. W. by Bliss Perry, 181).

И откуда взялъ Кнутъ Гамсунъ, будто „Уитмэнъ всегда смѣялся“. „Ни разу я не видѣлъ, чтобы онъ засмѣялся или хотя бы улыбнулся“, говоритъ о Уитмэнѣ Конвей. То же утверждаетъ и Эдуардъ Карпенгеръ.

Очень вышучиваетъ Гамсунъ пристрастіе Уитмэна къ перечисленію предметовъ, къ реестрамъ и каталогамъ — но стоитъ только намъ вспомнить Фетовское „Шопоть, робкое дыханье“ или иныя строфы изъ Майковскаго „Савонаролы“, чтобы признать, что „каталоги“ отнюдь не исключаютъ поэзіи.

Даже самое появленіе Листьевъ Травы въ печати кажется Гамсуну смѣшнымъ. „Изумительная наивность Уитмэна соблазнила его издать свои сочиненія въ печати“, — говоритъ онъ. И мы можемъ прибавить, что изумительная наивность Свинберна, Эмерсона, Россети, Бьернстерне-Бьернсона, Фрейлиграта, Бальмонта и др. соблазнила ихъ прійти отъ этихъ сочиненій въ восторгъ.

Единственное оправданіе для статьи Гамсуна то, что она написана больше четверти вѣка назадъ, и что самъ авторъ „Пана“ едва ли теперь согласится хотя бы съ однимъ ея словомъ. — „Это юношеская моя работа, — заявилъ онъ недавно въ газетахъ, — она не соответствуетъ больше моему мнѣнію объ Америкѣ“ (см. „Рѣчь“, 2 авг. 1910).

Быль ли Уотъ Уитмэнъ социалистомъ.

Въ статьѣ М. Горькаго „Разрушеніе Личности“ (Очерки философіи коллективизма, 1909) неточно указаніе, будто „начавъ съ индивидуализма и квіетизма“, Уитмэнъ, вмѣстѣ со многими другими, „пришелъ къ социализму, къ проповѣди активности“, и т. д. Это явное недоразумѣніе. Уитмэнъ какъ былъ индивидуалистомъ сначала, такъ и остался имъ до конца. Социализмъ былъ ему чуждъ совершенно.

— Дѣла и безъ того идутъ недурно, — говорилъ онъ за пять лѣтъ до смерти, — и естественный ходъ вещей, пожалуй, дастъ лучшіе результаты, чѣмъ можетъ обѣщать какая-нибудь теорія социализма. Слишкомъ много.

шкурнаго себялюбія у обѣихъ (борющихся) сторонѣ. Душевное благородство, вотъ что здѣсь нужно. Рабочія стачки его не создадутъ... Пускай рабочій, кто бы онъ ни былъ, приметъ настоящее положеніе вещей и побѣждаетъ силою внутренняго благородства. Тогда всеобщее сочувствіе будетъ на его сторонѣ. Пусть онъ отвергнетъ всѣ соблазны и, при самой послѣдней крайности, не впадаетъ въ мелочность, въ скарденность, пусть будетъ героемъ, и его побѣда обезпечена". (Isaac Hull Platt: „Walt Whitman“, 1904. p. 94 — 95).

Какъ бы кто ни относился къ этой вѣрѣ въ естественный ходъ вещей и въ личное самосовершенствованіе (а намъ она, признаться, претитъ), ясно, что ни о какомъ социализмѣ здѣсь говорить нельзя. „Величайшій изъ реформаторовъ, Уитмэнъ не связывалъ себя ни съ одной спеціальной доктриной, — говоритъ Mr. Platt. — Реформаторъ духа, онъ одновременно включалъ въ себѣ анархиста и социалиста, демократа и аристократа, но никто изъ этихъ людей не могъ бы назвать его своимъ“. Если что разрослось къ концу жизни у Уитмэна, такъ это его мистицизмъ. Въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ (напр., въ *Passage to India*), какъ справедливо указываетъ критика, преобладаетъ мистическій элементъ. (См. Pliss Perry. „Walt Whitman“, p. 194). Такъ что и съ этой стороны Уитмэнъ М. Горькому не союзникъ, хотя нельзя не отмѣтить, что, руководствуясь общимъ духомъ ихъ творчества, иностранная критика любитъ сблизать этихъ двухъ демократическихъ писателей, и еще недавно французскій писатель Вильдракъ объявилъ въ патетической статьѣ, что Верхарнъ, Киплингъ и Горькій суть истинные продолжатели Уитмэна.

Вильямъ Джемсъ о Уотѣ Уитмэнѣ.

Въ книгѣ покойнаго Вильяма Джемса „Многообразіе религіознаго опыта“ (пер. съ англ. подъ ред. С. В. Лурье, изд. журн. „Русск. Мысль“, Москва, 1910) — есть страницы, посвященныя Уитмэну. Знаменитый американскій ученый не видитъ въ стихотвореніяхъ Уитмэна того настоящаго, величаваго паэоса, который былъ, напр., присущъ древнимъ грекамъ и римлянамъ. „Въ его оптимизмѣ, — говоритъ Джемсъ, — есть что-то дѣланное, слишкомъ заносчивое, въ проповѣди его слышна бравада

и хвастливость, роняющія ее въ глазахъ читателей, несмотря на симпатію послѣднихъ къ уитмэновскому оптимизму и на ихъ готовность поставить его на ряду съ пророками“. Эта дѣланность и нарочитость уитмэновскаго оптимизма, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ Джемсу признать за нимъ полнѣйшую искренность, ибо, по его словамъ, нарочитое, „сознательное поддерживаніе въ себѣ душевнаго здоровья, какъ религіознаго настроенія, соотвѣтствуетъ могущественнымъ свойствамъ человѣческой природы“.

И потому правы тѣ, кто смотритъ на Уитмэна, какъ на воскресителя вѣчной религіи природы. „Онъ заразилъ всѣхъ своей любовью къ ближнимъ, тѣмъ счастьемъ, какое онъ находитъ въ одномъ фактѣ своего и ихъ существованія. Въ честь его учреждается рядъ обществъ, существуетъ періодическій органъ для пропаганды этой новой религіи, гдѣ есть уже и своя ортодоксія, и свои ереси. Уже есть подражанія его оригинальному стихосложенію. Его открыто сравниваютъ съ основателемъ христіанской религіи и не всегда въ пользу послѣдняго“ (стр. 75 — 79).

О Уитмэнѣ же говорится и въ другой книгѣ Вильяма Джемса — „Прагматизмъ“, напечатанной по-русски въ томъ же году, что и первая. (Переводъ П. Юшкевича, изд. „Шиповника“).

Джемсъ пытается объяснить аудиторіи поэму Уитмэна „Тебѣ“, которая у насъ приводится полностью на страницахъ 85—88.

„Это изящное стихотвореніе, — говоритъ Джемсъ, — производитъ, разумѣется, огромное впечатлѣніе, но есть два различныхъ способа разсматривать его, и оба имѣютъ свои преимущества“.

Одно толкованіе можетъ быть таково: чѣмъ бы ты ни казался извнѣ, въ сущности твоей ты всегда прекрасенъ и счастливъ, — и пускай такая философія квіетизма зовется духовнымъ опіумомъ, пускай она ведетъ къ безразличію, Джемсъ готовъ привѣтствовать ее, „ибо за ней стоятъ многочисленные, оправдывающіе ее историческіе факты“.

„Другіе толкователи увидятъ здѣсь воспѣваніе тѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыя имѣются въ каждомъ изъ насъ, вопреки всѣмъ нашимъ недостаткамъ: забудемте все низкое въ себѣ самихъ, станемъ думать

только о высококомъ, сольемъ свою жизнь съ нимъ, и тогда черезъ гнѣвъ, несчастія, невѣжество и скуку проложитъ себѣ дорогу то, что мы сами создаемъ изъ себя, то, чѣмъ мы собственно и являемся въ глубочайшей своей сущности“.

„Съ какой бы изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы ни разсматривали разбираемое стихотвореніе, каждая изъ нихъ ободряетъ насъ, внушаетъ намъ вѣрность самимъ себѣ. Оба эти способа даютъ удовлетвореніе; оба они освящаютъ человѣческую жизнь. Оба рисуютъ портретъ „Всякаго“ на золотомъ фонѣ“.

Уотъ Уитмэнъ и К. Д. Бальмонтъ.

Знаменитый поэтъ Бальмонтъ посвятилъ Уоту Уитмэну нѣсколько прекрасныхъ статей:

- 1) Въ „Вѣсахъ“ 1904, VII — „Пѣвецъ личности и жизни“.
- 2) Въ „Перевалѣ“ 1907, III — „Поэзія борьбы“ („Идеализованная демократія“).
- 3) Въ „Морскомъ Свѣченіи“ 1910, стр. 167. „О врагахъ и враждѣ“.
- 4) Въ предисловіи въ книгѣ „Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы“. Книгоиздательство Скорпіонъ. М. 1911 г.

Въ первой изъ этихъ статей Бальмонтъ прославляетъ Уитмэна за то, что онъ поэтъ радости. Всѣ другіе геніи кажутся ему пѣвцами печали и боли: Шекспиръ и Данте, Гёте и Байронъ, Левъ Толстой и Достоевскій; лишь Уитмэнъ да еще Шелли были истинными воспѣвателями радостной жизни.

„Поэтъ съ тѣломъ гладіатора, — пишетъ г. Бальмонтъ, — съ гармоничнымъ лицомъ красиваго звѣря, полнаго природныхъ силъ, Уитмэнъ былъ однимъ изъ тѣхъ отошедшихъ первородныхъ людей, которые проводили цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы въ лѣсахъ и степяхъ“... „Религія Уитмана — космическій энтузіазмъ“.

Къ сожалѣнію, мы должны указать, что эти эффектные строки г. Бальмонту почти не принадлежатъ. Есть маленькая книжка John Addington Symonds'a: Walt Whitman, a Study, и въ ней читатель встрѣтитъ послѣдовательно и тѣло гладіатора (14 стр.), и первородныхъ людей (стр. 17), и космическій энтузіазмъ (57 стр.).

Такъ что напрасно г. Невѣдомскій въ своей статьѣ о Уитмэнѣ пишетъ:

„Бальмонтъ мѣтко опредѣляетъ религію этого страннаго поэта, какъ космическій энтузіазмъ“.

И г-жа Елена Ц. напрасно пишетъ въ „Вѣсахъ“:

„Бальмонтъ даетъ намъ красивую, сжатую точную формулу міросозерцанія Уитмэна: „религія Уитмэна — космическій энтузіазмъ“.

Эти комплименты, конечно, относятся къ Симондсу, и г. Бальмонтъ ихъ принимаетъ напрасно. Вообще вся статья поэта написана подъ сильнымъ вліяніемъ Симондса, котораго онъ почему-то въ ней не поминаетъ ни разу.

Вотъ образчики этого „вліянія“:

Симондсъ. 1893 г.

„Онъ — необъятное древо, древо Игдразиль, запустившее корни глубоко въ самыя нѣдра земли и развернувшее сказочную свою вершину во всю безконечность неба“ (стр. 156).

„Уитмэнъ разсматривалъ ее (демократію) не только какъ политическое явленіе, а, главнымъ образомъ, какъ форму религіознаго энтузіазма“ (стр. 108).

„Выдѣлять изъ себя магнетизмъ... тѣмъ, что ты силенъ, здоровъ и свободенъ“ (стр. 74).

Бальмонтъ. 1904 г.

„Сказочное древо Игдразиль, чьи вѣтви охватываютъ міръ и чьи корни въ подземномъ царствѣ и чья зеленая вершина въ безконечномъ Небѣ“ („Вѣсы“, стр. 32).

„Демократію Уитманъ разсматриваетъ, главнымъ образомъ, не какъ политическое явленіе, а скорѣе какъ форму религіознаго энтузіазма“ (стр. 21).

„Каждый выдѣляетъ изъ себя магнетизмъ тѣмъ, что онъ силенъ, здоровъ и свободенъ“ (стр. 21).

Симондсъ говоритъ о той вѣткѣ сирени, которую поэтъ возложилъ на гробъ Линкольна. Сирень по-англійски — lilac; г. Бальмонтъ, списывая впопыхахъ, принялъ lilac за лилію, и у него получилось: „лилейный кустъ“! Лилія, растущая кустарникомъ! — рискованная ботаника. И что это за первородные люди, съ которыми сравниваетъ Бальмонтъ поэта? У Симондса просто сказано: первые люди, піонеры. Такъ американцы называютъ своихъ предковъ, первыхъ выходцевъ изъ Европы, поселившихся среди первобытныхъ американскихъ лѣсовъ. Первородные же люди здѣсь не при

чемъ. — Но, несмотря на такіе изъяны, статья Бальмонта очень значительна: въ ней до двадцати стихотворныхъ отрывковъ изъ Уитмэна, и ей многое можно простить за ея неподдѣльную восторженность.

Во второй статьѣ К. Д. Бальмонтъ изображаетъ Уитмэна, какъ поэта революціи, и снова приводитъ очень много отрывковъ изъ его впервые переведенныхъ стиховъ. Въ третьей статьѣ Уитмэнь трактуется какъ поэтъ мира и войны. Въ 1911 г. вышла книга Бальмонта: „Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы“. Тамъ, между прочимъ, мнѣ встрѣтились такіе стихи:

Оружье нагое и стройное, синевата его бѣлизна,
Изъ глубинъ материнскаго чрева голова его взнесена,
Плоть изъ древа и кость изъ металла, членъ одинъ и губа
лишь одна,
Сѣро-синій листь въ красномъ жарѣ возрость, рукоятка же
сѣменемъ малымъ дана,
Лежить на травѣ, и трава подъ нимъ склонена,
Въ немъ упоръ и въ немъ опора дана.

Что это? Ужели это Уитмэнь? Это пьяный какой-то графоманъ! Если Уитмэнь таковъ, то къ чему его переводить, а если онъ не таковъ, то какъ смѣеть г. Бальмонтъ такъ издѣваться надъ нимъ? Про какой здѣсь говорится „членъ“? ¹⁾ Про какую „губу“? И что за металлъ — костяной? И какое „чрево“? И „древо“?

О Уитмэнь говорили, будто онъ сказалъ слово, которое на устахъ у Самого Господа Бога, — неужели у Господа Бога на устахъ такія скверныя, косноязычныя слова!

Я помню эти самыя строки въ подлинникѣ. Ими Уитмэнь воспѣваетъ топоръ. И онѣ у него ударныя, отрывистыя, крѣпкія, — именно, какъ работа топора:

Weapon shapely, naked, wane
Тá-та тá-та тá тáма.

Такъ и слышишь лихое стучаніе по дереву. А у Бальмонта до чего уныло, похоронно, зѣвотно, — и, главное, какъ косноязычно. Пихаетъ тебѣ въ ротъ какую-то вату — жуй безъ конца, черезъ силу, и радъ бы не жевать, да нельзя, глотаешь до потери сознанія:

1) По-англиски limb — конечность; въ данномъ случаѣ рука, — Уитмэну топоръ рисуется въ видѣ живого существа: однорукій, одногубый. А у Бальмонта: „членъ одинъ и губа лишь одна“.

Какъ-будто это не женщины, а дипломаты враждующихъ странъ.

Право, эти фигуры въ колоннахъ и эти ультиматумы женщинъ не хуже восхитительныхъ лейнейныхъ кустовъ! Въ журналъ „Вѣсы“ за 1906 г. (кн. XII) мною напечатанъ болѣе подробный разборъ Бальмонтовыхъ переводовъ изъ Уитмэна. Такъ и чувствуется, что эти сумбурныя строки были равнодушно и небрежно настуканы на Ремингтонѣ, — смаху, второпяхъ, кое-какъ, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и даже похоже, что переводчикъ ушелъ, а пишущая машина сама безъ него настукала всѣ эти переводы. Поистинѣ, это — машинное производство, здѣсь не истрачено ни капли души, и часто случается, что переводчикъ даже не пробуетъ разобраться въ значеніи и смыслѣ переводимаго текста, а переводитъ механически, не понимая ни слова:

— Мы включатели всѣхъ континентовъ... (149) Тѣло ея никто не зоветъ (148) Дѣти... ртачливая основа всѣхъ улицъ (153).

Конечно, и въ этой сумбурной, недостойной имени Бальмонта книгѣ выдаются проблески, — поэтичныя, глубокіе стихи. Приведу одинъ переводъ, который мнѣ показался хорошимъ:

Въ задумчивости и колеблясь.

Въ задумчивости и колеблясь,
Пишу я слово Мертвыя.
Вѣдь Мертвые — Живые,
(Единственно живые, можетъ-быть,
Единственно реальные,
А я — видѣніе, или призракъ).

Толстой и толстовцы о Уитмэнѣ.

Какъ относился къ Уитмэну Левъ Толстой? Объ этомъ сообщаетъ англійскій толстовецъ Эйльмеръ Модъ (Maude) въ книгѣ „Толстой и его ученіе“.

„Главный недостатокъ Уота Уитмэна, — говорилъ Левъ Толстой мистеру Моду, — заключается въ томъ, что онъ, несмотря на весь свой энтузіазмъ, не обладаетъ ясною философіей жизни. Относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ жизни онъ стоитъ на распутьи и не указываетъ

намъ, по какому пути должно слѣдовать. А между тѣмъ, ошибки и недосмотры ясно-сознающаго человѣка могутъ быть болѣе полезны, чѣмъ полуправды людей, предпочитающихъ оставаться въ неопредѣленности... Во всѣхъ отношеніяхъ и по всякому поводу выраженіе вашихъ мыслей такимъ образомъ, что васъ не понимаютъ, плохо“... (См. „Минувшіе Годы“, 1908, IX) ¹⁾.

Но совсѣмъ не такъ относятся къ Уитмэну иные изъ нынѣшнихъ толстовцевъ. Напримѣръ, Эрнестъ Кросби, въ своей превосходной книгѣ „Толстой и его жизнеописаніе“, подтверждаетъ идеи Толстого именно идеями Уитмэна. Этотъ толстовецъ — вѣрнѣе, социалистъ толстовской окраски — въ своихъ стихотвореніяхъ былъ подражателемъ Уитмэна. (См. Эрнестъ Кросби. „Толстой и его жизнеописаніе“. Переводъ съ англійскаго. Изд. „Посредника“, 1911).

И. Е. Рѣпинъ о Уотѣ Уитмэнѣ.

Въ предисловіи ко второму изданію моей книжки живописецъ Илья Рѣпинъ написалъ о Уитмэнѣ слѣдующее:

„Для меня было неожиданной новостью грандіозное значеніе юродиваго поэта-американца, взошедшаго вдругъ предо мною вторымъ солнцемъ христіанства. Божье Дитя — Уотъ Уитмэнъ въ простотѣ сердца открылъ почти наново истинную суть Божественнаго Слова. Я, кочечно, не въ силахъ выразить все значеніе юродствующаго апостола новой демократической религіи, но думаю, что эта религія братства, единенія, равенства не такая ужъ новая, какъ чудится К. И. Чуковскому: она была возвѣщена всему міру почти двадцать столѣтій назадъ. Меня всегда до обиды удручаетъ несправедливость вѣтреннаго человѣчества въ отношеніи къ своему истинному Богу и Его апостоламъ.

Я надѣюсь, что съ появленіемъ Уитмэна современному языческому индивидуализму, культу разнуданной личности наконецъ-то нанесенъ ударъ. Фридрихъ Ницше, какъ Юліанъ Отступникъ, капризно отвернулся отъ великихъ міровыхъ завоеваній альтруизма, преклонился

¹⁾ Бесѣда Мода съ Толстымъ относится къ 90 годамъ.

предъ идоломъ личности, и небывалый восторгъ охватилъ нашу культурную чернь. Плоды индивидуализма — передъ нами: хулиганство быстро множится на всѣхъ поприщахъ, попирая всѣ святыни Святого Духа, въ бѣшеной пляскѣ мертвецовъ выставляются два новѣйшихъ завѣта: грабежъ и самоубійство.

Но не нужно отчаиваться: это лишь эпидемія, она уже дошла до предѣла; начинается уже поворотъ. Не даромъ появился Уотъ Уитмэнъ, поэтъ соборности, содружества, любви. Скоро культурная чернь увидитъ всю отвратительную пошлость своихъ самовлюбленныхъ героевъ, и вся она дружно поклонится Миру Мира!

Тотъ, кто прошелъ безъ любви хоть минуту, на погребенье къ себѣ онъ прошелъ, и завернуть онъ въ саванъ, —

говорилъ великій поэтъ демократіи.

Культура и процвѣтаніе — великое счастье челоуѣчества только тогда, когда и самыя геніальныя силы его не забываютъ обездоленнаго брата“.

Уитмэнъ и футуристы.

Наши русскіе будущники — эго-футуристы и кубо-футуристы — естественно пытаются примкнуть къ этой поэзіи будущаго. Изъ всѣхъ поэтовъ во всемъ мірѣ они, кажется, признаютъ только Уитмэна. Еще въ раннемъ „Садкѣ Судей“ московскій футуристъ Викторъ Хлѣбниковъ, авторъ знаменитыхъ Смѣхунчиковъ, помѣстилъ поэму „Звѣринецъ“, далеко не бездарную, гдѣ откровенно пародировалъ Уитмэна. Привожу изъ этой поэмы отрывокъ:

Садъ, садъ, гдѣ взглядъ звѣря больше значить, чѣмъ груды прочтенныхъ книгъ,

Садъ, гдѣ орелъ жалуется на что-то, какъ усталый жаловаться ребенокъ,

Гдѣ олени стучать чрезъ рѣшетку рогами,

Гдѣ утки одной породы поднимаютъ единодушный крикъ послѣ короткаго дождя, точно служа благодарственный молебень утиному божеству,

Гдѣ носорогъ носить въ бѣло-красныхъ глазахъ неугасимую ярость низверженнаго царя, и одинъ изъ всѣхъ звѣрей не скрываетъ своего презрѣнія къ людямъ, и въ немъ затаенъ Іоаннъ Грозный,

Гдѣ грудь сокола напоминаетъ перистыя тучи предъ грозой,
Гдѣ мы начинаемъ думать, что на свѣтѣ потому такъ много
звѣрей, что они умѣютъ по-разному видѣть Бога ¹⁾).

И такъ дальше. Стоитъ только сопоставить съ этими футуристическими строками ту Пѣсню о самомъ себѣ, гдѣ Уитмэнъ, воспаря надъ пространствомъ и временемъ, въ какомъ-то пророческомъ бреду, охватываетъ взоромъ всю вселенную, — и его вліяніе на русскаго будущника тотчасъ же опредѣлится съ несомнѣнностью. Напомню хоть нѣскольکو строкъ этой пѣсни:

Гдѣ бобръ стучитъ по болоту хвостомъ, какъ весломъ,
Гдѣ плавникъ акулы торчитъ изъ воды, словно черная
щепка,
Гдѣ телки пасутся, гдѣ гуси хватаютъ короткими хватками
пищу,
Гдѣ стадо буйволовъ закрываетъ собою всю землю на квадратныя мили вокругъ, и т. д.

Фразу же г. Виктора Хлѣбникова, что „взглядъ звѣря значить больше, чѣмъ груди прочитанныхъ книгъ“, Уотъ Уитмэнъ повторялъ неоднократно.

Съ Уитмэномъ эту московскую группу сближаетъ ненависть къ вульгарной эстетикѣ, тяготѣніе къ неуклюжести, шероховатости, грубости.

Московскій лучистъ Михаилъ Ларионовъ, проповѣдуя въ „Ослиномъ Хвостѣ“ свои самобытные взгляды, ссылается на Уитмэна, какъ на своего союзника, и пространно цитируетъ его стихи о подрывателяхъ основъ и „первоздателяхъ“ ²⁾).

Въ петербургскомъ эго-футуризмѣ такой же культъ Уота Уитмэна. Тамъ появился рьяный уитмэніанецъ, Иванъ Ореджъ, который, подобно Хлѣбникову, старательно пародируетъ Уитмэна:

Я создалъ вселенныя, я создамъ мириады вселенныхъ, ибо
онѣ во мнѣ,
Желтыя съ синими жилками груди старухи прекрасны, какъ
сосцы юной дѣвушки,
О, дай поцѣловать мнѣ темныя зрачки твои, усталая ломовая
лошадь, и т. д.

(„Петербургскій Глашатай“, 1912, II).

¹⁾ „Садокъ Судей“. Кн. I. В. Хлѣбниковъ. Оп. I. „Звѣринецъ“, стр. 96 — 102. Я нѣсколько перетасовалъ эти строки, чтобы выдать наиболѣе характерное.

²⁾ „Ослиный Хвостъ и Мишень“. Москва. 1913, стр. 85.

Это почти подстрочникъ, и о другой поэмѣ того же писателя, помѣщенной въ альманахѣ „Оранжевая Урна“, Валерій Брюсовъ воскликнулъ:

— Что же такое эти стихи, какъ не пересказъ „своими словами“ одной изъ поэмъ Уота Уитмэна! ¹⁾

Но въ то время, какъ Уотъ Уитмэнъ строить свою „поэзію будущаго“ на прочномъ фундаментѣ единой грядущей демократіи, поэзія нашихъ футуристовъ, какъ бы они ни были талантливы, не имѣетъ ни въ современномъ, ни въ будущемъ обществѣ никакихъ устоевъ и опоръ.

Уитмэнъ въ исторіи американской словесности.

По какой-то непонятной причинѣ русскій читатель весьма беззаботенъ по части американской словесности. Кромѣ Эдгара По, Марка Твэна, Лонгфелло да Джека Лондона, онъ, кажется, не знаетъ никого: ни Уитъера, ни Лауэля, ни Хольмса, ни Эмерсона, ни Торо, ни Генри Джемса, ни О. Генри. Давно уже у насъ ощущается надобность въ серьезномъ трудѣ по исторіи американской литературы. Весьма кстати въ 1914 году вышла въ русскомъ переводѣ маленькая книжка В. Трента и Дж. Эрскина „Великіе Американскіе Писатели“ (изданіе П. И. Пѣвина, бесплатное приложеніе къ журналу „Современникъ“). Книжка дѣльная, мѣстами талантливая; переводъ, къ сожалѣнію, ремесленный.

Уоту Уитмэну въ ней посвящена особая статья, подчеркивающая пророческое значеніе этого поэта. Авторы приводятъ образцы его творчества, указываютъ духовное его родство съ Эмерсономъ и оправдываютъ его притязаніе почитаться національнымъ поэтомъ Америки.

„Въ его стихахъ, въ его взглядахъ на жизнь“, — говорится между прочимъ въ статьѣ, — „Америка явила себя міру въ самомъ величественномъ своемъ видѣ, и надо сказать, что она еще не доросла до его гордой, хотя и нѣсколько туманной мечты о ней.“

Но и въ Старомъ Свѣтѣ онъ имѣетъ свою почву: всякая революція, стремящаяся къ улучшенію условій

¹⁾ „Русская Мысль“, 1913, мартъ.

человѣческой жизни, найдеть въ немъ своего глашатая, а въ его стихахъ — свои боевые кличи и лозунги“.

Космическое сознание Уитмэна.

Намъ уже случалось упоминать любопытный трудъ канадскаго доктора Ричарда Мориса Бёкка „Космическое Сознаніе“, гдѣ Уитмэнъ сопоставляется съ Буддой, Іисусомъ Христомъ, Магометомъ и другими основателями міровыхъ религій. Такихъ неумѣренныхъ почитателей Уитмэна одинъ англійскій поэтъ язвительно назвалъ уитманьяками. Въ 1914 году эта „уитманіакальная“ книга вышла въ русскомъ переводѣ въ издательствѣ „Новый Человѣкъ“. Авторъ затѣялъ собрать и изслѣдовать всевозможные человѣческіе документы, относящіеся къ „озареніямъ“ и „просвѣтленіямъ“ избранныхъ экстатическихъ душъ, вышедшихъ за грани обычнаго сознанія, внезапно увѣровавшихъ въ божественность міра, въ бессмертіе душъ, глянувшихъ изъ времени въ вѣчность. Коллекція у него получилась богатая, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, любопытны. Онъ между прочимъ указываетъ, что чаще всего случаи „озаренія“ бываютъ у 33-лѣтнихъ, 35-лѣтнихъ мужчинъ, — т. е. именно въ томъ самомъ возрастѣ, когда и съ Уитмэномъ произошелъ душевный переворотъ. Онъ цитируетъ слѣдующія строки Уитмэна:

Какъ въ головокруженіи мгновенно
Другое солнце нестерпимымъ блескомъ слѣпить меня,
И всѣ міры позналъ я,
Ярчайшія, невѣдомыя сферы,
Одно мгновеніе будущей земли — земли небесъ.—

и не безъ остроумія указываетъ, что Уитмэнъ, преобразившись, обрѣтя какъ бы новую душу, любилъ въ себѣ и свою прежнюю личность и „ветхаго человѣка“.

„Уитмэнъ, быть-можетъ, первый человѣкъ, который, обладая полнымъ космическимъ сознаніемъ, преднамѣренно возсталъ противъ него, побѣдилъ его и сдѣлалъ его своимъ рабомъ... Уитмэнъ ясно видѣлъ, что хотя эта новая способность и божественна, однако она не сверхъестественнѣе, чѣмъ зрѣніе, слухъ, вкусъ и осязаніе“.

Уитмэнъ и демократія.

Уитмэна принято называть „поэтомъ демократіи“. Это не точно и менѣ всего передаетъ сущность его поэзіи.

Непосредственно въ понятіе демократіи входятъ такіе принципы, какъ равенство и власть большинства, но притомъ въ сферѣ чисто политической. Демократіи, которыя мы могли наблюдать до сихъ поръ, были индивидуалистическими.

Ихъ чисто политическій характеръ отмѣчался такъ часто, что здѣсь было бы излишне настаивать на этомъ. Пресловутое равенство гражданъ передъ закономъ, на основѣ котораго расцвѣтаетъ адъ эксплуатаціи капиталомъ пролетарія, пресловутое всеобщее избирательное право, нигдѣ не помѣшавшее фактическому верховодству финансовой олигархіи, — осуждены въ глазахъ cadaго честнаго человѣка, ибо всякому честному должно быть ясно, что фактически существующій въ любой странѣ демократическій строй есть хитрая ширма, дань времени, удачно сдерживающая взрывъ негодованія массъ мнимымъ предоставленіемъ имъ „власти“.

Ну, хорошо, отвѣтятъ мнѣ, пусть такая демократія является фальсификаціей, это не вредитъ самой идеѣ народоправства.

Дѣло въ томъ, однако, что и „истинная демократія“ можетъ означать, при извѣстныхъ условіяхъ, нѣчто весьма

далекое от поэзии Уитмена, нечто ей прямо противоположное.

Равенство? — Но оно весьма легко может быть понято в смысле мелко-собственнического эгалитаризма. Не чувствуете ли вы, что над революционной Россией носится, как нечистый дух, этот мещанский лик „истинной демократии“? — Раздать, раздѣлить. Эти слова раздаются в деревнѣ, в казармѣ, всюду тамъ, гдѣ нѣтъ подготовки къ общему содружному хозяйству. Республика мелкихъ собственниковъ, хозяйчиковъ-сосѣдей, республика, невольно склоняющаяся къ мысли, что „человѣкъ человѣку волкъ“, или, какъ это красивѣе говорятъ англичане: „каждый мужикъ — король у себя дома“. Свобода в малюсенькихъ кружочкахъ каждой усадьбы. А рядомъ уже заборъ и „чужое“.

Допустимъ, что достигнуть идеала: у каждого клочокъ земли, трудовой надѣлъ и курица в горшкѣ. Всѣ сыты. Но развѣ не ясно, что при этомъ культура, лучшіе плоды которой основаны на коллективномъ трудѣ и коллективномъ пользованіи, рухнула бы цѣликомъ. Чтобы быть цивилизованной — республика мелкихъ собственниковъ должна была бы волей-неволей выйти за предѣлы своего начала и развиваться, — но половинчато, съ неудовольствіемъ, — начала національнаго общиннаго, кооперативнаго и всякаго другого коллективнаго хозяйства. А в области психологіи, в области этики? — Предвкушеніемъ законченной демократіи является косный и надменный эготизмъ, в лучшемъ случаѣ культъ собственной семьи, но какъ подчиненнаго „патріарху“ мірка; а съ другой стороны, ради поддержанія порядка в этой республикѣ индивидуумовъ, — по-гречески атомовъ, — в этой республикѣ сухого песка и борьбы между сосѣдями — грозная государственная власть и церковь, либо категорическій императивъ, ибо иначе — перегрызутся господа „вольные хозяева“.

Вздоръ, конечно, будто многострадальная, Россія

идеть сейчас, какъ утверждаютъ иные лѣвые газетчики, именно къ такому ужасу, но уклонъ такой и частичная опасность — имѣются налицо.

Америка склонна нѣсколько видоизмѣненное, но отнюдь не лучшее, подвижно капиталистическое строе- ние общества, основанное, однако, на доведенномъ до конца индивидуализмѣ со всѣми коррективами государ- ства и пуританизма, признавать именно за идеаль.

А Уитмэнъ? — Мощь и грандіозная красота уитмэ- низма заключается въ противоположномъ такой демо- кратіи началѣ, — въ коммунизмѣ, коллективизмѣ, кото- рые въ психической сферѣ молодой уитмэніанецъ Жюль Ромэнъ назвалъ унанимизмомъ, то-есть—единодушіемъ.

Сліяніе человѣковъ. Равенство не песчинокъ, а ра- венство братскихъ силъ, объединенныхъ сотрудничест- вомъ, и слѣдовательно — дружбой и любовью. Бра- тство, провозглашенное за основное начало, — кос- мическое братство, ибо, обнявъ человѣка, оно, по типу братскаго общества, начинаетъ постигать всю при- роду. Что особенно странно и величественно, не ожи- данно, но естественно — даже борьбу склонно оно лишать элемента ненависти и разсматривать какъ особый видъ сотрудничества, въ которомъ изъ хаоса растетъ космосъ.

Тутъ Уитмэнъ, тутъ Верхарнъ, тутъ новая поэзія: въ побѣдѣ надъ индивидомъ, въ торжествѣ человѣчества, въ смерти эгоизма и воскресеніи личности, какъ созна- тельной волны одинаго океана, какъ необходимо свое- образной ноты въ единой симфоніи. Это ширитъ сердце, раскрываетъ его. Уитмэнъ — человѣкъ съ раскрытымъ сердцемъ. Такихъ будетъ много, когда упадутъ стѣнки нашей одиночной тюрьмы, тюрьмы индивидуализма и собственности. Быть человѣкомъ съ раскрытымъ серд- цемъ и потому стать любимцемъ природы, снять съ нея для себя и паствы своей злое очарованіе и постичь ее какъ волшебное-разнообразное е д и н с т в о, не умомъ постичь, а всѣмъ существомъ почувствовать, — это трудно

сейчасъ, и можетъ-быть, это основа всякой геніальности. У Уитмэна особенно очевиднымъ сталъ геній, то-есть раскрытость сердца, но она основа подлиннаго художства и называлась симпатіей. Только это жалкое названіе, — дѣло идетъ о сляянности.

Безбрежно-могучія мысли пантеистовъ всѣхъ временъ и народовъ, экстазы мистиковъ и счастливыхъ созерцателей, самозабвенный героизмъ, проповѣдь и практика любви къ ближнему и дальнему, музыка — все это предтечи того всечеловѣческаго чувства, того космическаго само-и всесознанія, къ которому естественно уготованъ человѣкъ, носитель сознанія природы, но отъ котораго онъ оторванъ личиной своего мѣщанскаго „я“. Прочтите большое стихотвореніе Уитмэна: „Тебѣ“.

Коммунизмъ принесетъ съ собой, — для иныхъ сразу, для другихъ постепенно, — просіяніе. Коммунизмъ поставитъ человѣка на свое мѣсто. Проснется человѣкъ и пойметъ радостное свое предназначеніе — быть сознательнымъ и бессмертнымъ завершителемъ вселенскаго зодчества. Бессмертнымъ. Человѣкъ бессмертенъ. Только индивидъ смертенъ. Кто этого не понимаетъ — тотъ и Уитмэна не понимаетъ.

Въ области политики и экономіи коммунизмъ есть борьба противъ частной собственности со всей ея уродливой государственной, церковной и культурной надстройкой. А въ области духа — это стремленіе сбросить жалкую оболочку „я“ — и вылетѣть изъ нея существомъ, окрыленнымъ любовью, бессмертнымъ, безстрашнымъ, подобнымъ Уитмэну, — стать великаномъ-всечеловѣкомъ.

А. Луначарскій.

1/II 1918.

Петербургъ,

Домъ Рабоче-Крестьянской

Арміи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	5
Уотъ Уитмэнъ (критико-библіографическая статья)	9
Стихи Уота Уитмэна:	
Вы преступники, приведенные въ судъ	77
Тебѣ	78
Изумленіе ребенка	—
Тому, кто скоро умереть	—
Городская мертвецкая	79
Любовныя игры орловъ	80
Пѣсня о большой дорогѣ	—
Деревенская картина	85
Тебѣ	—
Изъ „Пѣсни о самомъ себѣ“	88
Дѣти Адама:	
Запружены рѣки мои	109
Женщина ждетъ меня	113
Часть изступленія	114
Аирь:	
О жуткомъ сомнѣніи	116
Лѣтописцы грядущихъ вѣковъ	117
Когда я услыхалъ	118
Незнакомому	119
Мы двое мальчишекъ	—
Если кого я люблю	120
Ты, за кѣмъ, безсловесный	—
Разныя стихотворенія:	
Европа	—
Бей, бей, барабанъ	122
Годы современные	123
Ты мальчишка изъ прерій	124
Когда я читаю книгу	125
Одной пѣвицѣ	—
Я знаю, что лучшее время	—
Изъ „Пѣсни о Выставкѣ“	—
Русское о Уитмэнѣ	130
Послѣсловіе А. Луначарскаго	150

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТРОГРАДЪ - НЕВСКІЙ, 64.

„ПАРУСЪ“.

Имѣются въ продажѣ:

М. ГОРЬКІЙ. „Въ людяхъ“ (продолж. „Дѣтства“). Ц. 4 р.

М. ГОРЬКІЙ. „Русскія сказки“. Ц. 1 р. 50 к.

М. ГОРЬКІЙ. „Ералашъ и др. рассказы“. Ц. 5 р.

В. МАЯКОВСКІЙ. „Простое какъ мычаніе“. Ц. 1 р. 50 к.

В. МАЯКОВСКІЙ. „Война и Миръ“. Поэма. Ц. 1 р. 75 к.

ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. „Монархъ“. Романъ. Ц. 1 р.

М. ГОЛЬДШМИДТЬ. „Еврей“. Романъ. Пер. М. Благо-
вѣщенской. Ц. 2 р. 50 к.

Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. „М-ръ Бритлингъ и война“. Пер. съ
англ. М. Ликиардопуло. Ц. 7 р.

„**Волкъ Фенрисъ**“. Финансовая повѣсть. Пер. Перазича.
Ц. 2 руб.

Ж. ТЬЕРСО. „Празднества и пѣсни Французской Револю-
ціи“. Пер. съ франц. К. М. Жихаревой. Ц. 4 р.

Проф. Д. КУДРЯВСКІЙ. „Какъ жили люди въ старину“.
Ц. 2 руб.

Проф. САКУЛИНЪ. „Реформа русскаго правописанія“.
Ц. 2 р.

„**Сборникъ Армянской литературы**“. Подъ ред. М. Горь-
каго. Ц. 3 р. 50 к.

„**Сборникъ Латышской литературы**“. Подъ ред. В. Брю-
сова и М. Горькаго. Ц. 6 р.

Издательство
Невскій, 64.

„ПАРУСЪ“.

„Сборникъ Финляндской литературы“. Подъ редакціей
В. Брюсова и М. Горькаго. Ц. 6 р.

Пролетарскій сборникъ. Подъ ред. М. Горькаго. Ц. 3 р.

БУНИНЪ. Собраніе сочиненій. Т. X. Цѣна 6 р.

Э. ГЕРМАНЪ. Растопленный полюсъ. Стихи. Ц. 2 р. 50 к.

ВЯЧ. ШИШКОВЪ. „Тайга“. Повѣсть. Ц. 3 р. 50 к.

К. ЧУКОВСКІЙ. Уоть Уитмэнь. „Поэзія Грядущей
Демократіи“.

М. ГЕРАСИМОВЪ. „Веніе зовы“. Стихи. Ц. 2 р. 50 к.

ДЖ. М. БАРРИ. „Бѣлая птичка“. Романъ. Ц. 4 р.

Народныя многокрасочныя картины:

„Самодержавный строй“. Рис. А. Радакова. Ц. 1 р. 50 к.

„Царь-рѣпка“. Рис. А. Радакова. Ц. 1 р.

„Казенная винная лавка“. Рис. В. Лебедева. Ц. 1 р.

„Кого мы защищали раньше и защищаемъ теперь“.
Рис. В. Маяковскаго. Ц. 1 р.

„Царствованіе Николая Послѣдняго“. Рис. В. Маяковскаго. Ц. 75 к.

„Забывчивый Николай“. Рис. В. Маяковскаго. Ц. 75 к.

Готовятся къ печати:

В. Я. БРЮСОВЪ. Полное собраніе сочиненій.

И. А. БУНИНЪ. Полное собраніе сочиненій.

Издательство
Невскій, 64.

„ПАРУСЪ“.

ДѢТСКІЯ КНИГИ:

„Елка“ — книга для дѣтей. Цѣна 10 р.

„Айвенго“. Пер. З. Журавской. Съ новыми иллюстраціями худ. В. Лебедева. Ц. 4 р.

„Вильгельмъ Телль“. Пер. М. Чуковской. Съ новыми иллюстраціями худ. Ю. Анненкова. Ц. 3 р. 50 к.

Указанныя книги являются началомъ цѣлаго ряда изданій, какъ-то: библіотека романовъ, полная собранія сочиненій лучшихъ писателей русскихъ и иностранныхъ, библіотека дѣтскихъ книгъ и др., выпускаемыхъ нашимъ издательствомъ.

УСЛОВІЯ ПРОДАЖИ:

выписывающимъ на сумму до 100 руб. (нетто)
25% скидки.

При заказѣ свыше 100 руб. — 30% скидки.

Пересылка за счетъ заказчика.

Упаковка при заказѣ свыше 100 руб. за счетъ издательства.

